

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЕ

СЪ УЧАСТИЕМЪ: АРХИМАНДРИТА АМФИЛОХІЯ, Ф. К. БРУНА, П. БУТКОВА, В. М. ВЕДРОВА, В. ГЕЙДА,
Д. И. ИЛОВАЙСКАГО, М. А. МАКСИМОВИЧА, И. Д. МАНСВЕТОВА, К. И. НЕВОСТРУЕВА, Ф. ПИПЕРА,
ФОНЪ—ПРОКЕШЪ—ОСТЕНА И В. Г. ТИЗЕНГАУЗЕНА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. ГЁРЦА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ,

съ 1 гравированнымъ, 1 литографированнымъ, и 1 фотолитографическимъ снимками и 13 политипажамъ.

МОСКВА.

1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.	
Омофоръ. Статья Чл. К. И. Д. Мансветова	137—154.
О мѣстности города Танаиса. Изъ рукописи покойнаго П. Буткова	155—168.
II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.	
Описаніе развалинъ церкви св. Георгія. ИЗЪ ОФФИЦІАЛЬНАГО ДОНЕСЕНІЯ	169—172.
О рукописи путешествія Бертрандона де ла Брокіера. Статья Д. Чл. Ф. К. Бруна	172—175.
Находка Золото—ордынскихъ монетъ Статья Д. Чл. В. Г. Тизенгаузена	—175.
Норманскій мечъ, его же	—176.
О древней гривнѣ. Статья Д. Чл. Архимандрита Амфилохія.	177—179.
Прибавленіе къ украинскимъ древнимъ стрѣламъ. Статья Д. Чл. М. А. Максимовича	—180.
Фарцой, царь Скиѳовъ. Статья г. Фонъ—Провешъ—Остена	—181.
Елабужскія древности. Статья Д. Чл. К. И. Невоструева.	183—189.
Замѣтки изъ Керчи	190—202.
III. БИБЛИОГРАФІЯ.	
Нумноgraphie de l'Eglise grecque, par le cardinal Pitra. Статья Чл. К. И. Д. Мансветова	203—214.
Photius, Patriarch von Constantinopel, von Hergenröther.	215—218.
Статья Д. Чл. В. М. Вѣдрова	219—223.
Четыре бесѣды Фотія. Изданіе Архимандрита Порфирія Успенскаго. Статья его же	219—223.
Извѣстія о Хазарахъ Д. А. Хвольсона. Статья Д. Чл. Д. И. Иловайскаго	—223.
Codice diplomatico delle colonie tauro—liguri. Рецензія В. Гейда.	224—226.

1951

1957

1962 г.

1965 г.

81

502. БИБЛИОТЕКА
Историко-Краеведческой
Музейной работы

B-328

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОМОФОРЪ.

И. Д. Мансветова.

Материалы для изучения омофора заключаются преимущественно в истолковательных литургических сочинениях отцев восточной церкви, а также разбѣяны по мѣстам у древних церковных писателей. Но вообще литература этого предмета не богата. Древнѣйшія письменныя свидѣтельства кратки и отрывочны, а болѣе обстоятельны—принадлежать временамъ позднѣйшимъ. О богослужебныхъ одеждахъ восточной Церкви писали толкователи литургіи: Софроній, патріархъ Іерусалимскій (Comment. liturg. fragm. Spicileg. Roman. T. IV. 1840), Германъ, патріархъ Константинопольскій (Rerum eccles. contempl.), и Симеонъ Солунскій (De templo et interpretaatio Liturg.).

Изъ свѣтскихъ писателей имѣютъ значеніе византійскіе историки: они представляютъ свѣдѣнія какъ для изученія придворнаго византійскаго костюма, такъ и церковныхъ облаченій. Таковы: Константинъ Порфирородный (*De caeremoniis aulae Byzantinae*), Кодинъ (*De officiis curiae et eccles. Constantin.*) и друг. По слѣдамъ этихъ писателей шли ихъ комментаторы и составители глоссы и словарей. Сюда относятся: Рейске (*Annotation. ad Constantin. Porphyrog.*), Гоаръ (*Notae ad Euchol. seu ritual. Graec.*), Гретзеръ (*Notae ad Euchol. Goar.*) и др. Сводъ мѣстъ, относящихся къ исторіи церковныхъ одеждъ, представляютъ: Дюканжъ (*Du-Cange, Glossar. mediae et infimae Graecit.*) и Меурсій (*Meursius, Glossar. Graeco-barbar.*). Въ новой археологической литературѣ видное мѣсто занимаетъ сочиненіе Вейсса: *Kostümkunde oder Geschichte der Tracht. Stuttg. 1860—1864*, въ которомъ особенное отдѣленіе посвящено исторіи облаченія западнаго и восточнаго,—также труды Гретзера и Бока.

При недостаткѣ ясныхъ указаній на внѣшній видъ и особенности той или другой церковной одежды у древнихъ писателей, также для исторіи измѣненій въ составѣ богослужебнаго облаченія, важны иллюстрированныя изданія. Мы имѣемъ въ виду: *D' Agincourt; L'histoire de l'art, Salzenberg, Baudenkmale von Constantinopol vom V bis XII. Jahr 1854. Berl.* снимки у Вейсса, Дюканжа и др. Другія сочиненія и пособія будутъ указаны далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

Первый вопросъ, который представляется при изученіи омофора, касается его вида и, такъ сказать, внѣшняго покроя. Рѣшеніе этого вопроса на основаніи нынѣ существующаго типа этой архіерейской одежды, конечно, не представляетъ трудности; но такое опредѣленіе не имѣло бы историческаго значенія и не объяснило бы, что такое былъ омофоръ въ древности и какимъ измѣненіямъ подвергался онъ съ теченіемъ времени. Это заставляетъ обратиться къ древнѣйшимъ письменнымъ свидѣтельствамъ о видѣ омофора и къ древнимъ изображеніямъ епископскаго облаченія. Но что касается письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, то они, какъ мы уже замѣтили, и скудны, и не восходятъ ранѣе пятаго вѣка. Древнѣйшее изъ нихъ, принадлежащее Исидору Пелусіоту (436), ничего не говоритъ о видѣ этой священной одежды, а только указываетъ на ея символическое значеніе и на матеріаль, изъ котораго она приготовлялась (το δὲ Ἐπισκόπου ὀμοφόριον ἐξ ἐρέας ὄν, ἀλλ' ἔτι λίνυ, τὴν τῆ προβάτου δорάν σημαίνει. Ἐπεὶ πλανηθὲν ζητήσας ὁ Κύριος ἀνέλαβεν. *Lib. 1 ep. 136*).

Другое, болѣе полное и обстоятельное, идетъ отъ западнаго писателя Иоанна Діакона въ его біографіи Григорія Великаго (Двоеслова). Здѣсь говорится о Св. Григоріѣ, что онъ носилъ паллій (*pallium*—название одежды западныхъ епископовъ, соответствующей омофору восточныхъ), который, опускаясь съ праваго плеча ниже груди, поднимался на лѣвое и падалъ назадъ по спинѣ, а другой конецъ его точно также, но только съ обратной стороны (сзади), шелъ черезъ лѣвое плечо и опускался сбоку. («*Pallio mediocri utebatur a dextro videlicet humero sub pectore super stomachum circulatim deducto, deinde sursum per sinistrum humerum post tergum deposito, cujus pars altera super eundem humerum veniens, propria rectitudine non per medium corporis, sed a latere pendet*». *Joh. Diac. vit. Greg. l. IV. c. 84*). Это свидѣтельство важно въ двухъ отношеніяхъ: оно, во первыхъ, представляетъ довольно ясное описаніе внѣшняго вида паллія и показываетъ, какимъ образомъ его носили. Отсюда видно, что паллій, приписываемый Григорію, былъ не что иное какъ длинная полоса матеріи (орарь), обертывавшаяся вокругъ шеи, такъ что одинъ конецъ ея спускался черезъ лѣвое плечо спереди, а другой сзади. Въ вторыхъ, приведенное свидѣтельство даетъ ясное указаніе на то, что уже въ VI вѣкѣ *pallium* западныхъ епископовъ былъ въ главныхъ чертахъ тоже, что и современный ему омофоръ восточныхъ, и что потому нѣтъ надобности настаивать на этимологическомъ значеніи имени *pallium*, какъ особеннаго вида тоги, чтобы въ этой одеждѣ видѣть прототипъ западнаго омофора. Судя по данному описанію, палліумъ епископскій утратилъ уже свое родство съ этою одеждою. Софроній, патріархъ Іерусалимскій, говоря объ омофорѣ, ограничивается замѣчаніемъ, что онъ былъ трехскладный, въ ознаменованіе служенія Св. Троицѣ (*Лит. пос. Отц. Ч. 1. стр. 271*). Не приводимъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ: Св. Германа (*ibid. стр. 368*), Симеона Солунскаго (*ibid. ч. 3. стр. 23*) и средневѣковыхъ писателей Гретзера (*Observatt. in Georg. Codin. l. 1. c. XVI.*), Гоара (*Not. ad Ep. consecrat. p. 312 §. 8*), которые или ограничиваются общими замѣчаніями о видѣ омофора, неимѣющими особеннаго интереса, или повторяютъ выраженія своихъ предшественниковъ. Болѣе значенія для объясненія нашего вопроса имѣютъ источники монументальныя, или живописныя изображенія омофора въ произведеніяхъ древняго церковнаго искусства. Этотъ путь даетъ возможность наглядно ознакомиться съ древнѣйшими формами омофора и его измѣненіями въ составѣ архіерейскаго облаченія. Древнѣйшія изображенія омофора дошли до насъ отъ VI вѣка и встрѣчаются почти на одновременныхъ памятникахъ церковныхъ на Востокѣ и Западѣ. Такимъ образомъ они представляютъ данныя для сравненія внѣшняго вида восточныхъ омо-

форовъ съ современными имъ западными. Въ Равенской базиликѣ Св. Виталія, построенной Юстиніаномъ (547), сохранилось изображеніе императора, окруженнаго придворною свитою въ сопровожденіи трехъ духовныхъ лицъ. Одно изъ нихъ представляетъ Еп. Максиміана въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Онъ одѣтъ въ широкую длинную тунику (стихарь, *tunica talaris*), фелонь (*paenula*) и омофоръ.

(См. Weiss, *Kostümkunde*. Th. 2. Abschn. 1, fig. 43; *ibid.* fig. 64. Рисунки воспроизведены съ копій, сдѣланной Ферстеромъ, по порученію Фридриха Вильгельма IV, на мѣстѣ находенія. D'Aginc. l'Hist. de l'Art. Peint. pl. XXI).

Омофоръ епископа положенъ на фелонь и имѣетъ видъ узкой полосы (ораря) съ крестомъ на концѣ. Этотъ орарь накинутъ на плечи совершенно такъ, какъ описывается у Іоанна Діакона: одинъ конецъ его спускается съ лѣваго плеча напереди, а другой долженъ лежать на спинѣ съ той же лѣвой стороны. Замѣчательна особенность въ положеніи омофора,—общая впрочемъ и другимъ древнимъ изображеніямъ омофора,—что онъ не плотно обвертывается около шеи, но низко падаетъ на грудь,—именно среднею частію опускается до той точки, которая обозначается биографомъ Григорія: «*sub pectore super stomachum*». Вообще положеніе омофора очень простое и естественное. Съ описаннымъ изображеніемъ совершенно сходно другое современное ему въ базиликѣ св. Аполлинарія въ Равеннѣ. Здѣсь представленъ еп.

Аполлинарій въ фелони и омофоръ подобнаго же устройства (Marting, Diction. p. 639).

Обратимся къ памятникамъ современнаго Востока. Для нашей цѣли имѣютъ весьма важное значеніе снимки съ мозаикъ Софійскаго собора въ Константинополѣ, сдѣланные во время реставраціи этого храма архитекторомъ Фоссати и изданные по порученію прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV въ великолѣпномъ изданіи Зальценберга: *Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII J.* Berl. 1854.

У епископовъ IV вѣка: Григорія Богослова, Василя Великаго, Николая Чудотворца и другихъ, здѣсь изображенныхъ, омофоръ представляется въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ на современныхъ софійскимъ мозаикамъ западныхъ изображеніяхъ равенскихъ. Въ снимкахъ Зальценберга омофоръ значительно длиннѣе и шире, чѣмъ въ равенскихъ мозаикахъ. Омофоръ лежитъ на оконечностяхъ плечъ широкою полосою, которая перегибается на груди и продолжается отсюда широкимъ концомъ, достигающимъ до пола. Положеніе этого конца, какъ бы выходящаго изъ середины перегиба и висящаго ровно по срединѣ фигуры, составляетъ особенность софійскихъ омофоровъ сравнительно съ указанными выше. Омофоръ, положенный такимъ способомъ, носитъ слѣды искусственной отдѣлки: именно часть, составляющая его продолженіе спереди до полу, могла лежать такимъ образомъ и такъ относиться къ частямъ покрывающимъ плечи, лишь будучи пришитою или приколотою. Иначе она должна была опускаться къ сторонѣ, а не лежать по срединѣ (*propterea rectitudine a latere pendere*). Г. Прохоровъ въ своемъ журналѣ: «Христіанскія Древности и Археологія» вы-

сказалъ предположеніе, что рисунки омофора, сдѣланные Зальценбергомъ, не вѣрны и составлены по образцу западныхъ палліевъ (1863 г., тетр. 3.). Но, сравнивая эти послѣдніе въ ихъ типической формѣ съ рисунками омофора на софійскихъ мозаикахъ, нельзя не видѣть между ними рѣзкаго различія, а въ омофорахъ по снимкамъ Зальценберга—типическихъ чертъ омофора древнехристіанскаго. Равенскія и константинопольскія мозаики имѣютъ между собою то общее, что у нихъ сгибъ омофора (спереди) лежитъ на одной линіи: *super stomachum sub rectore*. Этотъ сгибъ—покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рисункахъ Зальценберга—обозначается совершенно явственно, только сдѣланъ изящнѣе и красивѣе, чѣмъ на современныхъ памятникахъ западныхъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи рисунокъ омофоровъ софійскихъ рѣзко отличается отъ позднѣйшей западной формы паллія. Къ этимъ изображеніямъ, снятымъ у Зальценберга, близко подходят миниатюры изъ рукописи, заключающей сочиненія Григорія Богослова (VIII—IX в.). Здѣсь омофоры, по внѣшнему виду, сходны съ софійскими (также три креста: два на плечахъ и одинъ на переднемъ концѣ омофора, такой же длины спускъ съ плечъ на грудь, та же длина и также передній конецъ омофора проходитъ по срединѣ), но сгибъ омофора обозначается очень замѣтно и не позволяетъ отождествлять данную форму омофора съ типомъ западнаго паллія IX-го и слѣдующихъ вѣковъ (см. снимки: *Du Cange. Constant. Christ. lib. III. p. 77. Ibid. lib. IV. p. 125* *)

Дальнѣйшее измѣненіе омофора, судя по образцамъ, представляемымъ D' Аженкуромъ и въ другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: омофоръ имѣетъ видъ длинной

*) Вейссъ признаетъ снимки Зальценберга правильными и называетъ форму софійскихъ омофоровъ раздвояющеюся, вилообразною (*gabelförmig*). Имѣя въ виду сообщеніе, сдѣланное изъ Петербурга, что восточный омофоръ всегда отличался отъ западнаго паллія, и что снимки Зальценберга не вѣрны, Вейссъ находитъ это мнѣніе голословнымъ, а самое недомнѣніе неразрѣшимымъ, такъ какъ стѣны Софійскаго храма вновь загрунтованы послѣ работъ Фоссати. Но желая въ то же время доказать, что рисунокъ Зальценберга вѣренъ, онъ высказываетъ слѣдующее, произвольное предположеніе—будто римская церковь навсегда удержала эту раздвояющуюся форму въ своихъ палліяхъ, а восточная очень скоро ее оставила и замѣнила прежде употреблявшимся омофоромъ въ видѣ простой повязки (*Weiss Kostüm. S. 683*). Пользуемся случаемъ замѣтить, какъ нерѣдко западные изслѣдователи, не имѣя возможности основательно познакомиться съ практикою восточнаго богослуженія, принимаютъ на вѣру показанія своихъ единоземцевъ и повторяютъ ихъ недосмотры и ошибки. Такъ Вейссъ, ссылаясь на авторитетъ Эльснера, говоритъ, что греческіе архимандриты носятъ омофоръ, который отличается отъ епископскаго только тѣмъ, что короче его. Здѣсь смѣшиваются большой и малый омофоръ). *Weiss, S. 233*. То же ошибочное мнѣніе раздѣляетъ и Зигель (*Handbuch d. christlich. Alterth. V. III. S. 50*).

повязки, которая обвертывается вокругъ шеи и не представляетъ раздвоенія, какъ омофоры софійскіе; перегибъ большею частію лежитъ высоко, концы спереди и сзади длинные. Перечислимъ болѣе замѣчательныя изображенія омофора за этотъ періодъ времени для нагляднаго ознакомленія съ его формою. У Д' Аженкура на 32 и 33 таблицахъ представлены снимки съ изображеній, украшающихъ греческій менологій императора Василія (X в.). Одинъ изъ рисунковъ представляетъ изображеніе седьмага Вселенскаго собора. На полукругломъ возвышеніи, по обѣ стороны предсѣдательствующаго императора Θεодора, засѣдаютъ шесть епископовъ, въ полномъ облаченіи. Омофоръ у нихъ имѣетъ видъ длиннаго ораря, перегнутаго вокругъ шеи; одинъ конецъ его падаетъ спереди, другой долженъ опускаться назадъ. На другомъ рисункѣ изображенъ мученикъ Дорофей во время истязанія отъ язычниковъ; его положеніе позволяетъ видѣть задній конецъ омофора: онъ также длиненъ и достигаетъ до самыхъ пятъ. На 49-мъ листѣ Д' Аженкурова собранія представленъ снимокъ съ миниатюръ Паноплии, греческ. рукописи XII в. Здѣсь мы видимъ рядъ восточныхъ отцовъ IV—V в., которые подаютъ императору Алексѣю Комнину свитки своихъ сочиненій, послужившихъ основаніемъ Паноплии, догматическаго сочиненія, написаннаго по порученію этого государя. Омофоры у епископовъ такого же вида и устройства, какъ и въ предыдущихъ изображеніяхъ. Этотъ видъ омофора сохраняется и въ послѣдствіи; въ этой формѣ онъ перешелъ и въ нашу литургическую практику.

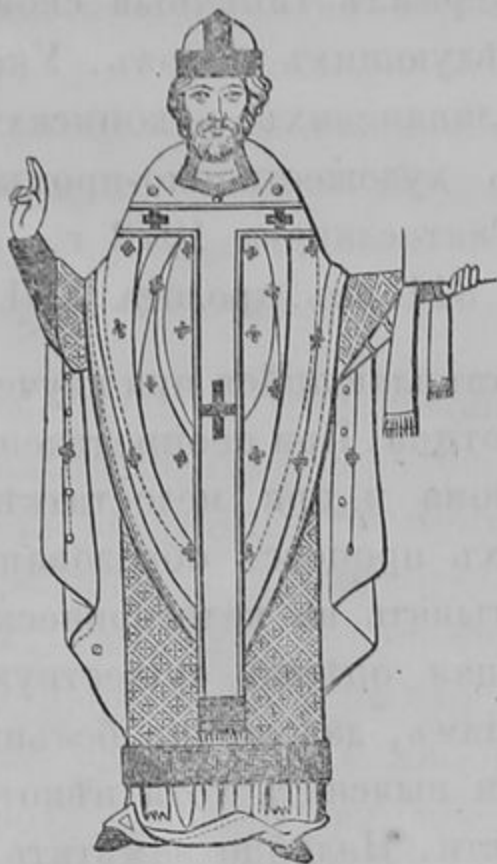
Палліумъ или омофоръ западныхъ архіереевъ подвергся также измѣненіямъ, и притомъ измѣненіямъ болѣе значительнымъ, чѣмъ омофоръ на Востоцѣ, такъ что по внѣшнему виду замѣтно отклонился какъ отъ своей древнѣйшей формы (равенскія мозаики, описаніе паллія папы Григорія, сдѣланное Іоанномъ Діакономъ), такъ и отъ омофоровъ восточныхъ. Разность въ устройствѣ западнаго омофора мы можемъ изучать съ IX вѣка на основаніи живописныхъ изображеній. Къ этому времени уже успѣли обнаружиться обрядовыя разности между Западомъ и Востокомъ, выработались своеобразныя формы литургіи и особенности въ богослужебномъ облаченіи. Обращаемъ вниманіе на миниатюры *Libri Pontificalis* по редакціи IX вѣка. Здѣсь представлены, между прочимъ, епископы въ полномъ облаченіи, въ моментъ посвященія клириковъ разныхъ степеней. Омофоръ имѣетъ ту особенность, что онъ не обвертывается вокругъ шеи, но лежитъ на плечахъ двумя полосами, сходящимися на груди и продолжающимся длиннымъ концомъ до низу. Это уже сшивной омофоръ, напоминающій эпитрахиль въ облаченіи восточныхъ священниковъ, только уже ея. (D'Aginc. pl.

37. fig. 9). Здѣсь изображенъ епископъ, передающій чтецамъ церковныя книги; надпись: tradidit eis Eps. codices. (Ср. fig. 5. fig. 3). Форма паллія и въ этихъ и слѣдующихъ рисункахъ близко подходитъ къ той, которую Вейссъ называетъ раздвояющею (gabelförmig) и находитъ въ изображеніяхъ омофоровъ у Зальценберга. Но между этими послѣдними образцами и сейчасъ описанными существуетъ та ризница, что въ омофорахъ софійскихъ можно различать болѣе или менѣе ясно сгибъ спереди, а на западныхъ палліяхъ этого признака нѣтъ. Здѣсь просто двѣ полосы, лежація на плечахъ, соединяются въ одну, а не перегибаются). Вейссъ приводитъ нѣсколько образцовъ паллія по миниатюрамъ одной латинской рукописи времени Пипина

(Kostüm. Abschn. II. fig. 283). Эти образцы вполне сходятся съ вышеописанными и съ изображеніями на латинской рукописи «Exultet» того-же времени (D'Aginc. pl. 53. fig. 8—9). Рядомъ съ этою формою, и какъ дальнѣйшее ея развитіе, является видоизмѣненное омофора, состоящее въ томъ, что верхняя часть его получаетъ видъ

круглой повязки; низко спущенной на плечи; отъ нея спереди и сзади спускаются два конца, (Weiss, *Kostüm*. fig. 284 a. *ibid.* fig. 68. D'Aginc. pl. 56. fig. 8. Otte, *Handbuch der Kunstarch.* Th. III. fig. 318. Marten, *De ritib. eccles.*).

Въ послѣдствіи прибавили къ паллію еще двѣ небольшія полоски, лежавшія на плечахъ. Бона говоритъ: «*Est pallium fascia lanea candida, tribus circiter digitis lata et in modum circuli contexta, quae super humeros imponitur, ex quo circulo alia similis fascia ante pectus, alia deorsum ex opposito pendet; duae super humeros demittuntur. Ipsum autem pallium tribus aciculis sive spinulis alligatur*».

Такъ какъ богослужебная практика въ Россіи опредѣлилась византійскимъ вліяніемъ, то и священныя одежды, вошедшія въ церковное употребленіе на Руси, устраивались по образцу греческихъ. Древнѣйшія изображенія святителей на мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора, если сличить ихъ съ изображеніями греческими того же времени, представляютъ въ облаченіи полное сходство во всѣхъ частяхъ и между прочимъ въ омофорѣ (Закревск., *Опис. Кіев. л.* IX. ср. D'Aginc. pl. 58 и 91). Изъ древнихъ омофоровъ, сохранившихся и доселѣ, можно указать на омофоры епс. Новгородскихъ Никиты (†1107) и Моисея (†1329). (См. *опис. въ Древн. Рос. Госуд. отд. 1, рис. 96—100*). Въ Московской патріаршей ризницѣ, по *опис. Пр. Саввы*, находится семь омофоровъ, принадлежащихъ временамъ патріаршества, а одинъ сомнительной древности приписывается Алексадру, еписк. Александрійскому (*опис. л. VII*). Нѣкоторые изъ этихъ омофоровъ греческаго происхожденія и получены русскими іерархами въ подарокъ отъ гре-

ческихъ. Въ недавно изданномъ Строгоновскомъ лицевомъ иконописномъ подлинникѣ изображенія святителей греческихъ и отечественныхъ также представляютъ матеріаль для опредѣленія формы омофора въ русской церкви XVI и XVII вв. Замѣчательно, что нашъ подлинникъ въ этомъ отношеніи удержалъ типичныя свойства греческаго омофора по образцамъ X и слѣдующихъ вѣковъ. Указываемъ на изображенія святителей въ древне-славянскихъ рукописяхъ по снимкамъ, находящимся въ Московскомъ художественно-промышленномъ музеумѣ: №№ 1, 2; изъ Изборника Святославова 1073 г., № 9 изъ словъ Григорія Назіанзина XIV в.; № 311 изъ пролога XIII в.

Другой вопросъ, представляющійся при изученіи омофора, касается его происхожденія или прототипа. При неопредѣленности технической терминологіи древняго костюма и при недостаткѣ ясныхъ историческихъ указаній, объясняющихъ процессъ образованія церковнаго облаченія, конечно нельзя рассчитывать на категорическое рѣшеніе даннаго вопроса. Но и надлежащая оцѣнка существующихъ данныхъ можетъ привести къ заключеніямъ, далеко не безынтереснымъ для исторіи церковнаго облаченія, и выяснитъ хотя нѣкоторыя стороны этой, еще мало освѣщенной области. Надобно замѣтить, что названіе омофоръ ($\omega\mu\omicron\varsigma\text{-}\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$) не есть исключительно литургическое, но употреблялось и въ области обыкновеннаго житейскаго костюма. Такъ $\omega\mu\omicron\varphi\omicron\rho\iota\omicron\nu$ называлось покрывало или платокъ, носимый женщинами на головѣ и опускавшійся на плечи (Du Sang. sub voce: $\omega\mu\omicron\varphi\omicron\rho\iota\omicron\nu$). Въ этомъ значеніи мы встрѣчаемъ слово « $\omega\mu\omicron\varphi\omicron\rho\iota\omicron\nu$ », иногда « $\mu\alpha\varphi\omicron\rho\iota\omicron\nu$, *maphor-te*», у лексикографовъ и нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Палладій въ Лавзаникѣ упоминаетъ объ омофорѣ одной дѣвицы (с. 138). Меурсій приводитъ свидѣтельство средневѣковаго писателя Ахмеса (Achmes), который, объясняя разныя суевѣрныя примѣты, между прочимъ даетъ объясненіе и на то: если бы замужней женщинѣ приснилось, что « $\mu\alpha\varphi\omicron\rho\iota\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\nu\tau\eta\varsigma$ $\eta\rho\theta\eta$ $\acute{\alpha}\pi$, $\acute{\alpha}\nu\tau\eta\varsigma$ $\beta\iota\alpha$ $\mu\alpha\rho\acute{\alpha}$ $\tau\upsilon\omicron\varsigma$ ». (Meurs. Glossar. p. 335). Преданіе объ омофорахъ Богородицы (*) и св. Анны, сохранявшихся во Влахернскомъ монастырѣ, указываетъ именно на этотъ родъ одежды, бывшей въ употребленіи у женщинъ на востокѣ. Мы не знаемъ, какой видъ имѣли эти омофоры, но на существованіе ихъ указываютъ средневѣковые византійскіе писатели: напр. Левъ Грам-

(*) Въ позднѣйшей церковной иконописи, при изображеніи покрова Пр. Богородицы, Богоматерь представляется съ длиннымъ ораремъ, перекинутымъ на руки. Но эти изображенія не могутъ дать намъ вѣрнаго понятія о видѣ одежды, называемой омофоромъ Богородицы, и очевидно взяты изъ представленія объ омофорѣ архіерейскомъ. У Діонисія Фурнографіота въ числѣ иконописныхъ сюжетовъ не встрѣчается этого послѣдняго.

матикъ, когда говорить объ известномъ чудѣ потопленія неприятельскихъ судовъ близъ Константинополя послѣ того, какъ патриархъ Фотій погрузилъ въ море ризу Богородицы (Leo Gramm. in Michael. p. 463). Неизвѣстный писатель, приводимый у Бандури, говоритъ, что въ его время омофоръ Богородицы находился во Влахернскомъ храмѣ (Anonym. De Antiquitt. Constpl. p. 28). Тотъ же авторъ упоминаетъ и объ омофорѣ св. Анны (ibid. p. 38). То же названіе омофора имѣла верхняя одежда монаховъ. Это была, по словамъ Меурсія, одежда плотно облегающая шею и плечи («Angustum pallium, quo utuntur monachi collum pariter et humeros tegens». Meurs. Glossar. sub voce: Μαφόριον).

Съ этимъ монашескимъ палліемъ имѣетъ общее названіе омофоръ или мафорій въ одеждѣ византійскихъ вельможъ. У Константина Порфиророднаго, при описаніи византійскаго придворнаго церемоніала и официального костюма разнаго рода придворныхъ чиновъ, μαφόριον ἄσπροον, *marhorium album*», считается принадлежностію патриціевъ и возлагается на нихъ при производствѣ въ это званіе (Const. Porphyg. p. 258 ed. Bon.). Онъ же упоминаетъ о мафоріѣ ректора. Это была, какъ видно, одежда въ родѣ большой тяжелой мантии и покрывала все тѣло съ головы до ногъ. (Ibid. p. 529) (*). Изъ сравненія приведенныхъ мѣстъ, гдѣ говорится о различныхъ видахъ одежды, обозначенныхъ однимъ общимъ названіемъ омофора, видно, что самое это названіе еще не показываетъ ихъ внѣшняго тождества, ни необходимой генетической связи. Омофоръ, какъ головной и плечной платокъ женщины, и омофоръ въ значеніи монашеской одежды, покрывавшей шею и плечи, представляютъ одежду родственную и имѣютъ близкое назначеніе; но омофоръ или мафорій византійскихъ вельможъ уже отклоняется отъ этого типа и представляетъ одежду покрывающую все тѣло. Далѣе, если сравнить пречисленные виды одеждъ съ омофоромъ архіерейскимъ, то окажется, что послѣдній имѣетъ съ ними очень отдален-

(*) У византійскихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей названія: «μαφόριον и ὁμοφόριον» иногда употребляются безразлично для обозначенія одной и той же одежды изъ общепотребительнаго костюма, напр у Бандури (Anonym. De antiquitt. Constpl. p. 28—38), названія: «μαφόριον τῆς Θεοτόκου и μαφόριον ἁγίας Ἄννας» употребляются въ томъ же значеніи какъ и ὁμοφόριον у Кодина (Orig. Constpl. p. 49). Точно также безразлично употребляются оба эти названія и относительно омофора архіерейскаго. Кодинъ, описывая церемоніаль коронованія византійскихъ императоровъ, говоритъ, что во время великаго входа діаконъ въ лѣвой рукѣ держитъ омофоръ, въ правой кадилицу (το λέγόμενον ὁμοφόριον. De offic. Constpl. c. XVIII. 38). Кантакузенъ, описывая порядокъ той же церемоніи, ту же одежду архіерея называетъ: μαφόριον Meurs. sub hac voce). Потому-то, говоря о разныхъ видахъ одежды, известной подъ именемъ омофора, мы приводили и тѣ мѣста, гдѣ упоминается и объ мафоріѣ.

ное сходство и сходится лишь въ томъ общемъ признакъ, что имѣеть видъ ораря, носимаго на плечахъ, слѣдовательно покрывающаго плечи, на что указываетъ и самое этимологическое значеніе слова омофоръ. Довольно представить себѣ омофоръ въ его древнѣйшей и позднѣйшей формѣ, чтобы убѣдиться, что между этими одноименными одеждами нѣтъ общаго кромѣ имени (*). Притомъ, что касается до мофорія монашескаго и мафорія византійскихъ вельможъ, то кромѣ внѣшняго несходства, они не имѣютъ значенія въ вопросѣ о происхожденіи омофора архіерейскаго уже потому, что принадлежатъ позднѣйшему времени, когда внѣшній видъ омофора опредѣлился и получилъ устойчивую форму. Нельзя ли выводить омофоръ изъ богослужебныхъ одеждъ ветхозавѣтнаго священства, — именно изъ облаченія первосвященническаго? Въ пользу этого предположенія, повидимому, говоритъ самая аналогія трехъ степеней ветхозавѣтнаго священства съ тремя степенями новозавѣтной іерархіи и указанія, находимыя въ отеческихъ сочиненіяхъ. Замѣчательное свидѣтельство въ этомъ отношеніи представляетъ патріархъ Германъ въ своемъ таинственномъ объясненіи на литургію (Литург. пис. отц. ч. 1, стр. 368. Ср. Софр. *ibid.* стр. 273). «Омофоръ, говоритъ онъ, составляетъ принадлежность Архіерея и соответствуетъ той Аароновой одеждѣ, которую носили подзаконные архіереи, покрывая долгими полотенцами лѣвое плечо, въ знаменіе бремени заповѣдей Христовыхъ». Что разумѣеть здѣсь подъ долгими полотенцами Св. Германъ — трудно опредѣлить со всею ясностію, потому что въ описаніи ветхозавѣтнаго первосвященническаго облаченія, по книгѣ Исхода, ничего не говорится о такихъ долгихъ полотенцахъ. Можно думать, что здѣсь разумѣются концы пояса, которые у еврейскихъ священниковъ были очень длинны, а потому для удобства при отправленіи жреческихъ обязанностей закидывались на лѣвое плечо и висѣли за спиною (Исход. XXVIII. 8, 40. Срав. Weiss, *Kostüm*. 1. Abth. s. 344. Saalschütz, *Archäol. d. Hebr. Th.* 1. s. 15). Болѣе общее и распространенное мнѣніе сближаетъ омофоръ съ ветхозавѣтнымъ эфодомъ. Но какъ далеко можетъ простираться это сближеніе, и можно ли въ эфодѣ дѣйствительно видѣть типъ омофора? Изъ описанія этой принадлежности первосвященническаго облаченія (Исх. XXIII, 6—29. XXXIX. 2—5, 20, 21) можно составить слѣдующее представленіе о внѣшнемъ видѣ эфода: онъ состоялъ изъ двухъ кусковъ разноцвѣтной ткани, лежавшихъ на спиѣ и на груди и соединявшихся на плечахъ нарамниками

(*) Такъ нѣкоторые изъ изслѣдователей думаютъ выводить омофоръ изъ древнегреческаго палліума, основываясь на тождествѣ названій этой послѣдней одежды и западнаго омофора или паллія (Gräzer). Но древнѣйшая форма паллія архіерейскаго уже на столько отклоняется отъ паллія греческаго, что всякая аналогія между ними становится натутою.

или двумя полосами той же матеріи. Снизу эфодъ подпоясывался и такимъ образомъ прилегалъ къ прочимъ одеждамъ (Библ. Истор. м. Филар. ср. изображ. эфода: Neumann, Die Stiftshütte in Bild und Wort. Pl. 3. Godard, Cours d'Archeol. sacr. p. 26. Pl. 2. fig. 1.). Но довольно взять во вниманіе главныя черты омофора и сравнить ихъ съ общимъ видомъ описанной одежды, чтобы видѣть все неудобство аналогіи между эфодомъ и омофоромъ.

Обратимся къ официальному греко-римскому костюму и посмотримъ, какія аналогіи представляетъ онъ для объясненія прототипа разсматриваемой нами одежды. У Римлянъ, въ числѣ другихъ отличій, сенаторамъ и консуламъ предоставлено было право носить тунику съ широкими пурпуровыми полосами или нашивками, такъ называемую «*tunicam laticlavam*»; полосы эти назывались *clavi* и обыкновенно шли параллельно отъ ворота до подола туники спереди. Отсюда выраженіе: «*latum clavum tribuere*» означало то же, что «*senatorem, consulem facere*». Въ христіанской живописи эта особенность грекоримскаго костюма была перенесена на лица ветхозавѣтныя (напр. изображенія пророковъ въ храмѣ Софіи, Salzenb. Baudenk. Bl. XXX, fig. 30); такія полосы встрѣчаются на стихаряхъ священническихъ и епископскихъ. Иногда они идутъ по подолу туники, но чаще образуютъ широкую кайму по краямъ рукавовъ (Weiss, Kostüm. fig. 30. *ibid.* fig. 28, 10). Эти полосы, или нашивки, иногда отдѣлялись (*) и составляли, какъ въ одеждѣ консуловъ, особенную широкую повязку вокругъ шеи, падающую на грудь, «*lorum consulare*». Мы не имѣемъ данныхъ прослѣдить это отдѣленіе *clavi*, какъ нашивной полосы или нашивки, и переходъ ея въ шарфъ или повязку; но представимъ одинъ фактъ, относящійся къ исторіи церковныхъ одеждъ, изъ котораго видно, что это отдѣленіе имѣло и здѣсь свое мѣсто, и что полосы были первоосновою отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей облаченія, явившихся уже послѣ. Въ вышнемъ облаченіи поручи (*ἐπιμανίχια*) составляютъ напр. отдѣльную часть, но въ древности ихъ не было, а были только нашивки или полосы на рукавахъ стихаря по краямъ ихъ. Кромѣ древнихъ изображеній стихаря (при этомъ особенно удобно обратить вниманіе на священническіе и епископскіе стихари съ узкими рукавами (Salzenb. Baudenkam. Bl. XXVIII. D'Aginc. pl. LVIII fig 1.), это предположеніе подтверждается и письменными свидѣтельствами. Такъ у св. Софонія и Германа въ перечисленіи одеждъ цер-

(*) Еще Гораций говорилъ: *latum demisit pectore clavum*. Lib 1. Sat. 6, vers. 27, О значеніи словъ: *clavus* и *lorum* см. Lübker, Real lex. class. Alterthüm. s. 212 и 567.

ковныхъ не упоминается о поручахъ, а говорится только объ обшивкахъ на рукавахъ: *Λορια* (Литур. пис. Отцевъ ч. 1, стр. 272; *ibid.* стр. 367), и этимъ обшивкамъ усвоится то же духовное значеніе, что и поручамъ, заступившимъ ихъ мѣсто (Ср. Сим. сол. Литург. пис. ч. III стр. 21. *Balzam. respons.* 37 ad *Marc. Monach.*). Такимъ же путемъ могло совершиться отдѣленіе нашивокъ или полосъ на другихъ частяхъ литургической одежды и образованіе изъ нихъ особенныхъ полосъ въ видѣ орара въ различныхъ его формахъ. Впрочемъ это послѣднее отдѣленіе должно было произойти гораздо раньше, потому что и на самыхъ древнихъ изображеніяхъ мы видимъ уже омофоръ и орарь въ ихъ настоящемъ видѣ.

Что касается до омофора, то для объясненія его происхожденія особенно важно его отношеніе къ такъ называемому консульскому лору. На консульскихъ диптихахъ, на монетахъ, гдѣ консулы представляются въ своемъ официальномъ одѣяніи, они изображаются съ широкою лентою или перевязью, вышитою разноцвѣтными узорами. Чтобы имѣть понятіе о видѣ и способѣ ношенія лора, довольно имѣть въ виду изображенія на слѣдующихъ консульскихъ диптихахъ: 1) *Dypt. Flav. Felicis cons. an 511.* Снимокъ съ него, приводимый здѣсь, находится у *Banduri: Imper. orientale. Pars. IV, p. 492.* ср. *Weiss, Kostüm.* 2 B. 1 Abschn. fig 51. 2) *Dypt. Filoxeni 525 a. apud Banduri. p. 492.* Ср. *D'Aginc. t. IV. Pl. XII. fig. 6. Ibid. fig. 7, 8, 9, 11, 12, 13.*—

Эту перевязь носили или такъ какъ ленту чрезъ плечо, причемъ концы этой ленты падали спереди и сзади (какъ на фигурѣ 6), или опоясывались

ею крестъ на крестъ, причемъ длинный ея конецъ спускался спереди, какъ на фигурѣ а. Отъ консуловъ эта перевязь перешла и въ одежду императоровъ. Левъ Грамматикъ говоритъ объ императорѣ Василиѣ, что онъ, при освященіи церкви, устроенной имъ во дворцѣ, былъ облеченъ лоромъ «*λῶρον βασιλέως φορέσαντος*». Со времени имперіи консульское достоинство стало все больше и больше падать, и существовало номинально, пока не было совершенно уничтожено. вмѣстѣ съ правами консульской власти императоры сосредоточиваютъ на себѣ и внѣшніе знаки ихъ званія. Потому-то на монетахъ нерѣдко можно встрѣчать изображенія императоровъ въ консульской одеждѣ «*habitu consulari*» съ лоромъ или перевязью. Для изученія этой части императорскаго византійскаго костюма представляютъ богатый матеріалъ снимки съ монетъ у Дюканжа въ его сочиненіи: «*Familiae Byzantinae*». Отмѣтимъ важнѣйшіе изъ нихъ: монета съ изображеніемъ Валентиніана (pag. 67. numus 1), Льва Великаго (р. 77, series 2, num. 2), Тиверія Констанція (р. 104. ser. 2, num. 3, ser. 4, num. 2, 3), Фоки (р. 109, ser. 2, num 4, ser. 3, num. 1), Михаила и Теофила (р. 130), Никифора Вотоніата (р. 159 ser. 3 num. 2), Константина Порфиророднаго (р. 168, ser. 2, num. 2, ser. 3, num. 2); не перечисляемъ другихъ. Въ большей части указанныхъ нами монетъ лоръ имѣетъ видъ широкой перевязи, которая держится на шеѣ, перекрещивается на груди и своими концами простирается за спину. Тамъ, гдѣ лоръ состоитъ изъ двухъ, трехъ и болѣе полосъ, онъ имѣетъ видъ широкаго воротника,

покрывающаго плеча и грудь. Отъ этой послѣдней формы ведетъ начало новый видъ лора, очень употребительный въ одеждѣ византійскихъ императоровъ и еще болѣе подходящій къ епископскому омофору. Лоръ этого рода, подобно широкому воротнику, лежитъ на плечахъ поверхъ каввадія или саккоса; спереди отъ воротника идетъ широкая полоса, которая простирается до полу, другой конецъ съ противоположной стороны тянется по спинѣ. А такъ какъ онъ былъ очень длиненъ, то его перегибали напередъ и перекидывали на руку; отъ этого передній конецъ лора обыкновенно бываетъ до половины закрытъ. Эта одежда составляла принадлежность официальнаго костюма какъ царей, такъ и царицъ византійскихъ. Епископы восточные занимали почетное положеніе и считались наравнѣ съ высшими сановниками имперіи. Очень естественно, что на нихъ перешли и отличія высшихъ придворныхъ чиновъ, а отчасти и insignia самихъ императоровъ. Разумѣется, сравнивая эту одежду съ омофоромъ епископскимъ, мы находимъ между ними нѣкоторыя разности; но эти разности не такъ велики, чтобы можно было, на основаніи ихъ, отрицать сходство въ существенномъ и не считать омофоръ по его виду одеждою однородною съ консульскимъ и императорскимъ лоромъ. Вотъ эти разности: лоръ перваго рода перевязывался на груди крестъ на крестъ и надѣвался, какъ двѣ ленты, чрезъ плечо. Что же касается омофора, то его носили иначе, какъ можно судить по изображеніямъ, выше представленнымъ. Лоръ втораго рода представляетъ отличіе отъ омофора верхнею широкою частію, которая, подобно воротнику, покрываетъ плечи.

Укажемъ на замѣчательнѣйшіе образцы лора по древнимъ живописнымъ изображеніямъ:

1) Изображеніе св. Агнессы въ базиликѣ ея имени (перв. половины VII в.), снятое у Perret, Catacomb. de Rome, а отсюда заимствованное Вейсомъ въ его *Kostümkunde* (fig 476. Срав. D'Aginc. Peint. pl. XVII fig. 2). Лоръ широкою полосою лежитъ на плечахъ и продолжается спереди такою же широкою полосою съ драгоценными камнями и богатыми украшеніями. 2) Изображеніе Евдокіи, супруги Василія Македонянина съ ея дѣтьми: Львомъ и Александромъ (Du Cange, *Famil. Byzant.* p. 139, ср. Weiss, *Kostüm.* fig. 49). Форма лора такая же, какъ и у Агнессы. Это изображеніе важно для насъ какъ подтвержденіе той мысли, что официальный костюмъ византійскихъ царей и царицъ былъ вообще одинаковъ. Это можно видѣть изъ сравненія одежды Императрицы Евдокіи съ одеждою ея царственныхъ дѣтей Льва и Александра. 3) Изображеніе Константина Порфиророднаго на верхней доскѣ византійскаго ковчежья для храненія креста съ частію древа Гос-

подня. Лоръ, накинутый на Императора, имѣетъ большое сходство съ омофоромъ. Онъ не очень широкъ, падаетъ спереди длинною полосою, перегибается чрезъ плечо; задній конецъ подобранъ и перекинутъ на руку.

По обѣ стороны фигуры надписи:

κ	τ
ω	αυ
υ	τ
σ	υο

закрывающая имя Императора Константина VII Порфиророднаго, которому принадлежалъ какъ самый крестъ, такъ и работы по устройству реликварія (Weerth, Siegeskreuz des Constant. VII Porphyrog. und Roman. Bonn. 1866. s. 13).

4. Къ изреченіямъ Императора Льва Мудраго (*oracula imperatoris Leonis*) присоединены его собственные пояснительные рисунки, между которыми находятся изображенія царя и епископа (Codin, *De origg. Constpl. t. II. in append. p. 269—273*). Лоръ Императора имѣетъ видъ длинной полосы, которая перекрещивается на груди и опоясываетъ саккосъ по срединѣ. Омофоръ рядомъ стоящаго епископа обвертывается около шеи и длиннымъ концомъ падаетъ спереди поверхъ фелони. Стоитъ сравнить на рисункѣ ту и другую форму ораря, чтобы видѣть взаимное родство обѣихъ одеждъ и ихъ сходство въ существенныхъ основныхъ признакахъ. Разница заключается въ способѣ ношенія.

5. Изображеніе Константина Великаго, предсѣдательствующаго на первомъ вселенскомъ соборѣ среди епископовъ, на греческомъ триптихѣ XIII в. (D'Aginc. *Peint. pl. XCI. fig. 7.*)

6. Изображеніе Михаила Палеолога въ полномъ царскомъ одѣяніи (Goar. *Evchol. p. 429*).

7. Мануила Палеолога съ его супругою Еленою и тремя сыновьями (Du Cange. *Famil. Byzant. p. 242.*)

8. Въ заключеніе укажемъ на замѣчательный случай употребленія лора въ изображеніи ангеловъ. Въ Лимбургскомъ ковчегѣ для храненія части креста Господня, на верхней доскѣ, находятся изображенія ангеловъ. Они представлены въ длинныхъ темноглубыхъ туникахъ, со скипетромъ въ одной и державою въ другой рукѣ, но поверхъ туникъ накинута у нихъ не орарь, съ какимъ они обыкновенно изображаются (Manuel d'Ikonogr. *chr. p. 74*), а лоръ, очень похожій на омофоръ (Weerth, *Siegeskreuz d. Konst. Taf. 2*). Ангелы расположены въ пять рядовъ; изъ нихъ особенно важны для нашей цѣли два средніе въ первомъ, второмъ и пятомъ ряду. Ангелы двухъ первыхъ древности. III.

рядовъ имѣють по верху туники лоръ, который лежитъ на плечахъ въ видѣ воротника; отъ него спускается одна полоса спереди, а другой длинный конецъ идетъ сзади: онъ загибается напередъ и перекидывается на руку. У ангеловъ послѣдняго ряда лоръ держится на плечахъ точно также, какъ западный паллій IX, X вѣка: передній конецъ опускается до полу, задній также длиненъ и также перекинутъ на руку, какъ и у ангеловъ двухъ первыхъ рядовъ.

822-8

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

О МѢСТНОСТИ ГОРОДА ТАНАИСА

ИЛИ

Азова, съ доказательствами, что онъ стоялъ всегда на азійской сторонѣ Дона, а не на европейской у Мертваго Донца, гдѣ село Недвиговка, какъ написали нѣкоторые Академики, по найденнымъ тамъ монетамъ.

Изъ рукописей пок. П. Буткова.

За 20 лѣтъ предъ симъ (въ 1824 г.) издано въ свѣтъ оглашеніе (на переборъ общему мнѣнію ученыхъ), что греческій городъ Танаисъ, италянскій Тана, стоялъ не на главномъ восточномъ рукавѣ Дона, близь устья его, гдѣ находится Азовъ, но на правомъ берегу западнаго рукава Дона, называемаго Мертвымъ Донцомъ, который, отдѣляясь справа отъ Дона, въ 5-ти верстахъ ниже крѣпости св. Димитрія, и протекши 30 верстъ, вливается въ Азовское море своимъ устьемъ. Тамъ существуетъ древній окопъ у слободы Недвиговки, въ 10 верстахъ отъ Азовскаго моря и въ 18 по прямой линіи отъ Азова. Такое извѣстіе изложилъ пок. Стемковскій въ статьѣ: «О мѣстоположеніи древняго города Танаиса», напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1824 года, сказывая, что Страбонъ и Птоломей, принявъ рѣку Донъ за предѣлъ Азіи и Европы, упоминаютъ о городѣ Танаисѣ при описаніи и Азіи и Европы; что англійскій путешественникъ Кларкъ тщетно искалъ слѣдовъ греческихъ поселеній по всему восточному рукаву Дона, и что по мнѣнію его, Стемковскаго, можно также извлечь многія доказательства изъ путешествія въ Тану венеціанца Юсафата Барбаро, проведеннаго тамъ 16 лѣтъ съ 1435 года,—что городъ Тана, занимавшій мѣсто греческаго Танаиса, стоялъ на мѣстѣ вышепоказан-

ныхъ Недвиговскихъ окоповъ (1). Это извлеченіе изъ сочиненія Барбаро сдѣлалъ, по мысли Стемпковскаго, П. П. Свиньинъ и напечаталъ оное въ 1826 году въ Отеч. Запискахъ (2). Этому Танаису въ Недвиговкѣ дана полная вѣра въ 1827, 1830 годахъ въ Труд. Общ. Ист. и Древн. Рос. ч. IV, кн. 1, стр. 13 и ч. V, кн. 1, стр. 209.

Противъ таковыхъ выводовъ Стемпковскаго и Свиньина писано слегка въ книгѣ: «Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣтовъ скептиковъ» (3). Но какъ мнѣніе Стемпковскаго и Свиньина на дняхъ возобновлено по нѣкоторымъ найденнымъ въ Недвиговскомъ городищѣ камнямъ съ греческими надписями (4), о которыхъ далѣе скажемъ, то мы, твердо убѣжденные въ томъ, что греческій Танаисъ, италіанскій Тана, стоялъ тамъ, гдѣ Азовъ, рѣшились въ доказательство того:

а) разсмотрѣть въ подробности извлеченіе, сдѣланное Свиньинымъ изъ сочиненія Барбаро;

б) представить доводы, что Танаисъ или Тана стоялъ у азійскаго рукава Дона, и былъ тотъ же Азовъ, получившій названіе отъ имени обитавшихъ на Дону Ясовъ или Осетинцевъ, и

в) показать, какой городъ былъ въ Недвиговскомъ городищѣ.

I.

1. Иосафатъ Барбаро (5), по слухамъ, что въ 50 мил. (87 верст.) отъ г. Таны, въ прежней Аланской странѣ, скрыто сокровище въ курганѣ Контебе, насыпанномъ, по повелѣнію Аланскаго государя Индіаба, предъ нашествіемъ Монголовъ (1221 г.), подъ видомъ изготовленія для себя могилы, условился съ шестью другими купцами на раскопку того кургана. Это товарищество, взявъ съ собою 120 работниковъ, и положивъ хлѣбные запасы и орудія на сани, какія употребляются въ Россіи, отправилось туда изъ г. Таны 3 Декабря 1437 года по льду рѣки Таны. Оно прибыло къ Контебе на другой день, но по случаю сильныхъ морозовъ не могло произвести большой раскопки и возвратилось въ г. Тану; а въ исходѣ марта (1438 г., по вскрытіи льда) поплыло къ Контебе на лодкахъ съ 150 работниками; занимались раскопкою 22 дня и не нашли того, чего искали. Ясно, что искатели клада ѣхали изъ г. Таны вверхъ по рѣкѣ Дону, зимою на саняхъ, весною на лодкахъ, и, судя по разстоянію, до мѣстностей

(1) Вѣстн. Евр. 1824 г., № 4 и 23. Оба эти письма перепечатаны въ Прописяхъ г. Леонтьева, кн. IV, стр. 387—395.

(2) Отечеств. Зап. 1826 года, № 70.

(3) Оборона Лѣтоп. Русс. стр.....

(4) С.-Петербур. Вѣд. 1842 года, № 20, стр. 293—294.

(5) Русскій переводъ путешествія І. Барбаро напечатанъ въ «Библ. иностр. писат. о Россіи» и въ журн. Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх. 1831 г. № 48, 49, 50 и 51.

теперешней Бесергеновской станицы. Но Свиньинъ слова италянскаго текста *Su'l glacio per la fumage della Tana*, перевелъ: «переправились по льду чрезъ рѣку Тану, какъ будто предлогъ *per* значить только чрезъ, а ни во, ни по, ни сквозь, и вообразилъ, что Барбаро ѣхалъ отъ Недвиговки чрезъ Мертвый Донецъ и чрезъ другіе рукава Дона на азійскій берегъ сей рѣки.

2. По лѣтописямъ нашимъ извѣстно, что Кичи-Магметъ-Ханъ, Тимуридъ, въ 1432 году вытѣснилъ изъ волжской орды Улу-Магметъ-Хана Чингизида, и сей удалился тогда на правую сторону Дона, въ Крымъ, и кочевалъ съ своею ордою на степяхъ, примыкавшихъ къ Россіи, а въ 1443 году татары его поплѣнили землю Русскую около Кіева и Чернигова (6). Барбаро сказываетъ, что Кичи Магметъ-Ханъ, предпринявъ снова воевать съ Улу-Магметъ-Ханомъ, выступилъ изъ-за Волги зимою 1438 года, и, пройдя подлѣ Астрахани черезъ степи Тюменскія (Кизлярскія) и около границъ Черкесіи (Кубанской), приближался къ берегамъ моря Забахскаго (Азовскаго) и къ рѣкѣ Танаису. Море и рѣка покрыты были тогда льдомъ. Одно крыло Кичи-Магметова войска, слѣдовавшее вмѣстѣ съ нимъ, направлено было къ мѣсту, именуемому Паластра; другое, шедшее отъ Волги особо, подъ начальствомъ Науруса, Едигеева сына (Хази Наурузъ 3-й, сынъ Едигеевъ), съ Ногаями, направлено было къ Дону, къ мѣсту, именуемому Бозагачъ, гдѣ Барбаро и другіе Танаитцы имѣли рыболовныя тони, и которое отстояло отъ г. Таны на 40 миль (70 верстъ) и отъ Паластры на 120 миль (208 верстъ). Паластра находилась при устьѣ рѣки Калміуса, гдѣ нынѣ Мариуполь (7); туда войско Кичи-Магметова перешло, вѣроятно, по льду Азовскаго моря, а Бозагачъ тамъ, гдѣ нынѣ Манычская станица, при впаденіи въ Донъ рѣки Маныча (8). Самъ Кичи-Магметъ-Ханъ, прибывъ къ г. Танѣ, остановился на полетъ стрѣлы отъ него, въ одной старой мечети. Консулъ Таны немедленно отправилъ дары къ хану, его матери и къ полко-

(6) Никон. Л. V, III, 125, 126, 196; Царств. Л. стр. 180; Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 354; статья «о Ногаѣ и проч. ханахъ Монгольскихъ», напечат. въ Сѣверн. Архивѣ за 1824 годъ.

(7) Мѣсто *Palastra*, *Palostr*a означено здѣсь на венец. картѣ XIII вѣка, съ коею копія, прилож. къ книгѣ «Истор. генуэзск. посел. въ Крыму», составлена Н. Мурзакевичемъ; на картѣ Пиччиганія въ библ. Румянц. музея. *Terrae marisque periegesis a Pizigano primo Venetis absoluta*. М. ССС. LXVII, и на картѣ, составленной въ 1550 г. Жіакомомъ Гастальдомъ къ Описанію Московіи Барона Герберштейна.

(8) Бозагачъ на картѣ Гастальда показанъ при устьѣ рѣки Маныча, которое точно въ 70 верстахъ отъ Азова. Бозагачъ есть то самое мѣсто, которое въ путеописаніи Митрополита Пимена 1388 года (Древн. Лѣт. II, 123), въ грамотѣ турецкаго султана Мурата къ царю Θεодору Іоанновичу въ 1593 году (Ист. Росс. Кн. Щербатова) и въ донскихъ бумагахъ 1690 года, въ Москов. Архивѣ, названъ Бузукъ или Бужукъ рѣка и посадъ.

водцу Наурусу. Черезъ нѣсколько дней по отшествіи хана въ подлежащій путь, Барбаро принялъ въ свой домъ на угощеніе родственника Ханова Эдельмугла, который и провелъ у Барбаро два дня. Барбаро, по убѣжденію Эдельмугла, рѣшился сопровождать его въ станъ Кичи-Магметъ-Хана. Они переѣхали по льду рѣку, которую Свиньинъ называетъ Таною, хотя Барбаро ея не именуетъ, и тамъ у незнакомыхъ людей переночевали, на другой день переѣхали по льду черезъ другой рукавъ рѣки и, слѣдуя по пути татарскаго войска, достигли мѣстопробыванія Кичи-Магметъ-Хана. Свиньину вообразилось, якобы Барбаро и Эдельмугль производили переѣзды свои черезъ рѣки съ запада на востокъ или съ Мертваго Донца на азійскую сторону главнаго рукава Дона; но могло ли это быть, когда Кичи-Магметъ-Ханъ, пришедши отъ Астрахани къ г. Танѣ, слѣдовалъ оттуда впередъ (къ западу), а не назадъ (къ востоку)? Улу-Магметъ-Ханъ, при наступленіи на него Кичи-Магметъ-Хана съ двухъ сторонъ: отъ Паластра (Маріуполь) и отъ Бозагача (Маньч. станицы), не рѣшился на битву, какъ пишетъ Барбаро, но бѣжалъ въ предѣлы Россіи и укрѣпился сперва въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ онъ находился 5 Декабря того 1438 года ⁽⁹⁾, и черезъ нѣкоторое потомъ время удалился въ старое городище Нижняго Новагорода, и тамъ утвердился ⁽¹⁰⁾.

3. Кичи-Магметъ-Ханъ, по побѣжденіи Улу-Магметъ-Хана, возвращаясь на Волгу, пришелъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ (1439 г.) къ рѣкѣ Тану и въ продолженіе почти двухъ дней переправлялся черезъ нее выше города Тана на плотахъ, сдѣланныхъ изъ дерева—камыша, со всѣмъ своимъ народомъ. Свиньину и тутъ показалось, что городъ Тана стоялъ у Недвиговки, и потому онъ заставляетъ Барбаро говорить, якобы Ханъ переправился на ту сторону рѣки Таны, т. е. якобы съ западной стороны на восточную. Такъ Свиньинъ перевелъ въ италіанскомъ текстѣ слова: *Passo circa giornate due di sopra dalla Tana*, хотя *so* рга значить выше, противъ, и относится не къ рѣкѣ, а къ городу Танѣ.

4. Помянутый Эдельмугль, прибывъ тоже вмѣстѣ съ ордою къ рѣкѣ Танѣ, по переправѣ, зашелъ въ городъ Тану къ Барбаро, и, погостивъ у него два дня, подарилъ ему 8 русскихъ плѣнниковъ, приговаривая: «вотъ часть добычи, приобрѣтенной мною въ Россіи». Свиньинъ говоритъ не то, что Эдельмугль зашелъ къ Барбаро по переправѣ черезъ Донъ, а

(9) Никон. Л. V, 126; Царств. Лѣт. стр. 250, 251; Барбаро въ Сынѣ Отеч. и Сѣв. Арх. 1831 г. № 49, стр. 350. Онъ поставилъ себѣ городъ на рѣкѣ Бѣлевѣ, сплетя его изъ хвороста и посыпавъ снѣгомъ, полилъ водою, которая смерзлась крѣпко; хотѣлъ тутъ зимовать (Поли. Собр. Русс. лѣт. т. V, стр. 150).

(10) Никон. Лѣтоп. V, 194, 195, 196.

якобы онъ прибылъ къ Барбаро въ то время, какъ Ханъ чрезъ Донъ переправлялся и приходилъ для того, чтобы изъ города Таны переправиться чрезъ Донъ. Далѣе Свиньинъ замѣчаетъ, что Эдельмуглъ не могъ добыть русскихъ плѣнниковъ индѣ, какъ только на правой, западной сторонѣ Дона, а это, по заключенію Свиньина, показываетъ, что г. Тана стоялъ на правомъ берегу Дона отъ стороны Россіи. Напротивъ, это не представляетъ никакого доказательства въ пользу мнѣнія Свиньина въ отношеніи къ мѣстности г. Таны. Еслибъ и подлинно сей городъ стоялъ у Недвиговки, и татаринъ подарилъ бы тамъ Барбаро русскихъ плѣнниковъ, онъ могъ достать ихъ въ Россіи и на восточной сторонѣ Дона: въ Воронежѣ, Ельцѣ, Рязани и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ.

5. Барбаро пишетъ, что г. Тана окруженъ холмиками, и подлѣ него находится много рвовъ, въ окружности почти 10 миль (17 верстъ), гдѣ нѣкогда была древняя Тана. Свиньинъ замѣчаетъ: мѣсто это донынѣ замѣтно, согласно съ описаніемъ Барбаро, на берегу Мертвого Донца близъ села Недвиговки, и что потому тутъ существовалъ древній греческій Танаисъ. Правда, Недвиговское древнее городище, въ видѣ четвероугольника, занимаетъ длины до 200 сажень, и отъ него, позади, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$, находится высокій земляной холмъ, съ коего видны Азовъ и Таганрогъ, но нѣтъ тѣхъ холмиковъ и рвовъ, занимающихъ 17 верстъ, коими окруженъ былъ г. Тана. [Сей же городъ, во время проѣзда чрезъ него въ Золотую орду Ибнъ-Батуты, между 1332 и 1341 г. былъ небольшою]. Верстахъ въ 7 выше Азова, на правой сторонѣ Дона, и теперь существуетъ 5 кургановъ, называемыхъ «пять братьевъ» (11). Холмики и рвы около г. Таны могли быть нечто иное, какъ слѣды бывшихъ тамъ и разрушенныхъ зданій греческаго Танаиса, и сдѣлались убѣжищемъ, какъ говоритъ Барбаро, дикимъ птицамъ.

Итакъ въ пользу превращенія въ г. Тану древняго Недвиговскаго городища ни одинъ доводъ Свиньина не годится. Свиньинъ не безъ намѣренія миновалъ еще одинъ рассказъ Барбаро, ясно свидѣтельствующій о положеніи г. Таны на восточ. берегу главнаго рукава Дона. Барбаро говоритъ, что нѣкогда, лѣтомъ, получено было въ городѣ Танѣ извѣстіе, что 100 конныхъ черкесовъ залегли въ лѣсу, отстоящемъ отъ г. Таны на 3 мили (5 верстъ) съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ. Онъ, Барбаро, и нѣсколько друзей, въ сопровожденіи храбраго татарина, пустились верхомъ, а людямъ своимъ приказали плыть за собою на лодкахъ. Въ полдень напали на черкесовъ, изъ коихъ нѣкоторые спали,

(11) Урочище 5 кургановъ упоминается 1686 года, въ Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ IV.

а другіе сидѣли въ тѣни, разсѣяли ихъ, убили и взяли въ плѣнь 40 человекъ. Тутъ видно, что Барбаро съ товарищами не переправлялся ни чрезъ Донъ, ни другіе его протоки, а это было бы неизбѣжно, еслибы Тана стоялъ у Недвиговки: ибо черкесы переходили изъ мѣсть своего обиталища, изъ-за Кубани, гдѣ ихъ нашелъ и Тамерланъ въ 1375 году при возвращеніи отъ г. Ельца. Подобнымъ образомъ и лѣтомъ 1502 года приходило къ Азову 400 чел. черкесъ, стали втайнѣ, а къ городу послали 30 человекъ, которые отогнали тамъ животину. Азовскіе казаки (Бемаи: легкоконные), человекъ съ 200, погнались за сими хищниками, которые помчали ихъ на засаду своихъ товарищей, а сии азовскихъ казаковъ побили такъ, что возвратилось въ городъ только человекъ съ 30 ⁽¹²⁾.

Относительно поисковъ англичанина Кларка, напечатавшаго свое путешествіе въ 1810 году, что онъ не нашелъ слѣдовъ Танаиса греческаго и Таны италіанской на азійской сторонѣ Дона, мы считаемъ это доказательство весьма слабымъ для того, чтобы переносить сей городъ на Недвиговское городище. Тана или Азовъ, стоя на пути движеній народныхъ съ востока къ западу, или отъ Волги къ Дунаю, столько имѣлъ потрясеній, что въ мѣстности его трудно уже найти какіе либо остатки древностей, особенно греческихъ. Не говоря уже о томъ, что Италіанцы сами были охотники шарить по холмамъ для добычи, какъ мы видѣли выше, сей городъ истребленъ былъ огнемъ и мечемъ отъ Монголовъ Джанибекомъ, который за убіеніе венеціанцемъ татарина, въ 1349 году напалъ на Генуэзцевъ, Венеціанъ и Пизанцевъ, торговавшихъ въ Танѣ, часть жителей Таны умертвилъ, часть заключилъ въ оковы, а товары разграбилъ ⁽¹³⁾. Въ 1395 году, Тамерланъ возвращаясь изъ Россіи, отъ г. Ельца внизъ по Дону къ Кубани, позволилъ татарамъ своимъ ворваться въ г. Тану, какъ покорствовавшій тогда Тохтамышу. Татары ограбили лавки и дома; одну часть жителей умертвили, другую поработили, а самый городъ предали пламени ⁽¹⁴⁾. Генуэзцы успѣшили возстановить стѣны Таны ⁽¹⁵⁾. Донскіе казаки, въ соединеніи съ запорожскими черкасами, въ 1626 году, приступили въ Азову, пожгли его окольности и разрушили отводныя башни. Въ 1634 году повторили приступъ свой къ Азову и изъ пушекъ выбили саженъ 12 городской стѣны и многую шкodu

(12) Изъ Польскихъ дѣлъ двора Крымскаго № 2, стр. 861, въ Москов. Архивѣ.

(13) Истор. Генуэзск. посел. въ Крыму, стр. 29—30.

(14) Карамз. 8, 147 и Ежемѣс. соч. на Апр. 1760 г. въ статьѣ: о происхожденіи Казаковъ; Шерешевдинъ, Ист. Тимуръ—бека, II, стр. 65.

(15) Исторія Генуэзскихъ посел. въ Крыму, стр. 57.

Азову учинили (16). Въ 1637 году, 18-го Іюня, казаки покорили Азовъ, разбили его и разорили до основанія (17); а въ 1642 году, выходя изъ сей крѣпости, подорвали всѣ башни и зажгли городскія строенія (18). При осадѣ Азова Петромъ Великимъ, городскія стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскою артиллеріею разбиты такъ, что казалось, будто городъ уже за сто лѣтъ предъ тѣмъ развалился (19); по покореніи же его, велѣно было укрѣпить его лучше прежняго. Всѣ полки употреблены были къ чищенію города и его рва. Ровъ начали копать на 10 саж. въ глубину и на 20 въ ширину, а валъ насыпали въ 15 саж. широты и въ 8 саж. высоты (20). По Прутскомъ мирѣ съ Турками 1711 года Азовъ возвращенъ имъ по разореніи укрѣпленій. Въ 1736 году, 20-го Іюля, Азовъ снова завоеванъ русскими войсками; по Бѣлградскому мирному договору 1739 года, въ 1740 году совершенно срытъ и порохомъ подорванъ, 30 лѣтъ стоялъ пустъ, а въ 1768 году, при возобновившейся съ Турками войнѣ, Руссами занятъ, возникъ изъ своихъ развалинъ и укрѣпленъ; по Кайнарджійскому договору 10-го Іюня 1774 года удержанъ съ уѣздомъ своимъ въ вѣчной принадлежности Россіи (21). При таковыхъ событіяхъ могло ли что-либо уцѣлѣть древняго въ окрестностяхъ Азова, особливо отъ временъ греческихъ и италіанскихъ?

II.

Показавъ со словъ Іосафата Барбаро, что италіанскій Тана, занимавшій мѣсто греческаго Танаиса, стоялъ на азійскомъ, главномъ рукавѣ Дона, поищемъ на то удостовѣренія у писателей болѣе древнихъ. Страбонъ (14 г. по Р. Х.) упоминаетъ о городѣ Танаисѣ въ XI книгѣ, заключающей въ себѣ описаніе Азіи. Онъ пишетъ: «рѣка Танаисъ служитъ границею между Азіей и Европой; вливается въ Меотиду двумя устьями, между коими разстоянія (6 $\frac{4}{5}$ версты) 40 (въ другихъ изданіяхъ 60 и 70) стадій (отъ 10 $\frac{1}{2}$ до 12 $\frac{1}{2}$ верстъ) (21^а). Городъ Танаисъ лежитъ надъ рѣкою и близь озера Меотиды; названъ такъ по имени рѣки; созданъ Греками, обитающими въ Боспорѣ. Танаисъ есть общее торжище для европейскихъ и азійскихъ номадовъ и для плавающихъ изъ Боспора по Меотидѣ. Номады промѣниваютъ тамъ

(16) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ въ Москов. Архивѣ, статейные списки 7162 и 1635 г.

(17) Собр. Госуд. грамотъ и догов. III; 379 и 401.

(18) Описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, стр. 119.

(19) Тамъ—же, стр. 211.

(20) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. *Ред.*

(21) Мирные договоры и реляціи.

(21^а) У Саллюста отъ 60 до 70 стадій.

своихъ невольниковъ, звѣриныя кожи и другія вещи на одежды, вина и на разныя житейскія потребности. Во 100 стадіяхъ отъ г. Танаиса (17 в.) лежитъ островъ Алопекія, на которомъ обитаютъ пришлецы изъ разныхъ мѣстъ (коимъ не позволялось жить въ Танаисѣ). Изъ всѣхъ Меотовъ азійскихъ одни повинуются державцамъ гостиннаго двора Танаитскаго, другіе Боспорцамъ. Часто цари Боспорскіе овладѣвали всею страной до Танаиса, а наипаче: Фарнакъ (63—47 г. до Р. Х.), Асандръ (47—11 г.) и Полемонъ (11—10 г.), который недавно разорилъ его за ослушаніе его повелѣній (22).

Здѣсь видимъ, что Страбону мертвый Донецъ былъ неизвѣстенъ, а судя по указанному имъ разстоянію, зналъ онъ только тотъ рукавъ Дона, который отдѣляется отъ сей рѣки съ правой стороны верстахъ въ 3-хъ выше Азова и называется нынѣ Кутюрмою; островъ Алопекія очевидно есть тотъ островъ, который лежитъ къ западу отъ Азова между Кутюрмою и Мертвымъ Донцомъ, дѣйствительно въ 17 верстахъ отъ Азова, тамъ, гдѣ въ новыя времена стояла турецкая крѣпость Лютикъ. Сказавъ, что одни изъ азійскихъ Меотовъ повинуются державцамъ торжища Танаитскаго, Страбонъ тѣмъ самымъ показалъ, что г. Тана стоялъ на азійской сторонѣ Дона.

Птолемей (138 г. по Р. Х.) зналъ также только два рукава Дона, т. е. собственно Донъ и Мертвый Донецъ, и означилъ устье восточнаго подъ 67° долг. и $54\frac{1}{2}^{\circ}$ шир., а устье западнаго подъ $66\frac{1}{2}^{\circ}$ долг. и 43° шир.; островъ Алопекію, который называли и Танаисомъ, поставилъ между тѣми устьями подъ $66\frac{1}{2}^{\circ}$ долг. и $53\frac{1}{2}^{\circ}$ шир. (сходно съ Страбономъ), а городъ Танаисъ подъ 67° долг. и $54\frac{1}{2}^{\circ}$ шир. (23). Ясно, что у Птолемея сей городъ занималъ отнюдь не Недвиговское городище, а оба берега восточнаго главнаго рукава Дона.

На картѣ Чернаго моря, составленной венеціанами въ XIII вѣкѣ, городъ Тана показанъ на лѣвомъ или восточномъ берегу Дона; на картѣ Пиччиганія, составленной въ 1367 году, г. Тана поставленъ также на лѣвомъ берегу Дона; на картѣ Фредюковой (Fréduse d'Ancone), приложенной къ книгѣ гр. Іоанна Потоцкаго (Mémoire sur un nouveau regle du Pont Euxin) и на картѣ, приложенной къ запискамъ о Московіи барона Герберштейна, городу Танѣ дано мѣсто на самомъ правомъ берегу главнаго рукава Дона, т. е. согласно съ показаніями Птолемея.

Вотъ свидѣтельства на существованіе г. Танаиса или Таны у главнаго восточнаго рукава Дона.

(22) Страбонъ, кн. XI, гл. 1, § 5, гл. 2, § 2, 3, 11.

(23) См. Bulletin scientif. Т. X, № 7 и 8.

Въ тожествѣ Танаиса или Таны и Азова нельзя сомнѣваться. Въ тѣ самыя времена, когда италіанцы называли древній греческій Танаисъ Таною, до самаго покоренія сего города Турками въ 1474 году⁽²⁴⁾, Монголы и Турки называли его Азакъ, какъ извѣстно изъ географіи Абульфеда, писанной въ 1321 году⁽²⁵⁾, изъ путешествія Ибнъ—Батуты, проѣзжавшаго чрезъ Крымъ, Азовъ и Маджары (большой и богатый городъ) въ Волжскую орду между 1332 и 1341 годами⁽²⁶⁾, изъ Шерефединовой (+1456) исторіи Тимуръ-бека подъ 1395 годомъ⁽²⁷⁾, изъ Шильтбергера, бывшаго въ плѣну у Монголовъ 1395—1427 года⁽²⁸⁾, и изъ монгольскихъ монетъ, чеканенныхъ въ Азовѣ 1338—1407 года⁽²⁹⁾. Въ нашихъ лѣтописяхъ имя города Азова или Озова и моря Азовскаго встрѣчается впервые съ 1388 года, причемъ, сказано, что въ Азовѣ живутъ Фрязове и Нѣмцы (въ иныхъ: Фрязове Нѣмцы), владѣющіе тѣмъ мѣстомъ⁽³⁰⁾. О положеніи Азова на лѣвомъ берегу Дона свидѣтельствуется: во первыхъ Стрыйковскій, говоря, что Витовтъ, въ 1397 году собравъ войско, отправился въ Кіевъ и оттуда прошелъ за Донъ къ твердынямъ Азова⁽³¹⁾; во вторыхъ большой чертежъ Россіи, составленный при государяхъ, предшествовавшихъ воцаренію дома Романова, гдѣ сказано: «вытекъ изъ Дону протокъ Мертвый Донецъ и палъ въ море себѣ устьемъ; а ниже (южнѣе) Мертваго Донца рѣка Донъ впала въ море подъ Азовомъ, а городъ Азовъ въ устьѣ Дону, съ лѣвья стороны Дону»⁽³²⁾. Когда донскіе и запорожскіе казаки, 18 Юля 1657 года, отняли Азовъ у Турокъ, сей городъ стоялъ по показанію, данному въ Москвѣ атаманомъ Иваномъ Катаржнымъ, на лѣвомъ берегу Дона, а на правомъ имѣлъ сады⁽³³⁾. Въ 1640 году казаки писали къ государю изъ Азова, что тамошнія башни сдѣланы издавна Фрянгинами (Италіанцами) и еще крѣпки⁽³⁴⁾, а въ 1642 году Азовъ заключалъ въ себѣ три города каменныхъ: собственно Азовъ, Ташъ-калу и Топра-калу, кругомъ

(24) Исторія Генуэзск. посел. въ Крыму.

(25) Меньшіе географы. Страна Азакъ у Гербелота, стр. 799.

(26) Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1841 годъ № 2, стр. 464.

(27) Исторія Тимуръ-бека, II, 22, 365, 366, 367, 383.

(28) Шильтбергеръ.

(29) Numi Muhammed. qui in Mus. Asiat. asservantur.

(30) Древній Лѣтопис. съ 1254 по 1424 г., II, 124; Никон. лѣтоп. IV, 162, 163. Путешествіе митрополита Пимена, описанное чернецомъ Игнатіемъ въ 1389 году. Рукопись хранится въ Патріаршей Библіотекѣ въ Москвѣ.

(31) Хроника Литовская кн. XII, гл. 5.

(32) Больш. Чертежъ.

(33) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. *Ред.*

(34) Изъ крымскихъ дѣлъ въ столбцахъ.

всего 526 саж. ⁽³⁵⁾. Вице-Адмиралъ Крюйсъ, по личномъ обозрѣніи Азова, въ 1696 году, написалъ, что въ Азовѣ видны еще были надписи генуэзскія и флорентійскія надъ воротами и церквами ⁽³⁶⁾, и что Азовъ, взятый Турками у Генуэзцевъ, оставался въ неизмѣнномъ положеніи, въ какомъ былъ при Генуэзцахъ, до покоренія Азова казаками. Укрѣпленія его состояли изъ изрядной каменной стѣны со многими башнями: на берегу Дона стоялъ сдѣланный по древнему обыкновенію замокъ. Донъ протекалъ чрезъ городъ, и не малая часть строеній находилась на островѣ, на другомъ (правомъ) берегу ⁽³⁷⁾, тамъ, гдѣ по повелѣнію Петра Великаго построено было въ 1697 году Петровское укрѣпленіе ⁽³⁸⁾.

Итакъ, если по свидѣтельству Барбаро городъ Тана стоялъ на мѣстѣ греческаго Танаиса, если въ 1388 году Азовомъ владѣли живущіе тамъ Фрязи и Нѣмцы, если въ 1637 году тамъ были башни, сдѣланныя Фрянгинами, если Азовъ, покоренный Петромъ Великимъ, занималъ торговое мѣсто, которое находилось во владѣніи казаковъ 1637—1642 годовъ: то конечно никто не усомнится, что Азовъ есть то же самое мѣсто, какое занималъ италіанскій Тана, греческій Танаисъ.

Ш.

Читатели, безъ сомнѣнія, пожелаютъ знать, что же за городъ былъ тамъ, гдѣ Недвиговскіе окопы?

Эти остатки древняго города давно извѣстны. Ихъ осматривалъ нарочито, по порученію академика Палласа, пріятель его, таганрогскій помѣщикъ Григорій Ивановичъ Коваленскій, какъ самъ сказывалъ намъ въ 1812 году. Тамъ видимы были тогда каменные погреба и находимы были монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Владѣлецъ слободы Недвиговки, генералъ лейтенантъ Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ, изъ добытыхъ въ томъ городищѣ монетъ, удѣлилъ въ 1806 году въ кабинетъ Черкасской гимназіи: одну золотую, 14 серебряныхъ и 10 мѣдныхъ, какъ увѣдомилъ насъ, въ 1823 году, бывший тогда директоръ той гимназіи, подполковникъ Поповъ, съ присылкою отпечатка. Золотая, величиною въ русскій полуимперіаль, представляетъ Реметалка, царствовавшего въ Боспорѣ 132—155 г. по Р. Х.; на серебряныхъ и мѣдныхъ замѣтны—на однихъ изображенія пѣшихъ и конныхъ воиновъ, на другихъ человѣческіе головы, гербы и арабскія буквы.

(35) Изъ донскихъ дѣлъ въ Москов. Архивѣ.

(36) Описаніе вѣхъ случаевъ, относ. до Азова, стр. 72.

(37) Тамъ-же, стр. 84.

(38) Тамъ-же, стр. 223 и походъ боярина Шеина къ Азову въ 1696 году, стр.

Новѣйшія находки въ Недвиговскомъ городищѣ состоятъ въ вырытыхъ изъ земли въ 1833 и 1836 годахъ двухъ каменныхъ плитахъ съ греческими надписями. На эти надписи далъ объясненіе академикъ Грефе, сказывая что на одной упоминается Кавонъ, архонтъ Танаитскій, и означенъ 194-й годъ по Р. Х.; на другой начертано, что въ 193 году по Р. Х. Еллины и Танаиты возстановили обрушившуюся въ въ городѣ (ἐμπόριον торжище, рынокъ) башню (πύργος) попеченіемъ Родона и другихъ поименованныхъ тамъ пяти грековъ. По симъ надписямъ сдѣлано заключеніе, въ подкрѣпленіе мнѣнія Стемпковского и Свиньина, что городъ Танаисъ точно стоялъ у Недвиговки⁽³⁹⁾; но мы думаемъ, основываясь на вышеприведенныхъ неоспоримыхъ доводахъ о существованіи Танаиса у азійскаго главнаго рукава Дона, что оныя надписи показываютъ только, что у Недвиговки стояло другое, греческое селеніе, зависѣвшее по близости своей отъ г. Танаиса (17 верстъ) и отъ его градоначальника и гражданъ, какъ при Генуэзцахъ Консулъ Кафы имѣлъ въ своемъ начальствѣ Солдаю, Чембало и другія мѣста въ Тавридѣ⁽⁴⁰⁾. Оно было, такъ сказать, пригородокъ танаитскій, гдѣ учрежденъ былъ рынокъ для торга съ народами, обитавшими на европейской сторонѣ Дона (въ сосѣдствѣ съ Алопекією), дабы не затруднять ихъ переправой въ г. Танаисъ черезъ два или три рукава Дона.

Впрочемъ это поселеніе у Недвиговки, вѣроятно еллинское же, существовало ранѣе того, какъ Боспорскіе Греки основали торжище свое въ Азовѣ. Въ Иродотово время (род. около 484, ум. около 400 г.) Грековъ еще не было въ Азовѣ или Танаисѣ, и потому Иродотъ о семъ городѣ не упоминаетъ; но, описывая Скиѳію, онъ говоритъ, что жилища Царскихъ Скиѳовъ, т. е. господствующаго въ Кипчакахъ поколѣнія⁽⁴¹⁾, простираются, со стороны Днѣпра на востокъ къ торжищу или къ торговому городу озера Меотиса, называемому Кримны, и къ рѣкѣ Танаису, а за сею рѣкою земля уже не Скиѳская, а Сауроматская⁽⁴²⁾. Положеніе Кримны яснѣе опредѣляется слѣдующею, хотя и баснословною, повѣстію, рассказанною Иродоту понтійскими Греками, но въ отношеніи мѣстности подтверждающею первое сказаніе его о Кримнѣ. Греки, побѣдивъ Амазонокъ при р. Θερмодонтѣ (въ Натоліи), взяли ихъ столько на корабль свой, сколько могли помѣстить. Но

(39) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. Рѣд.

(40) Истор. Генуэзск. поселеній въ Крыму, стр. 13.

(41) У восточныхъ народовъ то поколѣніе, къ которому принадлежали государи, было господствующимъ. Таково было въ ордѣ Ногайской Мангитское, у Паннонскихъ Угровъ Кабарское, нынѣ въ Персіи Каджарское.

(42) Иродотъ, кн. IV, гл. 20, 21, 57, 100, 102, Въ греч. языкѣ κρημὸς покатость, крутизна, возвышенность.

плѣнницы сіи, на срединѣ моря (Чернаго) побили всѣхъ мужчинъ и, не умѣя управлять кораблями, отдались на произволъ вѣтру, который вогналъ ихъ въ Меотійское озеро къ г. Крымны, находящемуся на землѣ царскихъ Скиѳовъ. Здѣсь Амазонки вышли на берегъ, нахватили лошадей и начали дѣлать у Скиѳовъ грабежи. Черезъ нѣсколько времени Амазонки сопряглись бракомъ съ молодыми Скиѳами и, не желая воспринимать обычай скиѳскихъ женщинъ, переправились съ мужьями своими черезъ Танаисъ и тамъ поселились, составивъ колонію Сауроматовъ, существовавшую тамъ и во дни Иродота (43).

Графъ Потоцкій, въ своемъ археологическомъ атласѣ, далъ мѣсто Иродотову городу Крымны въ Еникалѣ, и это мнѣніе принялъ Сестренцевичъ-Богушъ въ своей исторіи Таврии (44). Но какъ Иродотъ не считалъ Боспоръ Киммерійскій устьемъ Танаиса (45), Птолемей тоже, то еслибы Крымны стоялъ на мѣстѣ Еникале, лежащей не у Меотиды, а на берегу Боспорскаго пролива, для чего бы Амазонкамъ, удаляясь съ своими мужьями на азійскую сторону Дона, не переправиться прямо черезъ тотъ проливъ, нежели дѣлать для того весьма длинный обходъ къ Дону черезъ Перекопъ? Страбонъ, Плиній, Птолемей и другіе древніе географы и историки не вѣдаютъ на берегахъ Тавриды такого города, который бы сколько нибудь похожъ былъ именемъ своимъ на Крымны; они около Енги-кале, т. е. новой крѣпости, построенной Турками въ 1705 году, для сугубаго препятствованія російскимъ кораблямъ проникать изъ Азовскаго моря въ Черное (46), ставятъ Мирмекіонъ и Парѳеніонъ (47).

Итакъ, принимая за вѣрное, что Иродотовъ Крымны стоялъ у Азовскаго моря, при устьѣ европейскаго или праваго рукава Дона, называемаго Мертвымъ Донцемъ, находимъ, что Помпоній Мела (около 48 года по Р. Х.) упоминаетъ о сосѣдственномъ г. Танаису городъ Кареѣ (48); что Плиній (79 годъ по Р. Х.), упомянувъ о г. Танаисѣ, говоритъ: «сосѣдніе ему первые Кари, потомъ Клазомены и Меони, на послѣдокъ Пантикапы (49)». Здѣсь, подъ Клазоменами разумѣются клазоменійскія или маячныя башни, ибо и Страбонъ пишетъ (14 г. по Р. Х.): на Меотійскомъ берегу находятся великія башни, которыя называются клазоменійскими (50), т. е. каланчи Меонскія или

(43) Ирод. кн. IV, гл. 110, 114, 115, 116.

(44) Археол. атласъ Европ. Россіи Графа Потоцкаго; Истор. Таврии Митроп. Сестренцевича-Богуша.

(45) Ирод. кн. IV, гл. 86 и 100.

(46) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. Ред.

(47) Страбонъ; Птолемей, кн. III, гл. 6.

(48) Помпон. Мела, кн. I, гл. 19.

Меотійскія; подъ Меонами же разумѣются прибрежные обитатели Меотиды, а подъ Пантикапами жители береговъ рѣки Пантикапы, извѣстной тутъ и Иродоту⁽⁵¹⁾, признаваемой за рѣку Молочныя воды (или за Конскія воды). Птолемей (161—175 и 182 г.), помѣщая восточное устье Дона подъ 67° дол. и $54\frac{1}{2}$ или $54\frac{1}{3}^{\circ}$ шир., а западное подъ $66\frac{1}{2}^{\circ}$ или $66\frac{1}{3}^{\circ}$ долг. и $56\frac{1}{6}^{\circ}$ широты, въ непосредственномъ сосѣдствѣ сему Мертвому Донцу, ставитъ Карю (Сагоса), загородное помѣстье (villa) подъ 65° долг. и $53\frac{1}{2}^{\circ}$ шир., а далѣе къ западу до Перекопа: устье рѣки Поритъ подъ $64\frac{1}{2}^{\circ}$ долг. и 53° шир., соответствующей рѣкѣ Міусу⁽⁵²⁾. На венеціанской картѣ XIII вѣка и на картѣ Пиччиганіевой 1367 года показаны къ западу отъ города Таны слѣдующія мѣста, одно за другимъ:

въ первой:
 Портъ Маграмиза
 Портъ Пиксанъ
 Хабарди
 Рого

во второй:
 Магромикси
 Порто Пиксіанъ
 Кабарей
 Росо⁽⁵³⁾.

Портъ Маграмиза или Магромикси и портъ Пиксанъ или Пиксіанъ указываютъ на гирла Донскія, Кутюрму и на островъ Караярскій: ибо карà по турецки и магго по-италиански—черный; Рого указываетъ на Таганій рогъ, гдѣ Генуэзцы, а по нимъ Турки, имѣли каменную башню (Плиніевы Клазомени), окруженную землянымъ валомъ, найденную тамъ Русскими въ 1698 году, которая по ночамъ освѣщала море въ пользу приходившихъ къ Азову кораблей⁽⁵⁴⁾; при устьѣ рѣки Міуса находился нѣкогда городокъ, который донскіе казаки, въ 1674 году, называли Кезарогъ⁽⁵⁵⁾, гдѣ Руссы, по покореніи Азова, въ 1696 году, построили редутъ Семеновскій⁽⁵⁶⁾. Но Кабарей или Хабарди, помѣченный на картѣ Пиччигани, по значительности своей отъ прочихъ мѣстностей, красными буквами, есть точно Помпоніева Каря, Плиніева Кари, Птолемеева Каря, занимав-

(49) Плиній, кн. VI, гл. 7 и кн. IV, гл. 24.

(50) Страб. кн. XI, гл. 2 § 4. По-гречески κλάξω—звучу, кричу, трещу.

(51) Ирод. кн. IV, гл. 18, 19, 54.

(52) Птолемей, Геогр. III, 5.

(53) Карта Венеціанск. присоединена къ книгѣ: „Исторія Генуэзск. посел. въ Крыму. Пиччиган. карта въ Румянцев. Муз. Разнословіе сихъ и многихъ другихъ названій мѣстностей любопытные могутъ читать въ книгѣ: Mémoire sur un nouveau regule du Pont Euxin. Графу Потоцкому въ имени Кабарда показала Кавказская Кабарда.

(54) Байеръ въ Описаніи всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, стр. 224.

(55) Въ дѣлахъ Донскихъ допросныхъ рѣчи 1974 года; на картѣ Висконти 1583 года на мѣстѣ Кезарога написано Gazaria.

(56) Байеръ, стр. 224.

шая существующіе нынѣ Недвиговскіе окопы, тотъ самый городъ Карея, о которомъ Халкондила, подъ 1369—1417 годомъ, написалъ, что Татары уводимыхъ ими въ плѣнъ людей и всякую другую добычу приводили или въ Боспоръ (въ Керчь), или къ Меотическому морю, въ городъ Карею (*Caréav*), и продавали по низкой цѣнѣ Венеціанамъ и Генуэзцамъ⁽⁵⁷⁾.

Читая въ духовной В. Кн. Владиміра Мономаха, что въ числѣ половецкихъ князей, взятыхъ въ плѣнъ въ 1111 году, въ битвѣ у рѣки Сальницы, т. е. у Тора, и по убіеніи поверженныхъ въ эту рѣку, находились Коксусъ съ сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, и Таревскій Князь Азгулай⁽⁵⁸⁾, можемъ думать, что этотъ Азгулай названъ княземъ Таревскимъ по городу Карею.

Запустѣніе сего города началось вѣроятно послѣ того, какъ Турки возобладали Азовомъ. Станется также, что содѣйствовали тому и казаки, начавшіе утверждаться на тогдашнихъ пустыняхъ нижнихъ потоковъ Дона около 1550 года⁽⁵⁹⁾. Находя препятствіе отъ Азова (и отъ устроеннаго впереди его верстахъ въ.... по обоимъ берегамъ Дона двухъ каменныхъ каланчей, между коими протягивалась чрезъ Донъ желѣзная тройная цѣпь) проникать въ Азовское море по главнымъ рукавамъ Дона, они спускались на своихъ лодкахъ по Мертвому Донцу мимо Недвиговскаго города, и потому называли сей протокъ въ 1660 году проѣзднымъ⁽⁶⁰⁾. Турки еще съ 1618 года начали засыпать его устье⁽⁶¹⁾; а въ 1660 году построили на лѣвомъ берегу сего протока, верстахъ въ 4-хъ выше Недвиговскаго городища, на островѣ Алопеки, каменную крѣпость, которую называли сначала, въ 1660 году, Сектясламъ или Сяктясламъ, а послѣ Лютикъ⁽⁶²⁾, попавшую въ руки Руссовъ 20-го Іюля 1696 года, чрезъ два дня по покореніи Азова⁽⁶³⁾.

(57) Метог. рорил. II, 1033; III, 1146.

(58) Духовная Мономаха стр. 44. Лѣтописи наши не именуютъ Половецкихъ князей, еражавшихся съ Руссами въ 1111 году на потокѣ Делѣ и на рѣкѣ Сальницѣ.

(59) Продолж. Древн. Русской Вивліюе. VIII, 146—225, 265, 266; IX, 57.

(60) Въ Исторіи Войска Донскаго, Бронеvsкаго, I, 211, эти каланчи поставлены въ двухъ верстахъ ниже Азова, вмѣсто выше.

(61) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Москов. Архива, статейн. списокъ 1618 г. № 3.

(62) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Моск. Архива, связка 5-я.

(63) Походъ боярина Шенна къ Азову въ 1696 году, стр. 146.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Описаніе развалинъ церкви Св. Георгія, открытой въ Кубанской области,
между Бѣлорѣченской и Ханской станицами.

(Изъ официальнаго донесенія)

Развалины церкви св. Георгія, въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами, представляли груды обтесанныхъ камней, покрытыхъ мусоромъ и поросшихъ травю. Онѣ едва замѣтно возвышались надъ поверхностью земли, и вовсе не обращали на себя вниманія мѣстныхъ жителей, занимавшихся въ окрестностяхъ полевыми работами. Ставропольскій мѣщанинъ Иванъ Середа былъ первый, увидѣвшій изъ-подъ земли обтесанный уголь камня, годнаго къ постройкѣ, и съ этою цѣлью началъ свои раскопки. Въ числѣ многихъ камней, уже выкопанныхъ и приготовленныхъ къ перевозкѣ въ Майкопъ, онъ вдругъ замѣтилъ камень съ крестомъ и надписью; затѣмъ, продолжая работу, отыскалъ второй камень съ надписью и третій съ изображеніемъ св. великомученика Георгія. Верхняя часть послѣдняго камня была отбита. Иванъ Середа, прекративъ работу, донесъ о находкѣ Бѣлорѣченскому станичному правленію, вслѣдствіе чего и послѣдовало безотлагательное распоряженіе наказнаго атамана объ изслѣдованіи означенныхъ развалинъ.

16 іюля 1869 г. приступлено было къ изслѣдованію развалинъ, съ цѣлью опредѣлить точно планъ зданія. Въ то же время начата была раскопка близлежащаго коническаго кургана, который могъ, по пред-

положенію, служить къ объясненію времени постройки церкви и прочихъ вопросовъ, связанныхъ съ ея прошлымъ существованіемъ. Къ вечеру 17 числа рабочіе отрыли фундаментъ, лежавшій на два аршина ниже поверхности земли. Планъ церкви—прямоугольный, съ полукруглою алтарною частью и квадратнымъ входомъ. Длина ея, безъ стѣнъ, 12, ширина—7 аршинъ. Фундаментъ прочно сложенъ изъ крупнаго булыжнаго камня, щедро залитаго известью; ширина его нѣсколько менѣе аршина, глубина до 3 аршинъ. На двухаршинной глубинѣ, въ правомъ углу отъ входа, обнаружилась плита, длиною въ 3 аршина, шириною нѣсколько болѣе одного. Плита была треснута и при постукиваніи издавала глухой звукъ, что заставляло предполагать, что подъ нею находится склепъ. Камни, употребленные на постройку церкви, были добыты изъ Тубинскаго ущелья, въ 70 верстахъ отъ мѣста постройки; они чистой известковой породы, принимаютъ хорошо обтеску и высѣчку. На нихъ находимы были по два отверстія и желѣзныя скобы, которыя служили прочной связью при кладкѣ ихъ въ шахматномъ порядкѣ. Между камнями найдены были слѣдующіе архитектурные фрагменты: обломки капителей колоннъ, поддерживавшихъ сводъ алтарныхъ дверей, и обломки дверныхъ и оконныхъ наличниковъ, имѣвшихъ стрѣльчатую форму.

18 іюля была откопана и отодвинута треснувшая часть плиты. Подъ нею дѣйствительно оказался склепъ, тщательно выштукатуренный и въ немъ костякъ, лежавшій на востокъ. У костяка лобная кость была разбита осколкомъ отъ верхней плиты, пострадавшей при разрушеніи храма, а прочія части были покрыты толстымъ слоемъ земли, набравшейся въ склепъ, вслѣдствіе просачиванія воды чрезъ верхнюю трещину. По вынутіи земли, находившейся въ склепѣ, и промывкѣ ея, всѣ золотыя и серебряныя вещи, не исключая остатковъ парчи, были приведены въ извѣстность и взвѣшены. Вотъ перечень вещамъ: 1) дугаго золота, филигранной работы, пуговицы, числомъ 19, вѣсомъ 14 золотниковъ; 2) серебряный поясной приборъ съ рельефными вызолоченными украшеніями 47 штукъ, вѣсомъ 75 золотниковъ (*); 3) золотой перстень съ неграненымъ яхонтомъ, величиною въ небольшую фасоль, а на противоположной сторонѣ съ незначительной бирюзой; 4) перстень золотой, безъ камня; 5) кольцо изъ сплава золота и серебра; 6) золотой браслетъ въ видѣ плоскаго обруча, вѣсомъ $4\frac{1}{2}$ золотника; 7) два плоскихъ золотыхъ неспаянныхъ колечка, замѣнявшихъ въ верхней одеждѣ крючекъ и петельку, вѣсомъ $1\frac{1}{2}$ золотника; 8) серебряная, на трехъ такихъ же цѣпочкахъ, продолговатая чернильница, дно у ко-

(*) На поясномъ оконченикѣ находятся арабскія надписи съ изреченіями изъ Корана и именемъ мастера, до сихъ поръ непереверенныя.

торой служило для помѣщенія хлопка, напитааннаго чернилами, а отверстіе въ верхней части—для вкладыванія камышеваго пера, вѣсомъ $11\frac{1}{2}$ золотниковъ; 9) четыре незначительныхъ жемчужины; 10) кожаный бумажникъ, вышитый шелками: въ немъ въ одномъ отдѣленіи оказался деревянный двойной гребень, съ ажурной по срединѣ работой, а въ другомъ—неизвѣстное перегнившее вещество, близко схожее съ волосами; 11) золотая парча, вѣсомъ въ 50 золотниковъ. Изъ костей уцѣлѣли: черепъ, зубы и части ножныхъ костей.

Того же 18 числа приступлено было къ изслѣдованію разрытаго кургана. На глубинѣ 7 аршинъ отъ его вершины, найденъ былъ костякъ, лежащій по направленію отъ запада на востокъ и схороненный въ деревянномъ гробѣ, по всей вѣроятности кипарисномъ. Для предохраненія усопшаго отъ быстрого тлѣнія, гробъ засыпанъ былъ со всѣхъ сторонъ слоемъ угля, въ поларшина толщиною, и находился на глубинѣ 3 аршинъ ниже поверхности земли. На костякѣ найдены были: 1) остатки шелковой, тканой золотомъ одежды; 2) кривой мечъ, величиною съ эфесомъ 7 четвертей и сломанный въ двухъ мѣстахъ давленіемъ насыпи; 3) наконечники стрѣлъ; 4) прямой ножъ; 5) серебряные филигранной работы пуговицы, числомъ 15; 6) два плоскихъ золотыхъ неспаянныхъ колечка, замѣнявшихъ крючекъ и петельку, и 7) связанный шелковымъ снуркомъ гаманецъ (кошелекъ) (*). Отъ костяка уцѣлѣли черепъ и нѣсколько ножныхъ костей.

Камень съ рельефнымъ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца, найденный на западной сторонѣ развалинъ, по всей вѣроятности находился надъ церковными дверями. Верхняя часть его отбита. На правой сторонѣ камня находится греческая надпись въ двѣ строки, во многихъ мѣстахъ сильно пострадавшая. Второй камень съ рельефнымъ изображеніемъ креста, открытый близъ склепа, имѣетъ по обѣимъ сторонамъ креста греческую надпись въ девять строкъ и внизу креста три строки. Разбитый ломомъ рабочаго, онъ лишился съ лѣвой стороны первой части второй и послѣдней строки; съ правой—первыхъ трехъ строкъ и на крестѣ—первой и части второй строкъ. Сверхъ того надпись высѣчена съ ошибками въ правописаніи, что и затруднило переводъ, за точность котораго не ручаемся. Вотъ онъ: «въ память раба Божія Георгія Пиперти Владѣтеля (отецъ) Минилии. Святому славному великомученику Георгію въ церкви»... Наконецъ третій камень, длиною нѣсколько болѣе аршина и шириною въ четверть, съ отбитымъ нижнимъ краемъ, имѣетъ хорошо сохранившуюся слѣдующую армянскую надпись:

(*) Внутри онъ заключалъ сердоликовый камень.

✠ ԿԱՄԱՐԷՅԱԿ ԵԿԵՂԵՑԻՍ

ՃԵՌԱ ՏԲ ՔԱԿԻՈՐԾ . Ի

ԲԸՏԴԷԻՆ ԿԱՖԱՉՈՒՆ .

Въ переводѣ: «Сооружилъ церковь каменотесець изъ Кафы Крымбей» .

Въ заключеніе остается сказать, что непереведенная строка на крестѣ, указывающая на время, если не постройки церкви, то время кончины лица, похороненнаго въ склепѣ, близъ котораго найденъ камень съ крестомъ, лишаетъ насъ всякой возможности положительно опредѣлить значеніе сдѣланныхъ открытій. Приписывая окончательное разрушеніе церкви нашествію на западный Кавказъ крымскихъ хановъ, имѣвшихъ продолжительный привалъ въ ея окрестностяхъ, мы отказываемся строить гипотезы до окончательнаго изслѣдованія надписей специалистами.

О РУКОПИСИ

путешествіе Бертрандона дела Брокіера,

ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ ПАРИЖСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ

Въ Mémoires de l'Institut national, Sciences morales et politiques, V, помѣщено описаніе путешествія, предпринятаго въ Палестину совѣтникомъ герцога Бургундскаго Филиппа Добраго, Бертрандономъ де ла Брокіеръ, по рукописи, хранящейся въ Парижской Императорской Библиотекѣ подъ заглавіемъ: *Ci commence le voyage de Bertrandon de la Broiquière en la terre d'Oulremer, l'an de grâce mil quatre cents et trente-deux*. Статья эта затѣмъ была перепечатана въ англійскомъ сборникѣ, изданномъ въ Лондонѣ въ 1812 году подъ заглавіемъ: *A selection of Curious, Rare and Early Voyages und History of discoveries, chiefly published by Hakluyt or at his suggestion, but not included in his celebrated compilation, to which, to Purchas and other General Collections this is intended as a Supplement*.

Описавъ вкратцѣ свое путешествіе изъ Гента въ Венецію и оттуда въ Палестину, равно какъ и тамошнія достопримѣчательности, Бертрандонъ въ подробности говоритъ о своихъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ на обратномъ пути на родину, куда храбрый и любознатель-

тельный рыцарь рѣшился отправиться сухимъ путемъ чрезъ Сирію и Малую Азію до города Скутари, гдѣ переправился въ Перу.

Подробное извлеченіе этой части его дневника помѣщено въ первомъ томѣ извѣстнаго сочиненія Вивіена де Сенъ—Мартена (*De l'Asie Mineure*), съ которымъ нельзя не согласиться, когда онъ говоритъ (р. 539): *Les récits de Bertrandon ont entièrement le cachet d'une relation moderne, et bien des voyageurs des siècles qui vont suivre, sont loin de s'élever à son niveau.*

Само собою разумѣется, что этотъ отзывъ относится и къ остальной части записокъ Бертрандона, для насъ особенно интересной, такъ какъ путь его пролегалъ чрезъ страны, сосѣдственныя съ нашимъ отечествомъ, да притомъ тѣсно съ нимъ связанныя народностью и вѣроисповѣданіемъ своихъ обитателей.

Прогостивъ въ Константинополѣ довольно долго, чтобы быть въ состояніи передать весьма любопытныя извѣстія о памятникахъ сего города и объ отношеніяхъ императорскаго двора къ султану, тогда уже владѣвшему всею „Греціею“, кромѣ столицы съ ближайшими ея окрестностями, нашъ путешественникъ отправился въ свитѣ посланника Герцога Миланскаго Бенедикта де Фурмисо на встрѣчу Амурату II, въ деревню Gamgbatzar (Енибизаръ), недалеко отъ Аѳонской горы и оставилъ намъ болѣе или менѣе важныя замѣтки о разныхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ, а именно: Rigory, Thiras, Salubrie, Chorleu, Misterio, Pirsasa, Zambry, Andrenopoly, Dymodique, Ipsala, Aune и Caumissin.

Не принятый султаномъ, посланникъ долженъ былъ возвратиться въ Адрианополь, чтобы тамъ ему представиться, и вмѣстѣ съ нимъ туда опять поѣхалъ Бертрандонъ, хотя уже не прежнимъ путемъ, но мимо разореннаго замка Coulony, городовъ Трајанополу и Vuga, гдѣ встрѣтились съ губернаторомъ „Греціи“, болгарскимъ уроженцемъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ таланту „de bien boire“ (р. 574), особенно чтимому султаномъ, который самъ выпивалъ отъ 6—7 кварта (р. 577).

Послѣ многихъ замѣтокъ, знакомящихъ насъ еще съ другими хорошими и дурными качествами султана, съ составомъ его двора и съ церемоніаломъ, наблюдаемымъ при аудіенціи посланника, спутникъ его продолжаетъ изложеніе дальнѣйшаго ихъ путешествія чрезъ Филиппополь, Софію, мѣстечко «Pirotte» на Ниссавѣ, Ниссу и „Corsebach“ на Моравѣ, записывая, по прежнему, все что онъ въ нихъ нашелъ достопримѣчательнаго. За тѣмъ онъ такимъ же образомъ описываетъ свое путешествіе чрезъ владѣнія деспота Рации и Сербіи, а именно мимо замка „Escalache“ и любимой резиденціи деспота „Nicodem“ до Бѣлграда, уступленнаго четыре года предъ тѣмъ королю Венгерскому изъ опасенія, чтобы Турки имъ не овладѣли, подобно тому какъ они

отняли у деспота замокъ,, Coulombach“, лежавшій на Дунаѣ, на двухдневномъ разстояніи отъ Бѣлграда внизъ по рѣкѣ.

Огорченный, въ интересахъ христіанства, этимъ страхомъ туземцевъ предъ могуществомъ Порты, Бертрандонъ поднимаетъ вопросъ, въ какой степени общее мнѣніе объ этомъ могуществѣ было основательно, и приходитъ къ тому заключенію, что 20 тысячное войско, состоящее изъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ могло бы безъ труда изгнать Турокъ изъ Европы и даже дойти сухимъ путемъ до Іерусалима „et je demanderai à Dieu la grâse de marcher avec eux“.

Послѣднія страницы дневника, посвященныя описанію путешествія чрезъ Венгрію, Австрію, Баварію, и встрѣчи съ герцогомъ въ Дижонѣ для насъ менѣе важны, хотя и не лишены интереса для топографіи и исторіи приведенныхъ странъ.

Если нельзя не быть благодарнымъ г. Леграну д'Осси (Legrand d'Aussy) за обнародованіе записокъ Бертрандона, дотолѣ доступныхъ однимъ только посѣтителемъ парижской бібліотеки, то съ другой стороны онъ заслуживаетъ порицанія за то, что позволилъ себѣ, вмѣсто собственныхъ словъ Бертрандона, надѣлать насъ ихъ переложеніемъ на нынѣшній французскій языкъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода „исправленіе“ текста не рѣдко заставляетъ автора говорить то, что онъ вовсе не хотѣлъ сказать, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ насъ возможности ручаться за точность выводовъ, которые мы желали бы извлечь изъ его показаній.

Это обстоятельство заставляетъ меня обратиться къ Московскому Археологическому Обществу съ покорнѣйшею просьбою—хлопотать о доставленіи къ намъ изъ Парижа вѣрной копіи самой рукописи, если бы, послѣ предварительнаго запроса, оказалось, что снятіе подобной копіи не обошлось слишкомъ дорого, что впрочемъ невѣроятно, такъ какъ вся рукопись занимаетъ не болѣе 168 печатанныхъ крупнымъ шрифтомъ страницъ in 4°.

Если же просьба оказалась бы неудобно-исполнимой, то я покрайней мѣрѣ желалъ бы, при посредничествѣ Общества, получить копію небольшого отрывка рукописи, въ которомъ авторъ передаетъ подробности о землѣ „Пресвитера Іоанна“, сообщенныя ему однимъ Неаполитанцемъ, съ которымъ онъ познакомился въ Перѣ.

Попавъ, если не ошибаюсь, на слѣдъ этой загадочной личности, которую донныѣ повсюду отыскивали и нигдѣ не находили, для меня было бы важно свидѣтельство упомянутаго Неаполитанца, который даже оставилъ свою жену въ землѣ сего владыки. Но какъ будто на зло, французскій академикъ—„citoyen“—отрывокъ этотъ не только не передалъ по своему, но совершенно опустилъ, замѣнивъ его въ са-

момъ текстъ своемъ слѣдующею подчеркнутою замѣткою: *Nota: La manière, dont notre voyageur annonce ici la relation du Napolitain, annonce combien peu il y croyait; et en cela le bon sens qu' il a montré jusqu' apresent ne se dément pas. Ce récit n' est en effet qu'un amas de fables absurdes et de merveilles revoltantes, qui ne meritent pas d'être citées quoiqu'on les trouve également dans certains auteurs du temps.*

Laissons l'auteur reprendre son discours" и проч.

Москва, Марта 1869 г.

Ф. Брунъ.

НАХОДКА ЗОЛОТС-ОРДЫНСКИХЪ МОНЕТЪ.

Въ концѣ 1867 года, близъ Астрахани, въ обрывѣ такъ-называемаго Жаренаго Бугра, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Карантиннаго, найденъ глиняный кувшинъ, заключавшій въ себѣ болѣе 4000 серебряныхъ монетъ 1380—1419 годовъ, чеканенныхъ Ханомъ Золотой Орды Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ, Тимуръ-Кутлукомъ, Шадибеккомъ, Пуладомъ, Тимуромъ, Джелаль-эдъ-диномъ, Керимъ-Бирдиемъ Кибякомъ, Чекреемъ, Дервишемъ, Мухаммедомъ и Ташъ-Тимуромъ. Мѣста чеканки ихъ: Сарай, Орда, Астрахань, Булгарь, Харезмъ, Азакъ, Крымъ, Ордубазаръ, Бинбазаръ (?) и Сарайчукъ. Въ числѣ этихъ монетъ есть нѣсколько новыхъ типовъ.

Въ 1868 году, близъ того-же селенія Карантиннаго, случайно открыто до 7¹/₂ сотъ серебряныхъ монетъ, чеканенныхъ съ 1330 до 1392 года ханами: Узбекомъ, Джанибекомъ, Бирдибекомъ, Наурузомъ, Хызромъ, Азизъ-Шейхомъ, Абдуллахомъ, Мухаммедъ-Булякомъ, Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ и Тимуромъ, въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Ордѣ, Маджарѣ, Астрахани, Харезмѣ, Азовѣ и Крымѣ.

Сотня серебряныхъ джучидскихъ монетъ, найденныя въ 1868 году въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ селѣ Старые Костычи, обнимаютъ періодъ времени отъ 1317 до 1363 года. Онѣ чеканены въ Сараѣ, Гюлистанѣ и Азакѣ при ханахъ Узбекѣ, Джанибекѣ, Бирдибекѣ, Кульнѣ, Наурузѣ, Хызрѣ, Орду-Меликѣ, Гильдибекѣ и Мюридѣ.

Къ тому-же времени относятся до тысячи серебряныхъ монетъ, выпавшихъ въ 1868 году въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при деревнѣ Петровыхъ Будѣ. Позднѣйшая изъ нихъ 1365—6 года, древнѣйшая 1310—1311. Сверхъ монетъ хановъ, упомянутыхъ въ Сызранскомъ кладѣ, тутъ встрѣтились еще монеты Токтогу, одна монета Тимуръ-Ходжи, монета Хайръ-Пулада и монеты Абдуллаха. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя биты въ Янгишехрѣ или Шегрѣ-эль-Джедидѣ; къ числу рѣдкихъ монетъ можно еще отнести монету Джанибека, чеканен-

отняли у деспота замокъ,, Coulombach“, лежавшій на Дунаѣ, на двухдневномъ разстояніи отъ Бѣлграда внизъ по рѣкѣ.

Огорченный, въ интересахъ христіанства, этимъ страхомъ туземцевъ предъ могуществомъ Порты, Бертрандонъ поднимаетъ вопросъ, въ какой степени общее мнѣніе объ этомъ могуществѣ было основательно, и приходитъ къ тому заключенію, что 20 тысячное войско, состоящее изъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ могло бы безъ труда изгнать Турокъ изъ Европы и даже дойти сухимъ путемъ до Іерусалима „et je demanderai à Dieu la grâce de marcher avec eux“.

Послѣднія страницы дневника, посвященныя описанію путешествія чрезъ Венгрію, Австрію, Баварію, и встрѣчи съ герцогомъ въ Дижонѣ для насъ менѣе важны, хотя и не лишены интереса для топографіи и исторіи приведенныхъ странъ.

Если нельзя не быть благодарнымъ г. Леграну д'Осси (Legrand d'Aussy) за обнародованіе записокъ Бертрандона, дотолѣ доступныхъ однимъ только посѣтителемъ парижской бібліотеки, то съ другой стороны онъ заслуживаетъ порицанія за то, что позволилъ себѣ, вмѣсто собственныхъ словъ Бертрандона, надѣлать насъ ихъ переложеніемъ на нынѣшній французскій языкъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода „исправленіе“ текста не рѣдко заставляетъ автора говорить то, что онъ вовсе не хотѣлъ сказать, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ насъ возможности ручаться за точность выводовъ, которые мы желали бы извлечь изъ его показаній.

Это обстоятельство заставляетъ меня обратиться къ Московскому Археологическому Обществу съ покорнѣйшею просьбою—хлопотать о доставленіи къ намъ изъ Парижа вѣрной копіи самой рукописи, если бы, послѣ предварительнаго запроса, оказалось, что снятіе подобной копіи не обошлось слишкомъ дорого, что впрочемъ невѣроятно, такъ какъ вся рукопись занимаетъ не болѣе 168 печатанныхъ крупнымъ шрифтомъ страницъ in 4°.

Если же просьба оказалась бы неудобно-исполнимой, то я по крайней мѣрѣ желалъ бы, при посредничествѣ Общества, получить копію небольшого отрывка рукописи, въ которомъ авторъ передаетъ подробности о землѣ „Пресвитера Іоанна“, сообщенныя ему однимъ Неаполитанцемъ, съ которымъ онъ познакомился въ Перѣ.

Попавъ, если не ошибаюсь, на слѣдъ этой загадочной личности, которую донинѣ повсюду отыскивали и нигдѣ не находили, для меня было бы важно свидѣтельство упомянутаго Неаполитанца, который даже оставилъ свою жену въ землѣ сего владыки. Но какъ будто на зло, французскій академикъ—„citoyen“—отрывокъ этотъ не только не передалъ по своему, но совершенно опустилъ, замѣнивъ его въ са-

момъ текстъ своемъ слѣдующею подчеркнутою замѣткою: Nota: La manière, dont notre voyageur annonce ici la relation du Napolitain, annonce combien peu il y croyait; et en cela le bon sens qu' il a montré jusqu' a present ne se dément pas. Ce récit n' est en effet qu' un amas de fables absurdes et de merveilles revoltantes, qui ne meritent pas d' être citées quoiqu' on les trouve également dans certains auteurs du temps.

Laissons l' auteur reprendre son discours" и проч.

Москва, Марта 1869 г.

Ф. Брунъ.

НАХОДКА ЗОЛОТС-ОРДЫНСКИХЪ МОНЕТЪ.

Въ концѣ 1867 года, близъ Астрахани, въ обрывѣ такъ-называемаго Жаренаго Бугра, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Карантиннаго, найденъ глиняный кувшинъ, заключавшій въ себѣ болѣе 4000 серебряныхъ монетъ 1380—1419 годовъ, чеканенныхъ Ханомъ Золотой Орды Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ, Тимуръ-Кутлукомъ, Шадибеккомъ, Пуладомъ, Тимуромъ, Джелаль-эдъ-диномъ, Керимъ-Бирдіемъ Кибякомъ, Чекреемъ, Дервишемъ, Мухаммедомъ и Ташъ-Тимуромъ. Мѣста чеканки ихъ: Сарай, Орда, Астрахань, Булгарь, Харезмъ, Азакъ, Крымъ, Ордубазаръ, Бинбазаръ (?) и Сарайчукъ. Въ числѣ этихъ монетъ есть нѣсколько новыхъ типовъ.

Въ 1868 году, близъ того-же селенія Карантиннаго, случайно открыто до 7¹/₂ сотъ серебряныхъ монетъ, чеканенныхъ съ 1330 до 1392 года ханами: Узбекомъ, Джанибекомъ, Бирдибекомъ, Наурузомъ, Хызромъ, Азизъ-Шейхомъ, Абдуллахомъ, Мухаммедъ-Булякомъ, Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ и Тимуромъ, въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Ордѣ, Маджарѣ, Астрахани, Харезмѣ, Азовѣ и Крымѣ.

Сотня серебряныхъ джучидскихъ монетъ, найденныя въ 1868 году въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ селѣ Старые Костычи, обнимаютъ періодъ времени отъ 1317 до 1363 года. Онѣ чеканены въ Сараѣ, Гюлистанѣ и Азакѣ при ханахъ Узбекѣ, Джанибекѣ, Бирдибекѣ, Бульнѣ, Наурузѣ, Хызрѣ, Орду-Меликѣ, Гильдибекѣ и Мюридѣ.

Къ тому-же времени относятся до тысячи серебряныхъ монетъ, выпавшихъ въ 1868 году въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при деревнѣ Петровыхъ Будѣ. Позднѣйшая изъ нихъ 1365—6 года, древнѣйшая 1310—1311. Сверхъ монетъ хановъ, упомянутыхъ въ Сызранскомъ кладѣ, тутъ встрѣтились еще монеты Токтогу, одна монета Тимуръ-Ходжи, монета Хайръ-Пулада и монеты Абдуллаха. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя биты въ Янгишехрѣ или Шегрѣ-эль-Джедидѣ; къ числу рѣдкихъ монетъ можно еще отнести монету Джанибека, чеканен-

ную въ Тебризѣ въ 757-1356 году (Frähn, Rec. p. 247, №-71).
Остальныя монеты, принадлежащія къ самымъ обыкновеннымъ, биты
въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Азакѣ и Ордѣ. Особеннаго вниманія заслужи-
ваетъ этотъ кладъ потому, что въ немъ заключалось также пять про-
долговатыхъ серебряныхъ слитковъ, обращавшихся въ то время какъ
монета подъ названіемъ соумовъ.

В. Тизенгаузенъ.

Золотая Ольвійская монета
изъ собранія г. Лемме въ Одессѣ.
Описана на стр. 61.

Норманскій мечъ.

Въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, крестьяне Юровской
волости, деревни Монастырища, при рытіи рва нашли желѣзный мечъ,
рукоятка котораго, къ сожалѣнію сильно поврежденная, украшена узор-
чатою серебряною, мѣстами позолоченною, насѣчкою, представляющею
сплетеніе какихъ-то фантастическихъ животныхъ и отзывающеюся нор-
манскимъ стилемъ (ср. Сѣверныя древности корол. музея въ Копенга-
генѣ. Спб. 1861. стр. 99, № 417; стр. 162, № 569 и стр. 164, № 574).
Мечъ этотъ поступилъ въ Императорскій Эрмитажъ.

В. Тизенгаузенъ.

О ДРЕВНЕЙ ГРИВНѢ.

Древняя мѣдная гривна ⁽¹⁾, представляемая въ полиптижѣ, вѣсу имѣеть около 27 золотниковъ. На лицевой ея сторонѣ изображена Божія Матерь съ превѣчнымъ младенцемъ Иисусомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ обыкновенно изображаютъ икону Владимірской Божіей Матери. У младенца Иисуса въ вѣнцѣ въ двухъ мѣстахъ по двѣ продольныя линіи, въ срединѣ коихъ изображены украшенія въ родѣ буквы: О, а не О Ω. Съ такимъ украшеніемъ въ вѣнцѣ изображенъ Спаситель въ сборникѣ Святославовомъ 1073 г. и на другихъ древнихъ Греческихъ иконахъ. Противъ лика Божіей Матери сокращенныя слова: МР (МНТНР) Матерь, а по другую сторону: ΘΟΥ (ΘΕΟΥ) Божія; подлѣ лика младенца Иисуса сокращенныя же слова подъ однимъ титломъ: ΙΣ ΧΣ (ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΙΣΤΟΣ) Иисусъ Христосъ.

Въ Древностяхъ Государства Россійскаго, въ 1 отдѣленіи № 23, подъ буквами: Т и У та же самая гривна и по величинѣ и по рисунку; но г. Солнцевъ во многомъ отступилъ отъ подлинника. У младенца Иисуса онъ изобразилъ лѣвую руку видною сзади лѣваго плеча Божіей Матери, чего здѣсь нѣтъ; правая ножка младенца Иисуса г. Солнцевымъ обнажена

(1) Эта гривна подарена мнѣ однимъ моск. купцомъ С. А. Н. 7-го сентября 1867 года; по его словамъ, она досталась ему между другими вещами цѣною въ 3. к. сер.; снимокъ сдѣланъ въ уменьшенномъ видѣ; мною подарена въ 1870 году въ Отдѣленіе Иконовъдѣнія при Обществѣ любителей Духовнаго просвѣщенія.

до колѣна, а на сей гривнѣ обнажена только одна ступня; надъ сокращенными буквами: ΙΣ ΧΡ у Солнцева въ рисунокѣ два титла вмѣсто одного, и буквы: ΜΡ также измѣнены противъ подлинника.

Вокругъ изображенія Божіей Матери съ превѣчнымъ младенцемъ Иисусомъ слѣдующая греческая подпись: ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ (ΚΑΙ) ΒΟΗΘΗ (—ΘΕΙ) ΤΩΝ (ΤΟΝ) ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΙ Υ, Богородице, покрой и помощи имѣющему тебе всегда...

Въ чтеніи сей подписи у Солнцева слѣдующія ошибки: 1-я буква Β, а не Θ; послѣ Н слѣдуетъ отдѣлить ΤΩΝ, а не ΤΩ; послѣ ΖΕ слѣдуетъ буква Α, а не Σ; далѣе Ι, а не крестикъ †. Последнія буквы: ΑΙ Υ видно формовщикомъ перебиты. По старинному правописанію первую букву Α и последнюю Υ (ΕΙ) надобно бы рядомъ поставить для означенія «всегда». Но что значить между ними еще буква Ι—трудно отгадать. Такъ ли и мною прочтено—утвердительно не могу сказать.

Гривна съ лицевой стороны была позолочена, но позолота почти вся слиняла. Осталось ее немного на фонѣ и въ вѣнцѣ Божіей Матери.

Противъ буквъ: ΤΑ съ лѣвой стороны не много отломано. Ушко немного погнуто въ лицевую сторону; не отъ того ли у гривны, съ которой г. Солнцевъ дѣлалъ снимокъ, ушко нарисовано длиннѣе, что оно не было погнуто?

Съ оборотной стороны изображена въ срединѣ голова, окруженная со всѣхъ сторонъ 12-ю зміями съ разинutoю пастью и высунутымъ жаломъ. Вверху кругомъ по краямъ слѣдующая Греческая надпись: ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΥΡΙΟΥ (ΚΥΡΙΟΣ) ΣΛ(Α)ΒΛ(Α)ΘΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΟΥΡΑ(Α)ΝΟΣ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, исполнь небо... Эта побѣдная пѣснь силъ небесныхъ буквально заимствована не изъ пророка Исаи VI. гл. ст. 3, какъ сказано въ описаніи Древностей Россійскаго Государства, а изъ церковной пѣсни, поемой во время Литургіи послѣ слѣдующаго возгласа священника: побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще. У Исаи послѣ: исполнь слѣдующія слова: вся земля, въ церковной же пѣсни: небо и земля славы твоея. На нашей гривнѣ, по всей вѣроятности за недостаткомъ мѣста, дважды употреблено слово: ΑΓΙΟΣ, а не трижды, какъ слѣдовало бы и какъ отлито на другихъ гривнахъ, гдѣ и конецъ полнѣе: ΟΥΡΑΝΟΣ ΚΑΙ ΓΗ ΤΗΣ ΔΟΥΝΗΣ. Послѣ 2-го слова ΑΓΙΟΣ въ словѣ ΚΥΡΙΟΣ (ΚΥΡΙΟ) (Σ) буквы въ формѣ, по которой выливалась эта гривна, перемѣшаны. У первой буквы Κ нижняя поперечная линія лишняя, а вверху вторая боковая не доведена къ прямой линіи, гдѣ обѣ боковыя должны бы составить уголь. Послѣ Κ слѣдуетъ Υ, но эта буква здѣсь послѣ Κ 5-я; далѣе слѣдуютъ буквы Ρ Ι Ο, а Σ пропущена. Г. Солнцевъ изъ 5-ти буквъ

въ своемъ рисункѣ оставилъ только 3 буквы: КОУ. Въ словѣ: ΣΛ(A) ΒΛ(A)ΟΘ обѣ буквы Α ошибочно въ формѣ замѣнены буквою Λ, какъ и въ словѣ: ΟΥΡΑ(A)ΝΟΣ. У г. Солнцева послѣдняя буква Σ нарисована какъ Ο. Всѣ буквы въ словѣ ΚΙΡΟΥ находятся на подобной же мѣдной гривнѣ въ собраніи христіанскихъ древностей г. Филимонова. По одной же формѣ отлита и буква Κ неправильная; но тамъ обратная сторона гривны вышла грубѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ каждая буква какъ будто не вылита, а отчеканена. Въ рисункѣ г. Солнцева головы змѣевъ совершенно иначе изображены, чѣмъ здѣсь, и безъ высунутаго жала.

По очертанію буквъ гривну эту можно отнести ко времени не ранѣе 2-й половины X вѣка и не позднѣе 1-й половины XI вѣка. Буквы: К. Р. В. встрѣчаются въ рукописи Моск. Синод. Библиотеки 899 года; а круглыя буквы: Θ.Ο.Σ. встрѣчаются въ рукописи 2-й половины X в. подъ № 266 (1) той же библиотеки.

Правописаніе на подписяхъ древнее. Такъ на лицевой сторонѣ ΚΕ вм. ΚΑΙ. Подобное ΚΕ есть въ дарственной св. Аѳанасія Аѳонскаго, въ 6-й подписи монаха Евстаѳія. Вмѣсто ΤΟΝ по древнему писалось ΤΩΝ, какъ и здѣсь, весьма часто.

Въ № 23-мъ снимковъ Древностей Росс. Государства находятся два снимка съ иконы св. Θεодора Тирона, гдѣ ниже головы, окруженной змѣями, изображенъ означенный святой, поражающій копьемъ отдѣльно изображеннаго змѣя, древняго змѣя—дѣвола, какъ онъ называется въ Апокалипсисѣ, гл. XII, ст. 9. На этомъ основаніи можно предположить, что голова, окруженная змѣями 7-ю, 9-ю и 12-ю, означаетъ окруженіе челоуѣка со всѣхъ сторонъ врагомъ невидимымъ. А чтобы врагъ не побѣдилъ челоуѣка, то нужно произнести краткую, но усердную молитву къ Божіей Матери съ ея превѣчнымъ Младенцемъ, и побѣдную пѣснь небесныхъ силъ: святъ, святъ... и онъ будетъ побѣжденъ (2).

Если, какъ замѣтилъ г. Солнцевъ, читаютъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоя, во время грозы, то этою краткою молитвою не грозу только отвращаютъ, а и невидимаго врага дѣвола, какъ вѣрять народъ.

Арх. Амфилохій.

(1) Эта замѣчательнѣйшая рукопись по круглому уставному почерку Маттеемъ отнесена ко времени ранѣе VIII в., а преосв. Саввою къ концу VIII вѣка. Точно такими же буквами написано Евангеліе въ Императорской публичной Библиотецѣ съ изображеніемъ Евангелистовъ, копія съ которыхъ есть въ собраніи христіанскихъ древностей Г. Севастьянова. Титло перекрещенное и очертаніе буквъ въ рукописи—такія, какія встрѣчаются въ рукописяхъ Син. Библиотеки 2-й половины X вѣка.

(2) Эту икону, какъ имѣющую ушко, могли носить во время путешествія и привѣшивать дома въ моленной, чтобы молиться ей для прогнанія видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ Украинскимъ древнимъ стрѣламъ мѣдянаго разряда.

Послѣ того какъ напечатана была въ Археологическомъ Вѣстникѣ 1867 года моя статья объ Украинскихъ стрѣлахъ, нашлись тутъ еще нѣкоторые виды и разности ихъ, какихъ прежде мнѣ не встрѣчалось. Вотъ описаніе трехъ стрѣлъ, которыя признаю за особые виды (species) и означаю слѣдующими именами:

1. Желобленая крещатая. Отъ другихъ узорныхъ стрѣлъ этого 4-го рода отличается она тѣмъ, что валокъ у нея, доходящій до половины желобка, имѣетъ на срединѣ своей два тонкіе выпуклые отростка, съ которыми вмѣстѣ составляетъ крестикъ; кромѣ того, на одномъ изъ трехъ боковъ есть поперечная выпуклая полоска надъ крестикомъ, отдѣляющая его отъ остальной части желобка.—Найдена въ пескахъ Михайлогорскихъ, въ полномъ экземплярѣ.

2. Корытчатая крыжевая. У нея на всѣхъ трехъ бокахъ валокъ доходитъ до половины корытца, а далѣе, вмѣсто него, выпуклый крыжикъ X; корытце продолжается до половины боковъ.—Найдена въ пескахъ Михайлогорскихъ сохранившеюся въ совершенной цѣлости; цвѣта стального; вѣсомъ 1 драхма и 5 грань.

3. Гладкая увѣсистая. Она отличается отъ другихъ двухъ видовъ этого 8-го рода—во-1-хъ, своимъ вѣсомъ: 1 драхма и 23 грана; во 2-хъ, тѣмъ, что всѣ три бока головки ничѣмъ не отдѣлены отъ шейки, но слиты съ нею въ одну непрерывную плоскость, а къ концу они не много спущены или сточены. Хорошо уцѣлѣвшій экземпляръ этой стрѣлы найденъ при устьѣ р. Сулы близъ м. Жовнина и сообщенъ мнѣ тамошнимъ жителемъ г. Порываемъ.—

1870 г. 10 Февр. М. Г.

М. Максимовичъ

ФАРЦОЙ, ЦАРЬ СКИΘОВЪ.

Статья г. Фонъ Прокешъ-Остена.

Баронъ Б. В. фонъ Кёне, въ превосходномъ своемъ описаніи Музея Князя В. В. Кочубея (С. Петербургъ, 1857 г., томъ I, стр. 27), по золотой монетѣ, которую онъ считаетъ единственною и въ высшей степени интересною, доказываетъ, что во второмъ столѣтіи до Р. Х. у Скиѳовъ былъ царь, по имени Фарцой. Около этого времени Скиѳы владѣли Крымомъ и обширными приднѣстровскими странами и распространяли свое покровительство на милетскую колонію Ольвію, которой тогда угрожали Геты и другіе сосѣдніе народы. Онъ описываетъ эту монету слѣдующимъ образомъ:

Лицевая сторона. Голова Зевса въ діадимѣ, обращенная на право.

Оборотная сторона. (B)ΑΣΙΛΕΟ(Σ) ΦΑΡΣΟΙΟΥ. Стоитъ орель съ полураспущенными крыльями, обращенный направо. Передъ нимъ ОΛ; вензель M . За орломъ выше, въ овальномъ клеймѣ, небольшая рыба, обращенная налѣво. 4.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ съ нижняго Балкана изображенную выше золотую монету, несомнѣнно принадлежащую тому же царю. Голова почти та же, что и въ сочиненіи г. фонъ Кёне на табл. № 4. Плохая степень сохранности изданной имъ монеты можетъ объяснить, почему онъ принялъ ее за голову Зевса. На моемъ экземплярѣ ясно видно, что это голова самаго царя. Эту мысль подтверждаютъ ея выраженіе, развѣвающаяся діадема и надпись, окружаю-

щая голову, тогда какъ на петербургской монетѣ надпись находится на оборотной сторонѣ. Современные Фарцойю цари Понта и Босфора, даже и предки ихъ, имѣли обычай чеканить свои изображенія на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ.

Вѣсъ моей монеты приближается къ 7 грамамъ, а именно 6,97. Жезль Гермеса въ полѣ передъ изображеніемъ царя встрѣчается на мѣдныхъ монетахъ скиѣскихъ царей и монетахъ самой Ольвіи—доказательство союза, соединившаго борисѣенскій портъ съ окрестными Скиѣами. Орѳографія царскаго титула, въ которомъ стоитъ Оприческое вмѣсто Ω , монограмма и обозначеніе города ОЛ, фигура и положеніе орла, на обѣихъ монетахъ тождественны. Напротивъ, на моемъ экземплярѣ встрѣчается еще дальнѣйшее добавленіе: МОЛ. Если предположить, что ОЛ обозначаетъ городъ Ольвію, то МОЛ, можетъ быть, указываетъ на имя какой либо другой мѣстности или на имя какого либо скиѣскаго племени. Менѣе вѣроятно предположеніе, что эти буквы обозначаютъ цѣнность.

М есть вѣроятно монограмма городского сановника.

Скиѣы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, суть, вѣроятно тѣ, которые обозначаются именемъ царскихъ Скиѣовъ. Нѣкоторые цари ихъ извѣстны намъ по монетамъ. Изъ исторіи войны великаго Митридата извѣстно, что онъ изгналъ Скиѣовъ изъ Крыма и почти изъ всѣхъ областей, лежащихъ между Днѣстромъ и Дономъ. Тогдашній царь Скиѣовъ Скилуръ, знакомый намъ по монетамъ и надписямъ, поддерживаемый конницею Роксолановъ, до самой смерти противустоялъ понтійскимъ полководцамъ. Съ его именемъ связанъ прекрасный рассказъ о стрѣлахъ, которыя въ связкѣ не ломаются, а врозь—очень хрупки.

По мнѣнію г. фонъ Кёне, Фарцой былъ непосредственнымъ предшественникомъ Скилура и жилъ около 160 году до Р. X.

Константинополь, 15 Декабря 1869.

Изъ Numismatische Zeitschrift von Hube und Karabacek, Jahrgang 1869. стр. 392.

ЕЛАБУЖСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Въ минувшемъ іюль 1870 года, по просвѣщенному и весьма для меня обязательному приглашенію Вятской губерніи, города Елабуги извѣстныхъ гражданъ, Дмитрія Ивановича Стахѣва и сына его Ивана Дмитриевича, и по давнему желанію моему, былъ я на родинѣ своей, въ означенномъ городѣ Елабугѣ, — для осмотра тамошнихъ древностей, давно меня занимавшихъ. — Предварительно замѣчу, что городъ Елабуга входилъ прежде въ составъ древняго Волжско-Болгарскаго, а потомъ Казанскаго царства, а самое построеніе его, по Татарскимъ лѣтописямъ, относится ко времени несравненно еще древнѣйшему. Въ Булгарской лѣтописи Шерифъ-Уддина, писателя XVI в., основаніе Елабуги приписывается Искандеръ-зуль-Карнейну, то есть Александру Македонскому, извѣстному подъ этимъ именемъ на Востокѣ. (См. Березина: Булгаръ на Волгѣ, Казань, 1853, стр. 82, и въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества, т. XIII. Спб. 1859, статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 270). Отъ временъ Болгарскихъ и Казанскихъ, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ Елабуги, на высокой и крутой горѣ при Камѣ находятся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Чортова городища. Почти съ достовѣрностію можно полагать, что здѣсь былъ извѣстный и славный по Русскимъ лѣтописямъ Болгарскій городъ Бряхимовъ, въ 1164 г. разоренный Андреемъ Боголюбскимъ въ знаменитый походъ его на Болгарію, въ память коего и установлено церковное торжество и крестный ходъ 1 августа. Но прямо и опредѣленно говорить о Елабужскомъ Чортовомъ городищѣ, какъ о древнемъ Болгарскомъ городѣ, вошедшемъ потомъ въ составъ Казанскаго царства, лѣтопись о взятіи города Казани современнаго священника Іоанна Глазатаго или кого иного, отпечатанная въ Спб. 1791 г. Здѣсь въ 34-й главѣ излагаетъ

ся торжественное посольство, отправленное известною Казанскою царицей Суюнбекой «въ нѣкоемъ улусѣ Казанскомъ въ градець малый на брезѣ висоцѣ Камы рѣки, именуемый Бѣсовское городище, вопрошить отъ старыхъ еще Болгаръ живущее тамъ прорицалище» объ исходѣ войны ея съ Московскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ. По взятіи Казани, въ зданіяхъ бывшаго здѣсь укрѣпленія, около 1614 г., учрежденъ былъ мужескій Троицкій монастырь, существовавшій до 1764 г. Елабужское Чортово городище посѣщали и болѣе или менѣе подробно и вѣрно описали и сдѣлали ему рисунки въ 1769 г. капитанъ Рычковъ (см. его Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Спб. 1770, стр. 50), а въ 1834 г. профессоръ Казанскаго университета Эрдманъ (см. Заволжскій Муравей, 1834 г. № 5). Нынѣ, въ бытность свою въ Елабугѣ, двукратно я ѣздилъ на это городище вмѣстѣ съ Елабужскимъ купцомъ, давнимъ своимъ знакомымъ, весьма любознательнымъ и съ давнихъ лѣтъ занимающимся Елаб. древностями, Иваномъ Васильевичемъ Шишкинымъ, котораго по лѣтамъ и общему уваженію можно назвать патріархомъ Елабужскимъ. Иванъ Васильевичъ, по письмамъ моимъ еще прежде, на основаніи открытаго имъ фундамента, сдѣлалъ планъ бывшаго здѣсь укрѣпленія, который теперь мы сообщаемъ и проверили и сдѣлали нѣкоторыя новыя соображенія. Планъ крѣпости оказывается весьма правильнымъ и болѣе или менѣе сообразнымъ съ прочими Татарскими городищами и укрѣпленіями: это была крѣпость въ 10 квадратныхъ сажень, съ четырьмя по угламъ круглыми башнями и съ четырьмя же между ними полубашнями, выдающимися изъ стѣны полуциркуломъ. Съ югозападной стороны ее ограждаютъ три вала и рва, а съ прочихъ сторонъ обезопасиваютъ глубокіе овраги, рѣка Кама и крутизна высокой горы. Отъ всего прежняго укрѣпленія осталась теперь только часть одной башни, тщаніемъ Ивана же Васильевича предохраненная отъ конечнаго разрушенія. Башня сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ, внутри—мелкій щебень и доски, въ которыхъ, вѣроятно, онъ былъ заключенъ: такъ складены и древнія строенія въ столицѣ Болгарскаго царства—Булгарѣ на Волгѣ, судя по извѣстію г. Березина (Булгаръ на Волгѣ, стр. 14). Въ архивѣ бывшаго Елабужскаго Духовнаго Правленія, хранящемся въ градскомъ Спасскомъ соборѣ, нашелъ я нѣсколько документовъ о бывшемъ здѣсь Троицкомъ монастырѣ, хотя XVIII в., равно и о градскихъ Елабужскихъ церквахъ. Архивъ, можно сказать, замѣчательный для исторіи не только Елабужскаго края, но и для всей Казанской епархіи, къ коей онъ принадлежалъ, а нѣкоторыя бумаги имѣютъ важность вообще для исторіи Русской Церкви. Между прочимъ попался

мнѣ интересный указъ 1767 г. просвѣщеннаго Казанскаго архіепископа, впоследствии бывшаго митрополитомъ, Веніамина Пуцекъ-Григоровича, коимъ онъ требуетъ археологическихъ свѣдѣній отъ настоятелей этого Троицкаго Елабужскаго монастыря, да бывшаго въ зданіяхъ и на развалинахъ Булгара на Волгѣ Успенскаго Болгарскаго монастыря. Именно свѣдѣній: а) о имѣющихся въ томъ и другомъ монастырѣ древнихъ каменныхъ зданіяхъ; б) объ иновѣрческихъ древнихъ надписяхъ, какія встрѣтятся на камняхъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ черезъ приглашенныхъ Татаръ или другихъ инородцевъ разобрать и перевести на Русскій языкъ; а если сіе будетъ невозможно, то снять facsimile; в) нѣтъ ли гдѣ курьезныхъ древнихъ вещей, какъ-то костей древнихъ людей или животныхъ и прочаго тому подобнаго? Неизвѣстно, что на это отвѣчалъ настоятель Болгарскаго Успенскаго монастыря; а изъ Елабужскаго Троицкаго по 1-му пункту составлена была опись древнему каменному зданію (къ сожалѣнію въ архивѣ не сохранившаяся), а относительно надписей и помянутыхъ древнихъ курьезныхъ вещей отрепортовано, что таковыхъ въ монастырѣ и въ заказѣ (о чемъ и вопроса не было) нигдѣ не оказалось. — Но главнымъ образомъ меня привлекалъ въ Елабугу довольно уже извѣстный теперь Ананьинскій Могильникъ, отстоящій верстахъ въ пяти отъ Елабуги и такъ названный отъ близъ лежащей Русской деревни Ананьиной. Могильникъ этотъ можетъ подтверждать сказаніе Татарскихъ лѣтописей о глубокой древности Елабуги. Онъ былъ открытъ или выведенъ на ученый свѣтъ по прежнимъ письмамъ моимъ къ тому же Ив. Вас. Шишкину въ 1856 г. (о чемъ говорить здѣсь излишне), — и по нѣкоторымъ присланнымъ мнѣ отъ него, здѣсь найденнымъ, большею частію бронзовымъ, вещамъ обратилъ еще тогда все мое вниманіе, такъ что я, снабдивъ Ивана Васильевича извѣстными у насъ по части раскопокъ сочиненіями, усиленно просилъ его, достаточно по нимъ приготовясь, произвести, если можно, раскопку Ананьинскаго кургана. После разныхъ препятствій и проволочекъ со стороны Удѣльнаго начальства, которому принадлежитъ эта мѣстность, наконецъ въ іюнь 1858 г. Вятская Удѣльная Кантора отправила въ Елабугу своего чиновника г. Алабина, чтобы вмѣстѣ съ Ив. Вас. Шишкинымъ произвести раскопку кургана. И надобно отдать честь тому и другому, что они, запасшись означенными руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дѣло «съ Фундуклеемъ въ рукахъ», какъ писалъ мнѣ Ив. Вас., все наблюдали, записывали и соображали. Г. Алабинъ составилъ обстоятельную Записку объ этой раскопкѣ и найденныхъ вещахъ въ Вѣстникѣ Географическаго Общества 1860 № 6. Найденныя тамъ вещи, большею частію бронзоваго вѣка, такъ назы-

ваемые Кельтскіе топорики, копья, стрѣлы, шейные круги или жгуты, кольца, бляхи и другая мелочь, признаки сожженія сложенныхъ тамъ труповъ, разные горшечки, служащія пепельницами и слезницами, тутъ же найденныя конскія кости и вещи отъ сбруи, все это совершенно убѣдило меня въ первоначальномъ предположеніи, что этотъ курганъ служилъ мѣстомъ погребенія, можетъ быть задолго еще до Рождества Христова жившихъ здѣсь Скиѳовъ. По концамъ кургана два круглыхъ каменныхъ вала, покрытые сверху плитами, и двѣ между ними таковыя же параллельныя стѣнки и камни свидѣтельствовали о значительности этого кладбища. Записка г. Алабина подала поводъ П. И. Лерху, въ 1865 г. командированному Императорскою Археологическою Коммиссіею въ Вятскую губернію для изслѣдованія древностей, посѣтить Ананьинъ Могильникъ и также сдѣлать въ немъ раскопку, а проф. Ейхвальдъ по ней сдѣлалъ ученныя соображенія относительно древности Могильника (см. помѣщенную въ Bulletin de la société impériale des naturalistes de Moscou 1860 № IV статью Ейхвальда: Über die Säugthierfauna der neueren Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde von Ed. von Eichwald). Не сомнѣваясь отнести Могильникъ къ древнѣйшимъ временамъ, до Рождества Христова, Ейхвальдъ приписываетъ оный описаннымъ у Геродота и другихъ Скиѳамъ или Чуди. Вотъ подлинныя слова его (стр. 458. 459): «большой Ананьинской Могильникъ занимаетъ высокій холмъ (1), который большею частію взрытъ, и внутри обложенъ каменными плитами по валу: въ курганѣ подлѣ скелетовъ, отчасти сожженныхъ въ прахъ, найдено много мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей изъ оружія, разныхъ орудій и сосудовъ. Камскій Могильникъ въ этомъ отношеніи весьма сходствуеетъ съ подобными могилами въ Кіевской губерніи, и, очевидно, происходитъ отъ того же народа Скиѳскаго племени, который на югѣ Россіи, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Греческими колоніями въ Понтѣ, поэтому въ своихъ гробницахъ представляетъ столь много Греческихъ, искусно расписанныхъ урнъ и вазъ. Построеніе Ананьинскаго Могильника и содержаніе его, кажется, весьма много имѣетъ сходства и съ Чудскими могилами на Алтаѣ, какъ онѣ прежде сего описаны Палласомъ и Сиверсомъ. Изъ разрытія и описанія Ананьинскаго Могильника у Алабина я хочу доказать, что народъ, отъ котораго остались эти гробницы, былъ древнее Скиѳское или Чудское племя, которое принадлежало до-историческому времени, т. е. желѣзному вѣку Россіи, такъ какъ мы такое же точно описаніе обываемъ

(1) Это ошибка: не высокій, а напротивъ довольно низкій и какъ-бы сверху снятый холмъ, какъ и Кіевскія могилы 3 разряда, у Фундуклея.

Скиѳовъ находимъ у Геродота въ 4-й книгѣ его историческаго творенія. Можетъ быть погребенные тамъ, на Камѣ, Скиѳы были современники еще Персидскаго царя Дарія, и во всякомъ случаѣ это были предшественники изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской Чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на югъ и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ». Найденныя гг. Алабинымъ и Лерхомъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ вещи переданы въ Спб. Географическое Общество и Археологическую Коммиссію, а съ нихъ для Московскаго музея недавно сдѣланы слѣпки. По осмотрѣ моемъ въ прошедшемъ іюлѣ оказалось, что разрыта только середина Ананьинскаго кургана (по измѣренію моему 80 шаговъ въ длину, 35 поперекъ въ срединѣ и 220 въ окружности), а оба бока, обѣщающіе довольно еще открытій, не тронуты. Подлѣ него находится совершенно уже нетронутый, такой же формы, но поменьше, другой курганъ. У крестьянъ деревни Ананьиной пріобрѣлъ я довольно вещей изъ этого Могильника, большею частію бронзовыхъ, такихъ же, какія вырыты въ Кіевскихъ курганахъ Фундуклеемъ, въ Екатеринославскихъ, Владимірскихъ и Ярославскихъ П. С. Савельевымъ и гр. А. С. Уваровымъ и въ курганахъ разныхъ странъ Европы, отчасти же вещей, неизвѣстныхъ доселѣ, оригинальной, а нѣкоторыя и изящной формы. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи принадлежности простаго наряда или вооруженія положенныхъ здѣсь скелетовъ—разной величины стрѣлы съ зазубринками, орлиный клювъ, змѣиная голова съ разверстымъ ртомъ, миниатюрный вертящійся пѣтушекъ, цѣльный бронзовый кинжалъ, въ 7 верш., двѣ каменные просверленные подвѣски, подобныя такъ называемому чортову пальцу и употреблявшіяся, вѣроятно, какъ нашъ оселокъ, для точенія топоровъ, ножей и т. д. Замѣтимъ здѣсь, что изображеніе орла, встрѣчающееся и въ Чудскихъ копяхъ при сожженныхъ скелетахъ, какъ это дѣлалось и въ Ананьиномъ Могильникѣ, означало вѣру въ перелетъ умершихъ въ другую жизнь. А змѣиная голова съ разверстою пастью, также встрѣчающаяся и въ другихъ Скиѳскихъ могилахъ, могла имѣть отношеніе къ религіозному же вѣрованію или народному преданію Скиѳовъ: такъ какъ по свидѣтельству Геродота (въ Мелпоменѣ) родоначальникъ ихъ Скиѳъ, отъ коего они и имя свое получили, родился отъ дѣвы-змѣи (слич. Ейхвальда тамъ же стр. 435. 443. 444). Сверхъ сего, тогда какъ П. И. Лерхъ нашель у здѣшнихъ крестьянъ каменный или кремневый ножъ, намъ удалось пріобрѣсть у нихъ же четыре кремневыхъ стрѣлы, слывшія въ народѣ громовыми. Присутствіе этихъ отъ каменнаго вѣка вещей, вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными, въ Ананьиномъ Могильникѣ даетъ право относить Могильникъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ древности,

когда не вышли еще совсѣмъ изъ употребленія вещи каменнаго вѣка, предшествовавшего бронзовому и за нимъ желѣзному. Но главное— послѣ немалыхъ хлопотъ намъ удалось отыскать у тѣхъ же Ананьинскихъ крестьянъ вырытый изъ Могильника и ему современный, надгробный, опоковый камень, хотя раздробленный на нѣсколько частей, высоты 1 арш. 11 вершк., ширины внизу 9 вершк., а вверху, нѣсколько суженномъ и сведенномъ аркою, 8 вер., толщины 1 четв. На выглаженной лицевой его сторонѣ неизвѣстнымъ орудіемъ вырѣзано въ глубь изображеніе тогдашняго человѣка—Скиѳа, какъ онъ облачался въ своемъ нарядѣ и вооруженіи, или, судя по полунаготѣ его и по скелетамъ, найденнымъ въ Могильникѣ, полагался въ могилу. Именно представленъ на камнѣ человѣкъ въ остроконечной Скиѳской шапкѣ, которой частнѣйшія очертанія, къ сожалѣнію, стесаны, съ двумя на шеѣ кругами, соединяющимися продольными между ними чертами: этимъ изображаются находимыя на шеѣ скелетовъ изъ толстой, витой мѣдной проволоки круги—жгуты, или лучше употребляемыя древнѣйшими народами шейныя цѣпи, по нашему гривны, съ разными украшеніями (1). Отъ шапки спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покрюжки. На поясѣ покойника продольными по немъ чертами показываются, видно, разныя его украшенія. Въ правой рукѣ человѣка—кинжалъ, такой точно величины и формы, какъ находили здѣсь, и орудіе въ родѣ кирки, насаженное на палку или дровко, въ лѣвой что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ. Глаза у человѣка большіе, что можетъ указывать на не-монгольское его происхожденіе. Подобныхъ изображеній людей, какъ они полагались въ могилу въ такой глубокой древности, сколько намъ извѣстно, доселѣ еще нигдѣ не находили. Для ясности по вырѣзаннымъ чертамъ проведши чернилами, я снялъ все изображеніе, какъ оно есть, на промасленную тонкую бумагу, которую и представляю Археологическому Обществу. Сдѣланный съ этого снимка видъ памятника см. ниже на таблицѣ 15-й. Самый камень, на семь частей раздробленный, по неудобности везти его съ собою, оставленъ мною на сбереженіи у помянутаго соотечественника Димитрія Ивановича Стахѣева, который при удобномъ случаѣ хотѣлъ оный препроводить ко мнѣ въ Москву, а съ моей стороны онъ имѣетъ быть предложенъ въ Московское Археологическое Общество (2).

Въ верстахъ семи отъ Ананьина Могильника къ юго-востоку и въ двухъ отъ деревни Мальцовой, въ полуверстѣ отъ деревни (нынѣ село)

(1) У Бэра въ рисункахъ разрытыхъ въ Лифляндіи могилъ, которыя онъ призываетъ древними Финскими или Чудскими, скелеты имѣютъ такія же точно шейныя двойныя цѣпи съ украшеніями (Die Gräber der Liven, von K. Bähr, Dresden 1850, Taf. 1. fig. 6. 7).

(2) На дняхъ этотъ надгробный камень въ Москвѣ полученъ и поступилъ уже въ Московское Археологическое Общество.

Пустобаевой находятся еще два кургана, первый длины 250 шаговъ, ширины въ срединѣ кургана шаговъ 100, суживающійся къ одной сторонѣ, высоты сажень 5, онъ имѣетъ форму вдоль разрѣзаннаго и разрѣзомъ положеннаго огурца, такъ что конецъ, обращенный къ Пустобаеву, шире, круче и выше, чѣмъ противоположный. Что это курганъ насыпной, можно заключать изъ правильной формы, равно и изъ того, что вокругъ него—ямы и ложбина, отчасти наполнившіяся водою и показывающія, что отсюда заимствована земля для кургана. Другой курганъ въ четверти версты отъ предъидущаго совершенно такой же формы и такого же направленія, длины 150 шаговъ, ширины въ срединѣ 60 шаговъ, высоты около 4 сажень. Запоздавъ въ дер. Ананьиной, мы были съ И. В. Шишкинымъ на этихъ курганахъ уже ночью, потому и ничего болѣе сказать о нихъ не могу. Замѣчу только, что ближайшая и старинная деревня Мальцова въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 7156 (1648) года Семена Волынскаго названа иначе Салтановкой. Именно здѣсь описывается сперва дворцовое село Тресвятское, Елабуга тожъ, за нимъ деревня Качка, потомъ деревня Заборная, Поспѣловка тожъ, деревня Ананьиная (близъ коей извѣстный уже курганъ) и «деревня Мальцова, Салтановка тожъ». Названіе этой деревни Салтановкой не даетъ ли особенную важность какъ ей, такъ и близъ нея находящимся двумъ большимъ курганамъ?

Въ заключеніе смѣю сказать, что болѣе полная посильная статья о Елабужскихъ древностяхъ, и въ особенности объ Ананьиномъ Могильникѣ, съ рисунками Чортова городища и изъ Ананьиная Могильника означенныхъ и другихъ у меня имѣющихся вещей, готовится мною въ Сборникъ, по случаю перваго бывшаго въ Москвѣ Съѣзда археологовъ.

К. НЕВОСТРУЕВЪ.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ КЕРЧИ.

Недавно намъ случилось прочесть, въ 5-мъ № Иллюстрированной газеты 1870 года, «корреспонденцію изъ Керчи» г. П. Хицунова. Хотя съ появленія этой корреспонденціи прошло не малое время, но въ интересахъ науки и истины никогда не поздно давать отчетъ о томъ, что приобрѣтается наукою или что извращается поверхностными и болѣе чѣмъ легкими наблюденіями въ ея области.

Въ этой корреспонденціи, исполненной разными историческими и археологическими несообразностями, авторъ, между прочимъ, глумится надъ однимъ нумизматомъ, принявшимъ будто бы образецъ съ надписью: «Господи помози Михаилу» за монету Тмутороканскаго князя Олега-Михаила. Вотъ подлинныя слова г. Хицунова: «Относительно предметовъ древности замѣчу, что имъ въ Керчи знаетъ цѣну даже простой народъ, а на все падкіе евреи уже завели ими торговлю открыто на базарѣ; въ лавочкахъ, у мѣняль, тоже найдется всегда много древнихъ монетъ, не рѣдко такого свойства, что ослѣпленнаго страстнымъ увлеченіемъ нумизмата бросаетъ въ жаръ и бредъ, а тутъ-то и попадаютъ они въ разставленные имъ силки, дѣлаютъ жалкіе промахи, покупая поддѣлку за настоящее. Такъ одинъ изъ нихъ недавно купилъ камей съ затѣйливымъ сюжетомъ, довольно хорошо выполненнымъ, за цѣну сравнительно недорогую, а вышелъ грѣхъ: по увѣренію настоящихъ знатоковъ—это чистая поддѣлка (1). Другой, при мнѣ, въ Тамани скупалъ всѣ попадавшіяся ему монетки, иногда сомнительнаго достоинства. Онъ купилъ однажды у мелочника базарнаго маленькій серебряный образецъ, величиною въ полтинникъ, какой обыкновенно восточные

(1) Это не камей и не поддѣлка, а просто на просто рѣзной камень (цитатно) съ именемъ извѣстнаго художника XVII вѣка Пихлера, за что онъ и былъ купленъ. На немъ изображены: сидящая Психея съ амфорою въ рукахъ и амуръ, играющій на двухъ свирѣляхъ.

наши набожные христіане носили на грудяхъ (!), какъ теперь у насъ носятъ крестики. На этомъ образкѣ или медалькѣ съ одной стороны—неясное изображеніе, кажется, Божіей Матери, съ воздѣтыми руками, а на другой сокращеніе славянской надписи Г-ди помози *Михаилу*. На верхнемъ краѣ медальки колечко для вдѣванія шнура или ленточки. По разспросамъ, продавцомъ она куплена недавно у одного болгарина, переселяющагося съ семьей на Кавказъ, слѣдовательно завезена изъ Болгаріи и принадлежитъ имя рекъ-рабу Божію Михаилу, а какому—это отгадать едва ли кому удастся, да и не для чего. Почтенному же покупщику, увлекшемуся нумизмату, вообразилось и не вѣсть что: онъ убѣжденъ, что эта монета одного изъ тмутороканскихъ князей! Правда, что слова князь на монетѣ не значитя, а изъ тмутороканскихъ князей Олегъ-Михаилъ едва ли княжилъ⁽²⁾, занимаясь лишь ссорами съ братьями, усобицами, безпрестанно перебѣгая отъ одного къ другому и заслуживъ у пѣвца (Слово о полку Игоря) названіе коварнаго⁽³⁾. Впрочемъ на послѣдяхъ и ему пришлось будто-бы княжить въ Тмуторокани. Но объ этомъ извѣстія чрезвычайно смутны и сбивчивы. Кромѣ весьма рѣдкаго Ярославля серебра, въ видѣ грубой монеты, на Руси въ то время очень мало чеканилось денегъ и еще не было примѣра, чтобы отъ періода русскаго княженія въ Тмуторокани дошла одна монетка или надпись, кромѣ извѣстнаго тмутороканскаго камня, на который многіе изъ новѣйшихъ историковъ еще бросаютъ скептическіе, недовѣрчивые взгляды.»

Читая эти строки, невольно удивляешься автору, умудрившемуся, въ немногихъ словахъ, сдѣлать столько ошибокъ. Увѣряя публично, что увлекшійся нумизматъ убѣжденъ въ принадлежности помянутой монеты князю Олегу-Михаилу Тмутороканскому, онъ взводитъ на него совершенную напраслину: нумизматъ въ простомъ разговорѣ съ г. Хицуновымъ, основываясь отчасти на историческихъ и отчасти на палеографическихъ данныхъ, имѣлъ неосторожность выразить ему свое личное мнѣніе, что означенную монету не слѣдуетъ ли отнести къ XI или XII вѣку, и, если это такъ, то не принадлежитъ ли она Олегу-Михаилу, который въ началѣ XII столѣтія княжилъ въ Тмуторокани,

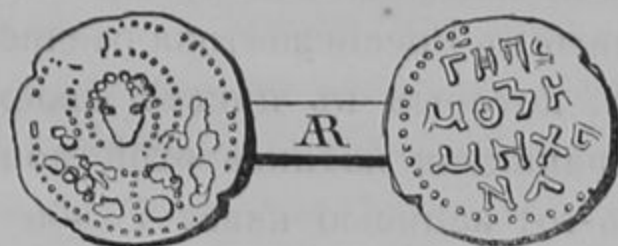
(2) Отвергать княженіе Олега-Михаила въ Тмуторокани, болѣе нежели смѣшно. Объ этомъ положительно говорятъ наши лѣтописи. Трудно понять, что хотѣлъ выразить авторъ, говоря, „что на монетѣ этой слова князь не значитя“. Онъ вѣроятно не знаетъ, что на Русскихъ монетахъ этого отдаленнаго времени чеканилось одно имя князя, безъ его титула.

(3) Авторъ очень одолжилъ бы насъ, указавъ гдѣ пѣвецъ Слова о полку Игоря называетъ Олега коварнымъ.

предоставляя впрочемъ судить объ ея историческомъ значеніи болѣе его свѣдущимъ людямъ въ палеографіи и нумизматикѣ. Конечно, онъ не думалъ, чтобы это предположительное его мнѣніе было тотчасъ же принято къ свѣдѣнію и опубликовано въ печати, съ прибавленіемъ разныхъ неумѣстныхъ шуточекъ о его личности. Но удивительнѣе всего то, что авторъ, присутствовавшій самъ при покупкѣ этой монеты и нѣсколько разъ ее разсматривавшій, рѣшается писать, что будто бы она имѣетъ, въ верхней своей части, колечко, для вдѣванія шнура, какія бывають на образкахъ, носимыхъ на шеѣ, и что будто бы на ней изображена Божія Матерь, съ поднятыми къверху руками!? Это чистая выдумка, какъ и все, что онъ толкуетъ, начиная съ керченскихъ нумизматовъ и кончая небывалыми босфорскими монетами. «Увлечшійся нумизматъ», о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не новичекъ въ этомъ дѣлѣ: онъ, да и всякій другой, мало-мальски знакомый съ нумизматикой, никогда не назоветъ образкомъ—небольшой, неровно обрѣзанный металлическій кружокъ, съ надписью, вырѣзанной на оборотной его сторонѣ въ обратную сторону къ лицевому изображенію. Видимо, что г. Хицуновъ или вовсе неопытенъ по этой части, или намѣренно извращаетъ дѣло, дабы только кстати поглумиться надъ археологами, какъ онъ поглумился по поводу купленнаго камня и надъ другимъ лицомъ, извѣстнымъ въ археологическомъ мірѣ замѣчательными открытіями по части древняго греческаго искусства. Г. Хицунову очень хорошо извѣстно, что этотъ камень, какъ онъ его называетъ, пріобрѣтенъ былъ тѣмъ лицомъ какъ изящное произведеніе знаменитаго рѣзчика Пихлера, причемъ небыло и рѣчи о его древнемъ происхожденіи. Достойно ли увѣрять, что археологъ былъ обманутъ, зная при этомъ, что чрезъ руки его перешелъ не одинъ десятокъ рѣзныхъ камней и камеевъ, найденныхъ имъ въ древнихъ греческихъ гробницахъ?...

Но возвратимся къ «образку». Дѣло было такъ: 18-го августа 1869 года «увлечшійся нумизматъ», возвращаясь въ Тамань съ г. Хицуновымъ, производившимъ къ югу отъ этой станицы небольшія раскопки, купилъ, на дорогѣ, по указанію надсмотрщика Керченскаго музея древностей, у крестьянина Курской губерніи, бочарнаго мастера фанаторійскаго нефтянаго завода, Алексѣя Шведова, четыре старинныя монеты, изъ коихъ были: двѣ серебряныя татарскія, одна мѣдная Босфорскаго Царя Θεορσεα, съ годомъ ΒϞΦ (592 Босфорской эры, или 296 г. по Р. Х.), и сверхъ того та серебряная, въ которой идетъ рѣчь. При этомъ находился, кромѣ г. Хицунова и означеннаго надсмотрщика, г. Докторъ Θ. Θ. Л., временно проживавшій въ Тамани. Всѣ вышеупомянутыя монеты, по показанію крестьянина

Шведова, найдены имъ, въ разное время, около колодца, что на берегу моря, гдѣ была старая Турецкая крѣпость. (Хункала—на томъ же мѣстѣ, гдѣ, по предположеніямъ, была Тмуторокань). Вотъ описаніе этой монеты:

Лицо: въ кружкѣ изъ точекъ поясное изображеніе человѣка впрямь, въ одеждѣ, повидимому, княжеской; голова его окружена нимбомъ, тоже изъ точекъ; въ правой рукѣ онъ держитъ, кажется, жезлъ, а въ лѣвой—какой-то предметъ, похожій на шаръ; справа и слѣва замѣтны боковыя ручки престола.—Оборотъ: въ кружкѣ изъ точекъ: ГНПО—МОУН—МНХА—НА... (Господи помози Михаилу), въ четырехъ строчкахъ; буквы, по величинѣ, не соразмѣрны съ полемъ монеты и расположены не совсѣмъ ровно. 48 долей ($\frac{1}{2}$ золотн. обыкновеннаго русскаго вѣса), $5\frac{1}{2}$ величины, по Міоне А

Монета эта, довольно хорошо сохранившаяся, покрыта коричневою, съ прозеленью, ржавчиною, на выпуклостяхъ штемпеля нѣсколько отчищенною, вѣроятно тѣмъ, кто ее нашелъ. Ржавчина препятствуетъ видѣть, на лицевой ея сторонѣ, подробности одежды изображенной фигуры, и тѣ предметы, которые она держитъ въ рукахъ.

Судя по лицевому изображенію описанной монеты, нѣсколько похожему, по стилю своему, на такія же изображенія, встрѣаемыя уже на извѣстныхъ монетахъ кievскихъ великихъ князей Владимира Равноапостольнаго и Ярослава Мудраго, а также по нѣкоторымъ палеографическимъ особенностямъ славянской ея надписи (4), нумизматъ осмѣлился вывести заключеніе, что она относится къ XI или XII столѣтію. А какъ въ этотъ періодъ времени, въ Южной Россіи, княжили только два Михаила: одинъ—Святополкъ въ Кіевѣ, а другой—Олегу въ Тмуторокани, изъ коихъ первому, по многимъ нумизматическимъ соображеніямъ, означенная монета не можетъ быть приурочена, то оставалось предполагать: не принадлежитъ ли она Олегу-Михаилу, о которомъ, какъ о князѣ Тмутороканскомъ, упоминаетъ въ 1114 году игумень Даниль въ своемъ Странникѣ (5). Предположеніе подтверж-

(4). Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ. Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями, выписанными изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ, И. Срезневскаго. С. Петербургъ, 1863 г.

(5) Изданъ И. П. Сахаровымъ—въ Путешествіяхъ русскихъ людей 1, стр. 1—90.

дается и мѣстомъ находки монеты въ Тамани, древней Тмуторокани, гдѣ вѣроятно Олегъ имѣлъ свое пребываніе. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о царѣ Борисѣ-Михаилѣ, принявшемъ въ 861 году православіе и царствовавшемъ въ IX вѣкѣ въ Болгаріи. Эти соображенія, вмѣстѣ съ фотографическимъ снимкомъ означенной монеты, были представляемы на усмотрѣніе извѣстнаго въ Россіи знатока отечественныхъ древностей, Графа А. С. Уварова, который въ письмѣ своемъ отъ 11 марта 1870 года къ нумизмату, сравнивая надпись этой монеты съ современными ей памятниками, какъ-то: записью князя Глѣба 1068 года, Изборникомъ Святослава 1073 года, Евангеліемъ Мстислава 1117 года и Антиминсомъ 1149 года и проч., нашелъ его предположеніе достаточно основательнымъ, и подтверждающимся какъ типомъ монеты, такъ и палеографіею. Однако окончательныя сужденія объ этой находкѣ пока преждевременны; подождемъ, что скажутъ о ней другіе знатоки русскихъ древностей.

II

Теперь перейдемъ къ самой сути «Корреспонденціи изъ Керчи» г. Хицунова, т. е. «къ извлеченію изъ журнала работъ близъ Керчи по части археологическихъ разысканій съ 1-го сентября по 7-е октября прошлаго года, произведенныхъ на Темиръ-горѣ въ древнихъ пещерахъ и большомъ курганѣ, на вершинѣ ея». Описывая мѣстность, гдѣ находится Темиръ-гора, онъ говоритъ: «изъ предварительнаго, глазомѣрнаго и барометрическаго частнаго измѣренія, высота этой мѣстности (возвышенія, гдѣ находится Темиръ-гора), считая отъ морскаго берега Керчи (6), оказывается болѣе 37 сажень, отъ подошвы же до вершины около 23 сажень. Самый курганъ высотой около 4 сажень, а въ окружности у подошвы до 42 сажень.... Такъ какъ давно замѣчено практическими разыскателями, что въ южной сторонѣ или полѣ, говоря по здѣшнему, кургановъ чаще попадаются не разграбленныя древнія гробницы, кромѣ главныхъ центральныхъ склеповъ или погребовъ, то я и рѣшился начать раскопки съ юга».... Далѣе: «въ окрестностяхъ Темиръ-горы, при Ашикѣ, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ разслѣдователей древностей (7), найденъ

(6) Что за удивительное измѣреніе—и предварительное и глазомѣрное и барометрическое и частное!? да еще въ добавокъ, считая отъ морскаго берега Керчи!? Какое же изъ сихъ измѣреній вѣрно? Вѣроятно ни какое, потому что высота Темиръ-горы до сихъ поръ съ точностію не опредѣлена.

(7) Извѣстно, что г. Ашикъ производилъ только раскопки въ Керченскомъ Градоначальствѣ и на Таманскомъ полуостровѣ.

былъ пьедесталь отъ статуи богу-Пану, поставленный, какъ охранителю царскихъ стадъ и табуновъ, тутъ пасшихся» Говоря же о пепелищахъ означенной горы, онъ пишетъ: «между обломками черепковъ найдена одна глиняная ручка отъ урны, съ неясно вытиснутою греческою надписью: ΑΣΤΙΝΟΜΟΥ... ΣΛΚΙΝΙΟΥ..... ΤΟΥΥΙΟΥ... Не важно это само по себѣ, потому что оно встрѣчается здѣсь не рѣдко на глиняныхъ ручкахъ, но важно въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ мѣстность. На монеткѣ (найденной въ сдѣланномъ разрѣзѣ на южной покатости Темиръ-горы) послѣ выварки ея въ конопляникѣ (8), выяснился на одной сторонѣ лукъ со стрѣлою, на другой буквы ПАН. Эти данныя подтверждаютъ предположеніе, что въ отдаленной древности, именно за 200—300 лѣтъ до Р. Х., здѣсь была колонія, и именно греческая, можетъ быть одна изъ тѣхъ, положеніе которой древними писателями опредѣляется въ нѣсколькихъ стадіяхъ къ сѣверу отъ Партеіона (9), нынѣшняго Эникале, именно Гераклеи».

Курганъ на Темиръ-горѣ, имѣетъ въ окружности, по подошвѣ, не 42 сажени, а 60 и даже болѣе—до 75 саж.; самая же наибольшая его высота не 4 сажени, а всего только $2\frac{2}{3}$ сажени. Извинительно ошибиться въ размѣрахъ какого нибудь холма, особливо измѣряя его посредствомъ барометра, который, какъ извѣстно, употребляется съ пользою только при измѣреніи значительныхъ горныхъ высотъ; но не съумѣть, съ саженью въ рукахъ, вымѣрить такого небольшого кургана—это непонятно. Выраженная г. Хицуновымъ мысль, что въ южныхъ частяхъ или полахъ кургановъ чаще встрѣчаются неразграбленныя гробницы—лишена всякаго разумнаго основанія. Грабители, какъ показываютъ наблюденія, никогда не брезгали ни южными, ни другими сторонами кургановъ, если замѣчали, что въ нихъ предвидится пожива. Практическіе разыскатели, на которыхъ онъ ссылается, замѣчали не это, а то обстоятельство, истекающее можетъ быть изъ религіозныхъ воззрѣній тогдашнихъ грековъ на обрядъ погребенія, что вообще гробницы чаще попадаютъ въ пологихъ частяхъ кургановъ, которыя почти всегда бывають обращены на западъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ на югъ; но расхищены ли онѣ или нѣтъ—это другое дѣло. Что же касается до мраморнаго пьедестала отъ статуи, посвященной богу-Пану, какъ охранителю царскихъ стадъ и табуновъ, найденнаго будто бы въ окрестностяхъ Темиръ-горы, то это чистая выдумка.

(8) Любопытно знать, какъ авторъ вывариваетъ подобныя монеты въ конопляникѣ? Нумизматамъ полезно было бы знать самый процессъ такого вывариванія.

(9) Не Партеіонъ, а Партеіонъ или Портеіонъ, слѣды котораго находятся въ 200 сажняхъ къ востоку отъ Еникальскаго маяка. Дюбрюксъ, также Дюбуа-де-Монпере, Т. 5, стр. 137.

Дѣйствительно же въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ этой горы, по направленію къ Азовскому морю, найдена была въ 1864 году, близъ селенія Осовино, въ урочищѣ «Куть-Ергаковъ», мраморная плита съ надписью, гласящею, что въ царствованіе Тиверія Юлія Рескупориса, въ 226 году по Р. Х., поставлена была на томъ мѣстѣ башня какимъ-то Юліемъ Эротомъ, управляющимъ царскими пастбищами⁽¹⁰⁾. Тутъ нѣтъ и помину о богѣ-Панѣ, являющемся ни съ того ни съ сего на вымышленномъ камнѣ г. Хицунова. Такимъ образомъ искажать факты едва ли позволительно даже въ какой-нибудь «Корреспонденціи изъ Керчи», хотя и предназначенной для легкаго чтенія, но конечно не для мороченія ея читателей. То же должно сказать и о найденной имъ въ насыпяхъ означенной горы глиняной амфорной ручкѣ (отъ урны, пишетъ онъ), съ приведенною выше надписью: «ΑΣΤΙΝΟΜΟΥ... ΣΛΚΙΝΙΟΥ... ΤΟΥΥΙΟΥ...» Последнее слово въ этой надписи ΥΙΟΥ сына—болѣе нежели сомнительно: по крайней мѣрѣ надписей на амфорныхъ ручкахъ съ такимъ словомъ никогда здѣсь не встрѣчалось. Не говоримъ уже о томъ, что тутъ авторъ смѣшалъ два различные древніе сосуда, назвавъ урною обыкновенную амфору. Первая изъ нихъ имѣла у древнихъ погребальное значеніе и употреблялась только для храненія праха сожженныхъ на кострѣ покойниковъ; но чтобы на ручкахъ такихъ урнъ были штемпеля (вытиснутыя надписи), намъ никогда не случалось слышать; вторыя, въ древности, служили для храненія разныхъ жидкостей—вина, воды, масла и проч., и, кажется, сыпучихъ тѣлъ. Изготавлиаемыя во многихъ городахъ, онѣ развозились по всѣмъ странамъ тогдашней Греціи, и въ черепкахъ или цѣлыя понынѣ въ большомъ количествѣ попадаются въ древнихъ насыпяхъ Керченскаго и Таманскаго полуострововъ. Нелѣпо думать, чтобы какая нибудь ручка, найденная въ этихъ насыпяхъ, могла опредѣлить древнее названіе того мѣста, которое подверглось археологическому разслѣдованію; но г. Хицуновъ, не смущается ничѣмъ, и, на основаніи мнѣнія какихъ-то будто бы древнихъ писателей, вымышленнаго имъ камня, упомянутой ручки и автономной пантикапейской монеты⁽¹¹⁾, которую онъ даже не умѣлъ порядочно описать, смѣло говорить, что на Темиръ-горѣ была древняя Гераклея, между тѣмъ, какъ давно доказано извѣстнымъ археологомъ Дюбрюксомъ и другими, что Гераклеонъ, или памятникъ Геркулеса, есть круглое зданіе, слѣды котораго видны и теперь въ концѣ небольшого акрополиса Мирмикіона (новаго ка-

(10) Царь Рескупорисъ III царствовалъ на Босфорѣ съ 212 по 229 годъ Р. Х.

(11) Такой монеты, которую онъ описываетъ, вовсе нѣтъ въ Босфорской нумизматикѣ. Найденная имъ монета имѣетъ съ одной стороны—изображеніе вѣтви Пана, съ бородою, а на другой—лука, стрѣлы и буквы Γ—Α—Ν.

рантина). Г. Хицуновъ, желая похвалиться своимъ мнимымъ пониманіемъ древней топографіи Босфора и вмѣстѣ съ тѣмъ придать особый интересъ произведеннымъ имъ раскопкамъ, вздумалъ перетащить бѣднѣйшій Гераклеонъ за $4\frac{1}{2}$ версты отъ моря на Темиръ-гору, увѣряя, якобы Милетцы поселились здѣсь за 200—300 лѣтъ до Р. Х. (12)

Говоря о встрѣченной въ раскопкѣ кургана Темиръ-горы оградной стѣнѣ, г. Хицуновъ, пишетъ: «таковаго рода стѣны, окружающія центральную часть кургановъ, извѣстны здѣсь подъ именемъ заваловъ, которые, по общему мнѣнію, были слагаемы для устойчивости земляной насыпи кургана»..... Далѣе: «при разборѣ точка, пайдены въ золѣ куски разбитаго мраморнаго алавастрида».... Далѣе: «по снятіи массивныхъ камней завала (т. е. правильнѣе: по разборкѣ камней стѣны) продолжили работу еще саженой 6—7 до центра, углубясь въ курганъ до $3\frac{1}{2}$ саженой (13). У юго-западной стороны открылся на материкѣ жженный точекъ съ множествомъ золы и небольшимъ количествомъ деревяннаго угля. Кстати сказать, что на нѣкоторыхъ другихъ точкахъ около Керчи и Фанагоріи, на Таманскомъ полуостровѣ, оказывалось непонятное множество крупнаго древеснаго угля отъ сгорѣвшихъ тамъ погребальныхъ костровъ; случалось также вмѣсто угля находить сапуху и остатки отъ сгорѣвшаго большаго количества бурьяна»..... Наконецъ: «При дальнѣйшемъ раскопѣ захваченъ—правда совершенно бесполезно—и самый центръ кургана, давно снаружи доказывавшій, что онъ разоренъ въ незапамятныя времена. Теперь чрезъ этотъ излишекъ пріобрѣтенъ одинъ скудный результатъ, что середина кургана заключала въ себѣ погребъ или склепъ».....

Смѣемъ увѣрить г. Хицунова, что стѣны, окружающія центральную часть кургановъ и служащія къ большей устойчивости земляной ихъ насыпи, никогда не называются здѣсь завалами. Стѣны имѣютъ одно назначеніе, а завалы другое. Первыя сложены нерѣдко изъ правильно обтесанныхъ плитъ известняка, сверхъ объясненной уже цѣли, служатъ также и для затрудненія подступа къ погребамъ и гробницамъ, заключающимся въ центрѣ кургана; вторыя есть нечто иное какъ груда камней, неравной величины, приваленная къ курганнымъ постройкамъ, или покрывающая какую-либо гробницу, а иногда составляющая и самую насыпь кургана. Алавастры, или алавастриды, постоянно находимые въ древнихъ керченскихъ и фанаго-

12) Здѣшнія греческія поселенія были основаны Милетцами около 4 года 59 Олимпіады (511 г. до Р. Х.). Описаніе Музея покойнаго князя В. В. Кочубея; Кѣне, 1857 г., Т. 1, стр. 327.

13) Въ курганѣ, имѣющемъ $2\frac{1}{2}$ сажени высоты, нельзя углубиться на $3\frac{1}{2}$ сажени. Это явная несообразность.

рійскихъ гробницахъ, никогда не бываютъ мраморныя. Они вытачивались изъ обыкновеннаго или египетскаго алебастра (порода гипса), и служили для храненія благовожденныхъ жидкостей, которыми, при обрядѣ погребенія, вспрыскивались трупы умершихъ. Нерѣдко ихъ находятъ сдѣланными изъ особой стекловидной пестрой массы, а также изъ глины, хорошо обожженной. Трудно понять, почему г. Хицуновъ назвалъ найденную имъ алавастру мраморною, и что онъ подразумеваетъ подъ непонятнымъ множествомъ крупнаго древеснаго угля, будто бы видѣннаго имъ на жженныхъ точкахъ около Керчи и Фанагоріи? Уголь отъ большихъ костровъ, на которыхъ жгли покойниковъ, потушенный наваленною на него землею, какъ продуктъ, неподвергающійся гніенію, остался до нашихъ временъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, и если онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, то это зависѣло отъ величины костра, изготовленнаго для сожженія покойника. Что же тутъ непонятнаго? Но вотъ что, въ самомъ дѣлѣ, непонятно, это—упоминаемая г. Хицуновымъ какая-то сапуха, которую ему будто бы случилось видѣть на точкахъ, вмѣсто угля. Простонародное слово сапуха значитъ печная сажа. Какимъ же образомъ сія послѣдняя могла находиться на точкахъ при сожженіи дерева, бурьяна и проч., когда она образуется только отъ дыма, при слабой тягѣ воздуха и, слѣдовательно, въ закрытомъ пространствѣ. Г. Хицуновъ, намекая на раскопки, произведенныя послѣ его отъѣзда изъ Керчи, признаетъ ихъ излишними и говоритъ, что будто бы дальнѣйшимъ продолженіемъ работъ къ центру кургана, пріобрѣтенъ одинъ скудный результатъ, что середина его заключала въ себѣ погребъ, или склепъ, разграбленный въ давнія уже времена. Давольствоваться такими разсужденіями можно только человѣку незнакому съ керченскими курганами и вообще непонимающему главной цѣли всякаго осмысленнаго археологическаго разслѣдованія. Въ томъ-то и дѣло, что здѣшніе курганы именно тѣмъ и отличаются, что имѣютъ, кромѣ центральныхъ склеповъ, въ разныхъ частяхъ своихъ, еще другія гробницы, урны, со жженнымъ прахомъ умершихъ, тризны и проч. и потому въ Керчи принято за правило прорѣзывать ихъ продольными раскопами, крестъ на крестъ, и даже въ оставшихся боковыхъ частяхъ дѣлать пріемки (раскопы дополнительные), если есть показанія (т. е. отески строительнаго камня), ведущія къ гробницамъ. Не слѣдовать этой системѣ, основанной на продолжительномъ опытѣ, по мнѣнію многихъ, значитъ пересыпать землю съ одного мѣста на другое и только портить курганы, не достигая благоприятныхъ результатовъ. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе слѣдовало придерживаться помянутаго правила, что въ описанномъ г. Хицуновымъ раскопѣ

видна была уже обысканная, центральная гробница, построенная не на материкѣ, а въ насыпи на $1\frac{1}{2}$ аршина выше его, подъ которой могла встрѣтиться другая, нетронутая гробница, чему примѣры часто бывали при разрытіи керченскихъ кургановъ. Послѣдствія не оправдали послѣдняго предположенія; но когда курганъ на Темиръ-горѣ былъ прорѣзанъ почти по всему поперечнику съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, продольными раскопами, то около центра его подъ завалами изъ дикарныхъ камней обнаружены были на поверхности скалистаго материка три гробницы, сложенные также изъ дикарныхъ камней и наполненыя человѣческими остовами, въ самомъ же материкѣ—углубленіе съ однимъ человѣческимъ остовомъ, при которомъ найденъ чрезвычайно интересный древній сосудъ, расписанный по бѣлому полю изображеніями разныхъ животныхъ; затѣмъ вправо отъ раскопа г. Хицуновымъ въ нижнемъ слоѣ курганной насыпи открыто значительное число черепковъ отъ большой расписной вазы, а влѣво на материкѣ—остатки тризны со множествомъ черепковъ отъ разной перегорѣлой посуды, изъ части которыхъ составила почти цѣлая верхняя крышка патеры, съ весьма замѣчательнымъ рисункомъ. Раскопки эти, какъ въ курганѣ, такъ и въ прилегающей къ нему съ западной стороны площадкѣ, гдѣ открыты какія-то стѣны, повидимому древняго укрѣпленія, съ восходящею къ нимъ каменною лѣстницей, теперь уже окончены. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ порицать дѣйствія другихъ, не лучше ли было г. Хицунову припомнить кое-что, о чемъ онъ не упоминаетъ въ своемъ археологическомъ журналѣ, именно: что, идя описаннымъ раскопомъ къ центру кургана, онъ коснулся, съ лѣвой стороны, жженога точка; при чемъ, непонятно почему, не счелъ нужнымъ обнаружить его вполнѣ небольшою приемкою, а подкопался немного подъ заваль, покрывающій этотъ точекъ и, разчистивъ только часть его, рѣшилъ, что это дѣтская гробница, тогда какъ найденныя золотыя вещи, ясно свидѣтельствовали, что онѣ принадлежать къ большой жженой гробницѣ, здѣсь находящейся. Такая ошибка не могла не возбудить въ томъ лицѣ, которое имѣло право наблюдать за работами г. Хицунова, нѣкотораго сомнѣнія относительно вѣрности взгляда его на археологическія разслѣдованія.

Г. Хицуновъ, описывая золотыя вещи, изъ коихъ главныя не имѣ найдены, хотя изъ словъ его этого и не видно, говоритъ: «недоумѣваемъ, какъ могъ древній художникъ работать подобныя мелочи, безъ помощи увеличительнаго стекла. А извѣстно, что ихъ въ древности не знали. Вѣрно, если такъ, у нихъ(?) зрѣніе было далеко острѣе нашего. Древніе не знали ни телескопа, ни микроскопа и даже зажигательнаго нынѣшняго стекла» «Весною настоящаго года (собствен-

но 1869 г). близъ Керчи, въ такъ называемой части города—Глинище, при разборѣ одной жженой гробницы, (потому что и каменные или глиняныя гробницы ⁽¹⁴⁾ бывають жженыя, т. е. въ нихъ сожигались трупы покойниковъ),—найденъ вѣнокъ изъ листового золота, по видимому брошенный въ закрытую камнемъ гробницу, послѣ сожженія покойника, потому что на вѣнкѣ не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ дѣйствія огня» «Въ другой земляной гробницѣ, тоже нынѣшнею весною (1869 г)., открытой въ южной полѣ большого кургана, между прочимъ, найденъ попорченный ржавчиною бронзовый шлемъ фригійской формы, множество бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и цѣлые пучки деревянныхъ древковъ, на которыя накладывались стрѣлы. Древки эти были гибки, ломки и похожи на сердцевину бузинового дерева» ... ⁽¹⁵⁾. Далѣе г. Хицуновъ обѣщаетъ: «сдѣлать обзоръ о находкахъ близъ Керчи и Тамани въ прежнее время, начиная съ достопамятнаго періода управленія Керчью Стемпковскаго» ..., а въ заключеніе, говоря о какихъ-то новѣйшихъ скептическихъ историкахъ, пишетъ: «отъ древнѣйшаго періода—Фанагорійскаго и Босфорскаго владычества, тутъ, на Таманскомъ полуостровѣ, находятъ множество всѣхъ сортовъ монетъ, и въ числѣ ихъ одна бронзовая замѣчательна чрезвычайно малостию, далеко мельче рыбьей шелухи и никакъ не болѣе сплюснутой дробинки или горошинки, а тоже съ буквами и своего рода типомъ, греческаго, языческаго, далеко до-христіанскаго времени» ...⁽¹⁶⁾.

Напрасно г. Хицуновъ думаетъ, что древніе греки не знали зажигательнаго стекла. Стоить только развернуть любое сочиненіе, относящееся къ сему предмету, чтобы разувѣриться въ такомъ мнѣніи. Такъ, напримѣръ Дагенъ (Daguin) въ своей Физикѣ ⁽¹⁷⁾ пишетъ, что свойство зажигательнаго стекла было извѣстно древнимъ, пользовавшимся имъ для произведенія воспламененія. Это доказываетъ одно мѣсто въ комедіи Аристофана «Облака». Тамъ одно лице говоритъ: «Видали ли вы у москотильниковъ прекрасный прозрачный камень, который служитъ имъ для добыванія огня?—Ты говоришь о стеклѣ?—

(14) Глиняныхъ гробницъ не бываетъ, а есть гробницы изъ сырцоваго кирпича; да и къ чему тутъ или, которое смѣшиваетъ два совершенно разнородные предмета.

(15) Чтобы древки, пролежавшія въ гробницѣ около 2000 лѣтъ и похожія, какъ говоритъ авторъ, на сердцевину бузинового дерева, сохранили свою гибкость—это совершенно противно здравому смыслу.

(16) Непостижимо, гдѣ г. Хицуновъ видѣлъ упоминаемую имъ бронзовую монету, похожую на рыбью шелуху? и въ добавокъ какого фанагорійскаго владычества? Такая монета можетъ существовать только въ его воображеніи. Въ послѣднее время находимы были въ Тамани очень маленькія автономныя монеты: Пантикапей, Фанагорійскія и Синдоизскія, но онѣ всѣ серебряныя.

(17) Теорія теплоты изъ физики Дагена, стр. 129. С.П. 1861 года.

Да.—Ну, такъ чтожь ты съ нимъ сдѣлаешь?—А вотъ что, я возьму это стекло и, поставя его, такимъ образомъ, на солнце, расплавлю издалека все, что онъ писалъ». (Сцена 1-я, дѣйствіе 2-е). Если древніе знали его, то трудно предположить, чтобы имъ неизвѣстно было и увеличительное стекло, съ помощію котораго они и производили эти миниатюрныя, изящныя по исполненію и отчетливости, золотыя вещицы, находимыя въ гробницахъ. Чѣмъ выдумывать, вопреки обыкновеннымъ законамъ человѣческой природы, что зрѣніе древнихъ было гораздо острѣе нашего, и навязывать имъ такія фізіологическія свойства, которыхъ доказать невозможно,—не лучше ли согласиться, что они, при производствѣ своихъ ювелирныхъ работъ, пользовались тѣми же вспомогательными средствами, какъ и мы. Но дѣйствительно надо удивляться не этому, а тому обстоятельству—какимъ образомъ они могли дѣлать означенныя золотыя вещи, украшенныя тончайшею филигранною работою, изъ чистаго, безъ всякой лигатуры, и слѣдовательно мягкаго золота? Это—секретъ, неизвѣстный новѣйшему времени. Нынѣшніе ювелиры отказываются работать изъ такого золота, хотя ихъ произведенія иногда не уступаютъ древнимъ по рисунку, изяществу и тонкости работы. Далѣе г. Хицуновъ, говоря о двухъ гробницахъ, открытыхъ весною 1869 года, къ западу отъ предмѣстія «Глинище», пишетъ, что въ одной изъ нихъ, и именно жженой гробницѣ, найденъ золотой вѣнокъ, совершенно нетронутый огнемъ; это неправда. Изъ журнала археологическихъ разысканій г. директора Керченскаго Музеума древностей, за 1869 годъ, видно, что 15-го марта того года, въ одномъ изъ кургановъ, лежащихъ въ степи, за вышеозначеннымъ предмѣстіемъ, открыта была, съ южной стороны его, по указанію бурава, гробница, построенная на поверхности материка, изъ тесаныхъ плитъ известковаго камня, и покрытая такими же тремя плитами, послѣ сожженія на этомъ мѣстѣ костра съ покойникомъ. Въ этой гробницѣ, вмѣстѣ съ другими вещами, найденъ, дѣйствительно, золотой лавровый вѣнокъ, вѣсомъ въ 28 золотн., но нѣсколько помятый и сильно поврежденный огнемъ, съ нѣкоторыми отдѣлившимися и сплавленными между собою листьями. Не понятно, что г. Хицуновъ, бывшій при самомъ вскрытіи означенной гробницы и нѣсколько разъ видѣвшій этотъ вѣнокъ въ Керченскомъ Музеумѣ древностей, гдѣ онъ хранится въ одной изъ витринъ, и гдѣ его можно видѣть во всякое время, увѣряетъ, что онъ будто бы былъ брошенъ въ гробницу послѣ сожженія трупа покойника и сохранился въ совершенной цѣлости. Это похоже на его мнѣніе о монетѣ Михаила, которую онъ снабдилъ такими принадлежностями, которыхъ въ дѣйствительности никогда на ней не имѣлось. Говоря о другой гробницѣ,

открытой въ той же мѣстности, онъ упоминаетъ о какомъ-то бронзовомъ фригійскомъ шлемѣ, будто бы тамъ найденномъ. Это опять-таки плодъ фантазіи г. Хицунова. Въ вышепомянутомъ журналѣ за 1869 годъ, между прочимъ, сказано, что въ другомъ курганѣ, лежащемъ немного сѣвернѣе отъ преждеописаннаго кургана, открыта 7-го апрѣля, тоже по указанію бурава, каменная гробница, въ которой стоялъ деревянный, обыкновенной конструкціи гробъ, съ полустлѣвшимъ остовомъ, обращеннымъ лицомъ на западъ. При костяхъ этого остова найдены—у ногъ его—глиняный о двухъ ручкахъ сосудъ (Skyphos), съ рисункомъ желтаго цвѣта на черномъ полѣ, представляющимъ съ одной стороны двѣ обнаженныя мужскія фигуры, а съ другой вакханку и предъ нею сатира; одна глиняная чаша, безъ ручекъ, покрытая блестящею черною краскою, и одна такая же чашка, немного поменьше; на груди—три пучка камышевыхъ древокъ, въ разныхъ мѣстахъ гроба—значительное число бронзовыхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ, обыкновенной формы и проч. Здѣсь о фригійскомъ шлемѣ нѣтъ и помину. Ужъ не принялъ ли г. Хицуновъ, описанный въ журналѣ г. директора Музея сосудъ за головную принадлежность древняго фригійскаго воина, или припомя, что въ Керченскомъ Музеемъ есть такой шлемъ, сильно поврежденный окисью мѣди, который найденъ былъ въ 1865 году въ одномъ изъ могильныхъ склеповъ большой Стеблеевской Близницы, приурочилъ и его къ вышеозначенной гробницѣ. Если задуманный имъ и обѣщанный публикѣ «обзоръ о находкахъ близъ Керчи и Тамани» будетъ имѣть такія же достоинства, какъ и настоящая его «корреспонденція», то мы не надѣемся, чтобы онъ былъ приобрѣтеніемъ для отечественной Археологіи.

Извращеніе фактовъ и невѣрныя свѣдѣнія всегда много вредятъ наукѣ и распространяютъ въ обществѣ невыгодное мнѣніе о дѣятельности нашихъ археологовъ и ихъ приемахъ при разысканіи древностей. Пока не будетъ у насъ хорошаго руководства о правилахъ и приемахъ, употребляемыхъ нашими, болѣе опытными, разыскателями при разслѣдованіи кургановъ и другихъ мѣстностей, замѣчательныхъ въ какцхъ-либо историческихъ или другихъ отношеніяхъ, русскому обществу почти невозможно судить о достоинствахъ, или недостаткахъ всякой статьи по этой спеціальности. Будучи нѣсколько близкими къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ пишетъ г. Хицуновъ, мы въ качествѣ любителей археологіи почли необходимымъ, для возстановленія истины, сдѣлать нѣсколько замѣчаній на его «Корреспонденцію изъ Керчи» и показать вообще съ какою осторожностью должно принимать факты и свѣдѣнія, сообщаемые авторомъ.

13 Ноября, 1870 г. Г. Керчь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Hymnographie de l'Église grecque. Dissertation publiée par le Cardinal S. V. Pitra. Rome. 1867.

Въ Іюнѣ 1859 года, Питра, тогда еще аббатъ Бенедиктинскаго ордена, прибылъ изъ Рима въ Россію для изученія памятниковъ восточной литургической литературы и остановился въ католическомъ монастырѣ св. Екатерины въ С.-Петербургѣ. Здѣсь онъ нашелъ рукописное сказаніе объ иконѣ Иверской Божіей Матери, къ которому присоединенъ былъ и канонъ на праздникъ этой иконы. Манускриптъ, какъ значилось въ его надписи, былъ сдѣланъ рукою игумена Иверскаго монастыря Паисія, между 1678 и 1680 годами. Западнаго ученаго заинтересовало какъ самое содержаніе Аѳонскаго сказанія объ иконѣ, столь чествуемой въ Россіи, такъ еще болѣе содержаніе и составъ церковной службы, которая была помѣщена на концѣ рукописи. Здѣсь особенное его вниманіе привлекли красныя точки, которыми испещрена была часть рукописи, заключающая въ себѣ канонъ, и которыя раздѣляли его составъ на множество мелкихъ отдѣленій или стиховъ. Всматриваясь ближе, Питра замѣтилъ, что въ расположеніи этихъ точекъ соблюдался опредѣленный планъ, что ими, съ замѣчательнымъ однообразіемъ, отдѣлялись строки и стихи канона, заключающіе одинаковое число слоговъ. Далѣе онъ нашелъ, что прѣдъ или начальная пѣснь, стоящая во главѣ каждой изъ девяти частей канона, соотвѣтствовалъ по своему строенію послѣдующимъ

за нимъ тропарямъ и устанавливалъ ихъ размѣръ и способъ пѣнія. Эти наблюденія навели западнаго ученаго на мысль о ритмической системѣ восточныхъ церковныхъ пѣснопѣній и проложили путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ его на этомъ поприщѣ. Въ Петербургской публичной библіотекѣ древнія рукописи, привезенныя Тишендорфомъ съ Синая, дали новое подтвержденіе предположенію Питры, а найденный имъ въ Московской синодальной библіотекѣ другой экземпляръ Аѳонскаго сказанія объ Иверской иконѣ показалъ, что въ размѣщеніи этихъ раздѣлительныхъ точекъ и здѣсь соблюдался тотъ же самый порядокъ, какой былъ замѣченъ и въ рукописи Петербургской. Разница заключалась лишь въ томъ, что здѣсь вмѣсто красныхъ точекъ употреблены были, въ качествѣ раздѣлительныхъ знаковъ, золотыя звѣздочки, но мѣсто и значеніе ихъ оставалось то же самое (*). Съ этою руководящею мыслию Питра, продолжая работать въ Московскихъ библіотекахъ, перечиталъ болѣе двухъ сотъ манускриптовъ (Нумпогр. р. 18) и, находя всюду подтвержденіе своего мнѣнія, пришелъ наконецъ къ тому рѣшительному заключенію, что тайна гимнической просодіи греческой церкви заключается въ силлабическомъ размѣрѣ, и что, не смотря на различныя и часто очень прихотливыя количественныя комбинаціи стиха, этому закону слѣдуетъ бѣольшая часть произведеній греческой богослужебной гимнографіи. Кромѣ этого прямого и непосредственнаго доказательства, основывавшагося на счетѣ слоговъ, Питра принялъ въ соображеніе еще два данныхъ, именно: значеніе ирмоса въ составѣ канона и употребленіе акростиха. Эти два данныхъ имѣютъ особенную важность въ вопросѣ о внѣшней технической сторонѣ греческихъ пѣснопѣній, а потому мы нѣсколько остановимся на объясненіи ихъ значенія.

Наши богослужебные каноны въ полномъ своемъ составѣ слагаются изъ девяти частей. Каждая изъ нихъ имѣетъ во главѣ своей особенную пѣснь, составленную на основаніи опредѣленнаго библейскаго образца. Эти пѣсни канона (въ числѣ девяти, а болшею частію въ числѣ восьми) называются ирмосами (*ἱρμός*, *tractus*). За ними слѣдуетъ рядъ краткихъ пѣсней, называемыхъ тропарями (*τροπάριον*, *modulus*) до слѣдующаго ирмоса, которымъ начинается второе отдѣленіе канона и т. д. до конца. Опредѣляя отношеніе ирмоса къ тропарямъ, Питра справедливо замѣчаетъ, что первые служатъ для послѣднихъ образцомъ и опредѣляютъ не только содержаніе тропарей, но самый ритмическій ихъ

(*) Знаки эти съ рукописей перешли потомъ и въ печатныя изданія греческихъ богослужебныхъ книгъ; по крайней мѣрѣ первое изданіе Миней, сдѣланное въ Венеціи въ концѣ XVI вѣка, и о которомъ такъ невыгодно отзывается Питра (Нумпогр. р. 66, 67), удержало эти знаки со всею точностію.

размѣръ, ихъ мелодію, или способъ пѣнія. Эти ирмосы, часто болѣе древніе, чѣмъ самые каноны и соотвѣтствующіе имъ тропари, имѣли уже твердо установившійся напѣвъ и опредѣленное просодическое построение; а потому въ церковной практикѣ имѣли значеніе указателей пѣнія для тѣхъ или другихъ гимновъ, съ ними связанныхъ, и служили образцомъ, по которому эти послѣдніе составлялись. Эта общезвѣстность ирмосовъ и ихъ обширное богослужебное употребленіе были причиною, почему они въ канонахъ не приводятся въ полномъ составѣ, а только обозначаются первыми словами (Eucholog. Goar. Paris. 1647. pp. 785 sqq. *ibid.* 566—). Такимъ образомъ внимательное изученіе ирмоса въ отношеніи къ подчиненнымъ ему тропарямъ уже даетъ точку опоры для заключенія о самомъ просодическомъ характерѣ этихъ пѣсней и объясняетъ ихъ взаимную техническую зависимость. На этомъ основаніи Питра усматриваетъ ясную просодическую параллель между первою пѣснію Богородичнаго канона «*ἁρματηλάτην φαραὸν ἐβύθισε*» и послѣдующими за нею тропарями. Слѣдующіе ирмосы того же канона, составленные по другой силлабической системѣ, въ свою очередь опредѣляютъ способъ построения къ нимъ относящихся тропарей. То же самое замѣчается и въ слѣдующихъ частяхъ канона.

Другимъ еще болѣе осязательнымъ способомъ для опредѣленія метрической системы греческихъ гимновъ служить для Питры изученіе акростиха. Греческіе пѣснописцы очень часто пользовались акростихомъ при составленіи своихъ каноновъ. Они, въ алфавитномъ порядкѣ, или въ порядкѣ буквъ какого нибудь условно принятаго стиха, располагали тропари канона, а иногда даже и самые стихи этихъ тропарей, такъ что порядокъ тропарей или стиховъ опредѣлялся порядкомъ буквъ, вошедшихъ въ составъ акростиха. Слѣдуя этой руководительной нити, позднѣйшему читателю канона уже легко было отдѣлить одинъ стихъ отъ другаго, и, сравнивъ ихъ взаимное отношеніе и способъ построения, придти къ заключенію и о просодическихъ правилахъ, которымъ они подчинялись. Напр:

Ὡς ἑμφύχῳ ναῶι Θεῷ κιβωτῆ
 Ψαυέτω μηδαμῶς χεῖρ ἀμυήτων
 Χεῖλη δὲ πικρῶν τῆ Θεοτόκῳ ἁσιγῆτως
 Φωνήν τῆ ἁγγέλου ἀναμέλποντα.....

Здѣсь послѣднія буквы греческаго алфавита опредѣляютъ совершенно ясно порядокъ стиховъ канона. Съ этимъ порядкомъ находится въ близкомъ соотвѣтствіи и раздѣленіе стиховъ въ принадлежащихъ этому

ирмосу тропаряхъ (*). Но надобно замѣтить, что акростихъ не всегда могъ оказать эту услугу, потому что въ большинствѣ случаевъ указывалъ только на порядокъ тропарей, а не на порядокъ стиховъ; и потому для отдѣленія послѣднихъ нуженъ былъ иной приемъ, который и данъ былъ Питрѣ раздѣлительными знаками въ древнихъ рукописяхъ.

Таковы приемы, съ помощію которыхъ Питра приходитъ къ своему заключенію о силлабическомъ размѣрѣ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. За этимъ заключеніемъ нельзя не признать осязательной справедливости въ виду тѣхъ данныхъ изъ области церковной гимнографіи, на которыя Питра указываетъ въ подтвержденіе своей мысли. Но высоко цѣня услугу, которая принадлежитъ трудолюбивому западному изслѣдователю въ рѣшеніи этого церковно-археологическаго вопроса, нельзя не замѣтить въ то же время, что Питра слишкомъ самоувѣренно присвоиваетъ себѣ честь открытія тайны греческой стихометріи, и не совсѣмъ справедливо относится къ трудамъ своихъ предшественниковъ по этому вопросу. Излагая въ началѣ своего сочиненія очеркъ работъ по этой части, вышедшихъ изъ-подъ пера греческихъ и латинскихъ писателей трехъ послѣднихъ столѣтій, онъ дѣлаетъ между ними выборъ въ свою пользу, а въ концѣ очерка сознается, что ими не сдѣлано ничего. «Греки потеряли преданія своей священной поэзіи» (р. 6), «проблема осталась ими неразрѣшимою», «ученѣйшій изъ грековъ не понимаетъ гимнографіи своей церкви» — вотъ образчикъ тѣхъ выраженій, которыя онъ расточаетъ на счетъ своихъ предшественниковъ. Но какъ бы ни малы были ихъ заслуги въ этомъ дѣлѣ, все же нельзя оставлять ихъ безъ вниманія; а что эти заслуги дѣйствительно были, что Гербертъ, Алляцій, Гоаръ положили свою долю трудовъ—и трудовъ замѣчательныхъ—этого не могъ отвергнуть и Питра. Только онъ приходитъ къ этому признанію не вдругъ, но указавъ напередъ, какъ мало сдѣлали ученые прежняго времени въ этомъ отношеніи и изложивъ результаты своихъ работъ по этому вопросу. «Неужели же, спрашиваетъ онъ, возможно было, чтобы фактъ до такой степени осязательный, простой и въ то же время важный остался незамѣченнымъ? Незамѣченный Латинянами, какъ онъ могъ остаться такимъ для Грековъ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Питра уже значительно измѣняетъ свой прежній взглядъ на историческую судьбу нашего вопроса, и изъ тѣхъ же самыхъ писателей доказываетъ,

(*) Говоримъ въ близкомъ отношеніи, потому что строгаго соответствія нѣтъ. Св. девятый ирмосъ канона на Благовѣщеніе съ слѣдующими за нимъ тропарями. Въ ирмосѣ акростихъ отдѣляетъ стихи въ 9, 11, 14, 11, 9, 15, слоговъ; въ слѣдующемъ тропарѣ система нѣсколько иная, именно: 11, 11, 13, 11, 9, 15 слоговъ. Въ общемъ счетѣ разница въ одномъ слогѣ (Богосл. каноны, стр. 43, 44).

что имъ извѣстно было и значеніе раздѣлительныхъ точекъ и назначеніе ирмоса и силлабическое построеніе его стиховъ. Оказывается, что древніе Греки и Латиняне имѣли вѣрное понятіе о просодіи греческихъ богослужебныхъ пѣсенъ, и высказали объ этомъ предметѣ основныя положенія, послужившія точкою отправленія и для позднѣйшаго изслѣдователя богослужебной литературы Грековъ. Только они не возвели своихъ замѣчаній въ опредѣленный законъ, не обобщили ихъ, но дали основу для общихъ соображеній о техническомъ построеніи греческихъ церковныхъ гимновъ. Между предшественниками Питры на этомъ поприщѣ прежде всего слѣдуетъ назвать Гоара. За двѣсти слишкомъ лѣтъ до нашего времени, не смотря на совершенное невѣжество, господствовавшее въ то время на Западѣ относительно Востока и его богослужебной практики (Goar. Eucholog. Pag. 1647. Proemium ad lector.), Гоаръ уже высказалъ такое ясное и точное понятіе объ ирмосѣ и его значеніи въ канонѣ, что оно и до сихъ поръ сохраняетъ полную силу и основательность. Издатель греческихъ службъ, онъ оставилъ къ нимъ много пояснительныхъ замѣчаній, составляющихъ очень почтенный историко-литургическій комментарий. Вотъ, на примѣръ, одно изъ этихъ замѣчаній, имѣющее непосредственное отношеніе къ вопросу о размѣрѣ греческихъ гимновъ: «Греки, говоритъ онъ, очень рѣдко употребляютъ для пѣнія книги нотныя, и не всегда даже имѣютъ ихъ; поэтому они затверживаютъ на память слова и напѣвы извѣстныхъ гимновъ, и по образцу этихъ послѣднихъ исполняютъ другіе, состоящіе изъ равнаго съ ними числа слоговъ (*pari syllabarum numero constantes*). Эти основныя пѣсни и называются ирмосами (Euchol. p. 434 not. XI). Какъ справедливо замѣчаетъ Питра, стоить только отдѣлить значеніе ирмоса для пѣнія изъ его метрическаго построенія, и обобщить послѣднее замѣчаніе, чтобы получить въ словахъ Гоара общее рѣшеніе вопроса о гимнической метрикѣ Грековъ. Зонара, греческій канонистъ XII вѣка, также ясно указываетъ на это значеніе ирмоса, какъ образца для мелодіи тропарей и ихъ просодическаго строенія (*τροπάρια προς τὸ τῶν εἰρμῶν μέλος ρυθμιᾶσιν* ibid Goar p. 434). При этихъ готовыхъ основныя понятія уже не трудно было дойти и до общаго заключенія о правилахъ построенія каждаго канона, что и сдѣлалъ одинъ изъ древнихъ грамматистовъ (Θεοδосίῳ Ἀλεξανδρείῳ) въ слѣдующемъ замѣчаніи: «кто хочетъ составить канонъ, говоритъ онъ, долженъ сначала опредѣлить (*επαγάγειν*) къ нему тропари, которые бы состояли изъ равнаго съ нимъ числа слоговъ (*ἰσοδουλάβητα*) и имѣли одинаковый напѣвъ. Поступая такимъ образомъ, достигнешь своей цѣли. (Himnogr. p. 32 not. 1). Не было неизвѣстно прежнимъ писателямъ и значеніе раздѣлительныхъ

точекъ, которое разъяснило для Питры основной законъ гимнической просодіи Грековъ». «Употребленіе въ канонахъ и стихирахъ точекъ обнаруживаетъ скрытые стихи», говоритъ Тустень, а неизвѣстный комментаторъ исторіи Баронія прямо замѣчаетъ, что въ канонахъ на праздникъ Православія существуетъ пунктація совершенно своеобразная, часто нарушающая смыслъ текста и очевидно приспособленная къ отдѣленію стиховъ. (Annal eccles. t. IX a 842 p. 28). Выписываемъ нѣсколько строкъ и изъ сочиненія изданнаго у насъ, чтобы показать, что и въ нашей литературѣ силлабическій размѣръ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній не былъ дѣломъ неизвѣстнымъ. «Октоихъ, говорится здѣсь, написанъ на греческомъ языкѣ слогомъ мѣрнымъ, приспособленнымъ къ пѣнію. Въ нашемъ октоихѣ этого видѣть нельзя, потому что, при переводѣ на славянскій языкъ, рѣчь его по необходимости должна была принять другую мѣру, нежели греческая.... Въ греческомъ же октоихѣ виденъ размѣръ, именно: члены, составляющіе одну пѣснь и цѣлыя пѣсни, относящіяся къ одному роду или напѣву, имѣютъ въ числѣ слоговъ очень близкое между собою сходство». (Историческое Обзорѣніе Богослужебныхъ книгъ. Кіевъ 1836. стр. 85, 86). Эти и подобныя соображенія, сдѣланныя въ свое время писателями разныхъ эпохъ относительно внѣшней стороны пѣснопской Восточной церкви, могли послужить и для Питры, и для каждого, кто занялся бы изслѣдованіемъ этого предмета, не маловажнымъ пособіемъ, и могли дать надежную точку опоры для дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Мы не думаемъ этимъ заключеніемъ отнимать заслуженную честь у любознательнаго пиллигрима береговъ Тибра, какъ называетъ себя Питра, и съ полнымъ уваженіемъ относимся къ его труду, въ которомъ такъ ясно поставлена на видъ и доказана отличительная особенность ритмической системы греческихъ пѣснопѣній.— Мы хотимъ только указать, что было сдѣлано до Питры для рѣшенія этого вопроса, и сколько обязанъ былъ западный ученый своимъ предшественникамъ на этомъ полѣ изслѣдованій.

Переходимъ ко второй части сочиненія кардинала Питры, которую онъ посвящаетъ исторіи греческой гимнографіи. По тѣсной связи этого отдѣла съ вопросомъ о размѣрѣ греческихъ гимновъ, мы ожидали найти въ немъ историческое рѣшеніе вопроса, какъ и какимъ путемъ установился такъ прочно силлабическій размѣръ для произведеній греческой церковной лирики и какія основанія лежатъ для этого въ судьбѣ восточнаго пѣснопѣнія отъ его зарожденія и до окончательнаго развитія въ VIII и IX вѣкѣ. Но эти вопросы, какъ видно, не лежали въ намѣреніяхъ нашего автора. Онъ совершенно опускаетъ ихъ изъ вида при изложеніи второй части своего труда и ограничивается нѣсколь-

кими замѣчаніями на этотъ счетъ лишь въ заключеніи перваго отдѣла. По его мнѣнію, церковь не приняла классическаго метра, а усвоила размѣръ силлабическій, чтобы лучше охранить свои пѣснопѣнія и заключающееся въ нихъ догматическое содержаніе отъ всякихъ прибавленій и измѣненій, какія могли быть сдѣланы въ нихъ позднѣйшею рукою. «Церковь, говоритъ онъ, хотѣла предупредить нововведенія и охранить догматы вѣры, давъ своимъ пѣснопѣніямъ такую устойчивую форму, при которой нельзя было ничего отнять у нихъ и ничего къ нимъ прибавить» (Нумногр. р. 25—26). Но это соображеніе не исчерпываетъ сущности дѣла и беретъ за основаніе недоказанное предположеніе. Правда, что богослужбныя пѣснопѣнія заключаютъ обширное догматическое содержаніе и излагаютъ ясное ученіе о предметахъ вѣры, спорныхъ между еретиками и православными. Но надобно замѣтить, что бѣльшая часть произведеній греческой церковной гимнографіи образовалась въ VIII и IX вѣкахъ, когда для церкви уже миновала опасность со стороны ересей, и когда ея ученіе было строго опредѣлено, раскрыто и утверждено на соборахъ. Далѣе, церковныя пѣснопѣнія имѣли главною своею цѣлію не проведеніе и раскрытіе извѣстныхъ догматическихъ истинъ, они не преслѣдовали полемическихъ задачъ, но были выраженіемъ религіознаго чувства и назначались для богослужбнаго употребленія. Но еслибы даже церковь, дѣйствительно, имѣла въ виду своими гимнами противодѣйствовать вторженію еретическихъ понятій, и тогда не понятно, почему именно силлабическій, а не другой какой метръ, былъ избранъ для этой цѣли. Григорій Богословъ жилъ въ самый разгаръ аріанской ереси, когда, безъ сомнѣнія, всего нужнѣе была неприкосновенность догматическихъ формулъ, но это не помѣшало ему писать свои полемическіе гимны размѣромъ ямбическимъ. То же должно замѣтить и о произведеніяхъ Ефрема Сирина.

Что же касается до другаго замѣчанія Питры, будто классическій стиль, основывавшійся на различіи гласныхъ долгихъ и короткихъ, былъ недоступенъ пониманію позднѣйшихъ Грековъ и требовалъ строгаго музыкальнаго образованія, то оно могло бы имѣть силу лишь тогда, когда было бы болѣе развито и доказано, а не брошено вскользь, какъ дѣлаетъ Питра въ настоящемъ случаѣ. Далѣе Питра полагаетъ, что метрическій размѣръ не удержался въ церковной гимнографіи вслѣдствіе обширнаго употребленія, какое онъ имѣлъ въ народныхъ пѣсняхъ Грековъ и особенно на театрѣ. Но, высказывая это предположеніе, онъ прямо противорѣчитъ самъ себѣ, когда чрезъ нѣсколько главъ положительно утверждаетъ, что внѣшняя обстановка греческаго богослуженія, церковныя напѣвы съ IV и V вѣка, самая богослужб-

ная терминологія были заимствованы изъ греческаго театра и повторяли, приспособительно къ условіямъ церковнаго культа, то, что давали драма и лирика свѣтская (Нумпогг р. 45).—Основаніе ритмической системы греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній слѣдуетъ искать въ условіяхъ самаго исполненія ихъ, въ ихъ отношеніи къ церковному пѣнію. Извѣстно, что произведенія церковной гимнографіи назначались для богослужебнаго употребленія и были приспособлены къ пѣнію. Церковь заботилась о томъ, чтобы ввести возможно однообразный и устойчивый способъ исполненія ихъ, предохранить его отъ произвола и ошибокъ личнаго вкуса. Поэтому составители церковныхъ пѣсенъ передавали свои произведенія не иначе какъ съ музыкою, или съ опредѣленною пѣвческою мелодіею (Церковное пѣніе въ Россіи Д. Разумовскаго, стр. 13). Нотный октоихъ Іоанна Дамаскина заключаетъ въ себѣ, напр., напѣвы воскресныхъ стихирь и тропарей канона приспособительно къ восьми гласамъ или восьми напѣвамъ церковнымъ. Заботясь о единообразіи пѣвческой мелодіи и объ удобнѣйшемъ ея приложеніи къ исполненію тѣхъ или другихъ гимновъ, греческіе пѣснописцы полагали на ноты только одинъ основной гимнъ и уже по образцу его составляли другіе, однородные съ нимъ. Такимъ путемъ образовался силлабическій метръ основнаго гимна (ирмоса), послужившій нормою для размѣра подчиненныхъ ему тропарей. Въ силу этого правила наши богослужебныя книги заключаютъ въ себѣ гимны самогласные, имѣющіе свой собственный напѣвъ (*ιδιομέλα*), и гимны, исполняемые по образцу другихъ (*προσόμοια*), съ которыми они согласуются въ раздѣленіи стиховъ и въ количествѣ слоговъ⁽¹⁾. Съ какою строгостію исполнялось это послѣднее условіе, видно изъ того, что пунктація въ древнихъ греческихъ изданіяхъ богослужебныхъ книгъ сдѣлана не на основаніи логическаго дѣленія мысли, а приспособлена къ отдѣленію равносложныхъ стиховъ; такъ иногда подлежащее отдѣляется отъ своего сказуемаго, зависяція и дополнительныя слова отъ своего главнаго и управляющаго. Эта пунктація замѣняетъ употребленіе раздѣлительныхъ точекъ и разбиваетъ тропарь или ирмосъ на опредѣленное число стиховъ, соотвѣтственно требованіямъ мелодіи.

(1). На языкѣ нашихъ богослужебныхъ книгъ эти основныя мелодіи заключаются въ такъ называемыхъ „подобныхъ“. Подобны—это образцы, съ которыми соображается пѣніе тропарей и стихирь. Подобны содержатъ то же число слоговъ и то же раздѣленіе стиховъ (коммами или точками), что и относящіяся къ нимъ пѣсни одинаковой мелодіи. Вотъ для примѣра порядокъ стиховъ и ихъ силлабическій составъ для стихирь, построенныхъ по образцу: „*παυεμφίμοι μαρτύρες*“ (11-го гласа): 9, 7, 9, 6, 7, 11, 6, 9, 1, или по образцу „*ὠστυναίων*“ (4-го гласа) 8, 8, 7, 5, 9, 7, 7, 8, 5, 7, 4, 8, 9. Размѣръ и порядокъ стиховъ въ однородныхъ гимнахъ вездѣ одинъ и тотъ же и очевидно приспособленъ къ мелодіи напѣва.

Эту пунктацію мы нашли въ греческой печатной минеѣ 1775, въ новыхъ же изданіяхъ греческихъ стихиръ и каноновъ прежняя пѣвческая пунктація оставлена, а знаки размѣщены согласно требованіямъ слово-раздѣленія логическаго. Укажемъ на толкованіе каноновъ аѳонскаго монаха Никодима „*Ἐορθοδρόμον ἤτις ἐρμηνεία εἰς τοὺς κανόνας ἐν Βενετία*“ 1836, на изданіе богослужебныхъ каноновъ профессора Ловягина. С.Петербургъ, 2-е изданіе, 1861. Эта же пунктація удерживается въ изданіяхъ греческихъ службъ и каноновъ, сдѣланныхъ западными учеными. Ср. Adalb.: Daniel. Thesaurus Hymnologic. t. III. Lipsiae. 1855. Вотъ, для образца, какъ раздѣляется запятыми второй тропарь первой пѣсни канона на Срѣтеніе по изданію греческихъ миней 1775 г. „*Ἰσχύσατε χεῖρες Σομῶν τῷ γῆρα, ἀνειμέναι καὶ κνήμαι, παρειμέναι δὲ πρεσβύτη, ἑυθυβόλως κινίθε, Χριστῷ πρὸς ὑπάντην χορείαν, σὺν ἄσωμάτοις στήσατε, ἄσωμεν τῷ Κυρίῳ ἐνδόξως γὰρ δεδόξασται*“. Раздѣленіе, какъ легко замѣтить, совершенно не логичное; но оно разсѣкаетъ составъ тропаря по 7 стиховъ въ 12-7-8-7-9-8-15 слоговъ, соотвѣтственно такому же раздѣленію перваго ирмоса канона (ср. *Μηναίου φεβρουάρ* 1775. стр. 18. Богослуж. кан. на греч., слав. и русск. языкѣ, стр. 30, 2-е изд.).

Итакъ въ исторіи греческой гимнографіи Питры мы не находимъ основательнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи силлабическаго метра и о мотивахъ къ удержанію его въ церковномъ употребленіи. Ученый кардиналъ излагаетъ болѣею частію судьбу греческаго пѣснопѣнія съ ея виѣшной стороны, по руководству древнихъ церковныхъ писателей и на основаніи собственнаго знакомства съ богослужебными книгами Восточной церкви. Его очеркъ обнимаетъ судьбу восточнаго пѣснопѣнія въ его главнѣйшихъ историческихъ фазисахъ, и представляетъ картину развитія этой отрасли богослужебнаго дѣла отъ первыхъ временъ до XVI и XVII вѣка. Первые страницы этой исторіи, совпадающія съ богослужебнымъ устройствомъ синагоги и первыми краткими богослужебными формулами первыхъ христіанъ, не имѣютъ большой важности въ изложеніи Питры. Здѣсь мы находимъ то же, что собрано у Даниеля (Thesaurus hymnolog. t. III. p. 1—6), Бунзена, *Hypoth. und seine Zeit*. В. 2 и въ другихъ изложеніяхъ первохристіанской гимнографіи. Не понятно только, почему Питра совершенно опускаетъ знаменитый гимнъ Климента Александрійскаго «*Παιδαγωγος*», несомнѣнное произведеніе глубокой христіанской древности и очень важное въ отношеніи ритмическомъ (Piper. *Evang. Kalend.* 1868. S. 17, 39). Точно также нашъ авторъ не удостоиваетъ своего вниманія и гимническія произведенія разныхъ еретическихъ сектъ II и III вѣка. Онъ соглашается, что по своему построенію эти гимны имѣютъ свои техническія особенности, но не рѣшается оста-

навливаться «на этой нечистой гимнографіи, по своей странной формѣ и грубымъ заблужденіямъ такъ далеко уклоняющейся отъ духовныхъ пѣснопѣній первобытной церкви». (Нумногр: р. 41). Замѣтимъ, что эта щекотливость религіознаго чувства вредитъ научнымъ достоинствамъ самаго изслѣдованія. Если въ свое время гимнологія еретиковъ дала побужденія отцамъ церкви противодѣйствовать ихъ заблужденіямъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, тѣмъ больше эта гимнологія имѣетъ право разсчитывать на вниманіе позднѣйшаго изслѣдователя, какъ матеріаль для научныхъ соображеній. Съ четвертаго и пятаго вѣка, когда церковь, дотолѣ гонимая въ предѣлахъ языческой имперіи, получила свободу въ отправленіи богослуженія, церковная гимнографія начинаетъ новую эпоху своего существованія. Къ внутренней потребности, устроить по возможности шире и торжественнѣе богослужебную обстановку, теперь присоединились для церкви и побужденія внѣшнія, лежавшія въ понятіяхъ и привычкахъ язычниковъ, переходившихъ въ лоно церкви. Греческая муза продолжала оказывать на нихъ свое вліяніе и по переходѣ въ христіанство: они не могли скоро отвыкнуть отъ музыки и пѣнія, какими наслаждались въ церемоніяхъ своего прежняго культа и на театральной сценѣ. Къ этому періоду относится составленіе первыхъ богослужебныхъ тропарей и болѣе торжественное исполненіе ихъ въ церквахъ важнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ городовъ греческихъ. Къ этому же времени относятся и первыя церковныя произведенія, извѣстныя съ именемъ канонівъ. Но самую цвѣтущую порою въ исторіи пѣснопѣнія греческой церкви были VIII и IX вѣка, прославленные именами Іоанна Дамаскина, Козьмы Майюмскаго, Іосифа Пѣснопѣвца и другихъ. Они окончательно установили послѣдній родъ литургическихъ произведеній, получившій теперь такое широкое богослужебное употребленіе. А потому развитіе этого гимническаго типа, и вмѣстѣ съ тѣмъ установка богослужебнаго языка и технической стороны для произведеній церковной гимнографіи—вотъ главныя черты, составляющія особенность этого періода, столь важнаго въ исторіи богослужебныхъ пѣснопѣній Восточной церкви. Главныя ихъ формы были теперь выработаны, опредѣлены и заняли соотвѣтствующее положеніе въ составѣ богослуженія. Богослужебная литература обогатилась множествомъ образцовыхъ произведеній этого рода и заключила кругъ самостоятельнаго развитія. Дѣятельность слѣдующихъ вѣковъ на этомъ поприщѣ отличается подражательнымъ характеромъ, и не представляетъ уже такого богатства и разнообразія, такого интереса для изслѣдователя, какими отличается періодъ Дамаскина и близкихъ къ нему по времени пѣснопѣвцевъ. Авторъ церковной гимнографіи Грековъ относится къ этому періоду съ крайнимъ неуваженіемъ.

По его мнѣнію, это былъ періодъ варварства и всевозможныхъ искаженій въ области литургической практики. Церковно-богослужебная жизнь средневѣковаго Востока представляетъ въ его глазахъ печальную картину разрушенія древняго порядка вещей, и, что особенно замѣчательно, лучшіе представители греческаго просвѣщенія того времени подвергаются особенно жестокому порицанію со стороны ученаго римскаго кардинала. Въ оцѣнкѣ этого періода и его представителей очень ясно выразились вѣроисповѣдныя предубѣжденія паписта противъ схизматическаго періода и противъ схизматиковъ Грековъ. Эта антипатія заставляетъ его смотрѣть на все вышедшее изъ Византіи сквозь темное стекло и видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. «Филофей, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ схизмы, Маркъ Ефесскій, тщеславный ораторъ Флорентинскаго собора, выступившій съ притязаніями занять мѣсто въ ряду пѣснопѣвцевъ» (р. 64—65),—вотъ образчикъ тѣхъ отношеній, съ какихъ нашъ авторъ опредѣляетъ значеніе церковныхъ дѣятелей Востока въ этотъ періодъ. Болѣе благосклонно смотритъ Питра на судьбу греческой гимнографіи въ славянскомъ мірѣ. Переводъ богослужебныхъ книгъ Кирилла и Меѳодія сдѣланъ былъ съ греческаго текста, еще не успѣвшаго оразнообразиться, а потому сохранилъ греческія пѣснопѣнія въ ихъ подлинномъ, неповрежденномъ видѣ, хотя въ переводѣ утратилась метрика греческаго стиха, потеряли свой смыслъ акrostихи, погибли сила и выразительность оригинальнаго языка. Питра заключаетъ свой очеркъ нѣсколькими замѣчаніями о судьбѣ богослужебныхъ книгъ въ нашемъ отечествѣ. По его мнѣнію, переводъ этотъ, сдѣланный съ древнихъ рукописей X и XI вѣка, долженъ былъ обнаружить много разностей съ греческими печатными изданіями, вышедшими изъ венеціанскихъ типографій. На эти разности не могли не обратить вниманія приходившіе изъ Греціи въ Россію епископы и монахи для сбора подаяній, и вотъ, по ихъ вліянію, Никонъ рѣшился исправить наши богослужебныя книги. Западнаго ученаго мало интересуеетъ самое дѣло исправленія, о которомъ онъ говоритъ какъ бы мимоходомъ, а всего болѣе тѣ благопріятныя послѣдствія, какія онъ, съ своей условной точки зрѣнія, выводитъ отсюда для папства. Принявшись за дѣло исправленія книгъ, Никонъ, по словамъ Питры, «самъ того не сознавая, оказалъ двойную услугу истинной церкви» (*veritable église, ibid. p. 69*). Какія же это услуги? А вотъ какія: судьба Никона и его дѣло подорвали значеніе Московскаго патріаршества и возбудили горячую оппозицію старообрядческой партіи. Какую выгоду папскій престоль могъ извлечь изъ этого потрясенія Московскаго патріарха—Питра не говоритъ ничего, но зато онъ яркими красками рисуеетъ будущее обращеніе раскольниковъ къ рим-

скому первосвященнику и торжество папскаго престола, какъ хранителя древняго церковнаго порядка и древнихъ литургическихъ преданій (ibid. p. 70). Этою картиной римскій кардиналь и заканчиваетъ свой очеркъ церковной гимнографіи Востока. Излишне прибавлять, что эта картина говоритъ сама за себя и не нуждается въ объясненіи. Но во всякомъ случаѣ ея мѣсто не на страницахъ ученаго изслѣдованія, а въ какомъ нибудь печатномъ ультрамонтанскомъ органѣ. Въ приложеніи Питра помѣщаетъ три греческихъ службы на память ап. Петра, извлеченныя имъ изъ рукописей, найденныхъ въ западныхъ и Русскихъ библіотекахъ. Текстъ этихъ службъ напечатанъ силлабическими стихами на основаніи раздѣлительныхъ знаковъ и сопровождается латинскимъ переводомъ.

По обстоятельствамъ мы не могли своевременно воспользоваться книгою Рейнольда Деніуса, важною для исторіи вопроса о просодіи греческихъ богослужебныхъ пѣсней. Теперь мы имѣемъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ и изложить соображенія названнаго нами ученаго іезуита. Деніусъ болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ тому назадъ издалъ сочиненіе о жизни и мученичествѣ исповѣдниковъ Космы и Даміана (*Syntagmatis historici seu veterum Graeciae monimentorum de tribus sanctorum Cosmae et Domiani nomine paribus partes duae. Vienna in Austria an. 1660*), и въ заключеніи его между прочимъ коснулся вопроса о стихосложеніи греческихъ церковныхъ гимновъ. (*Corollarium de legibus versuum in hymnis Ecclesiae Graecae. Append. p. 47—50*). Такъ какъ Деніусъ писалъ свое изслѣдованіе по греческимъ источникамъ, то онъ обратилъ вниманіе и на богослужебные каноны греческіе, посвященные памяти этихъ святыхъ, и на ихъ просодическую конструкцию. Полемизируя противъ Гретзера, Деніусъ утверждаетъ, что гимны греческіе подчинены опредѣленнымъ просодическимъ законамъ и написаны размѣромъ силлабическимъ (*a numero syllabarum*). Не входя въ обзоръ его доводовъ въ пользу этой мысли, не представляющихъ впрочемъ ничего новаго противъ того, что сказано нами выше, и не приводя изъ него новыхъ примѣровъ силлабической конструкции греческихъ пѣснопѣній, мы замѣтимъ только, что въ сочиненіи Деніуса дано было общее рѣшеніе той проблемы, которую, спустя 200 лѣтъ Кардиналь Питра все еще считалъ нерѣшенной. Деніусъ практически доказалъ справедливость своего заключенія, раздѣливъ одинъ изъ приводимыхъ у него каноновъ на стихи и обозначивъ каждый стихъ въ текстѣ канона большою буквою (ibid p. 258—274).

И. Мансветовъ.

Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen von Dr Hergenröther. Dritter Band. Regensburg. 1869. S. 887. Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, quae ex variis codicibus manuscriptis collegit ediditque J. Hergenröther. Ratisbonae. 1869. p. 181.

Послѣдній объемистый томъ замѣчательнаго сочиненія германскаго ученаго профессора церковной исторіи и каноническаго права въ Вюрцбургскомъ университетѣ касается преимущественно сочиненій Фотія, излагаетъ его богословское ученіе и находитъ въ послѣдующихъ событіяхъ церковнаго отдѣленія Востока отъ Запада продолжающееся вліяніе первоначальной мысли патріарха.

«Внутреннія смуты Византійской церкви, говоритъ авторъ въ концѣ своего сочиненія, обнаружившіяся въ ереси Арсеніанцевъ и въ Паламитскихъ спорахъ, входятъ также въ кругъ нашего изложенія вмѣстѣ съ попытками къ единенію церквей на соборахъ 1274 и 1439 годовъ. Мы указали, какъ наслѣдство, полученное отъ Фотія, съ теченіемъ времени утверждалось и укрѣплялось, какъ дисциплина, богословіе и жизнь у Грековъ съ его времени развивались въ упорномъ противодѣйствіи Западу, какъ его «дѣло» переходило все болѣе въ плоть и кровь народа. Фотій первый обозвалъ Латинянъ еретиками, его ученіе о Св. Духѣ спокойно развивалось въ X вѣкѣ, его полемическое окружное посланіе позднѣе было снова обновлено, имъ воспользовался Керуларій, оно было дополнено новыми жалобами. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ возвращаются снова къ сочиненіямъ Фотія, пріучаются приводить давно исчезнувшее, какъ авторитетъ; увеличиваютъ раздоры, сильнѣе нападаютъ на главенство Рима и развиваютъ бѣольшую ненависть противъ еретическаго Запада. Въ то время, какъ очень немногіе защищаютъ общеніе съ Латинянами, хотя и съ многими ограниченіями, крестовые походы со своими послѣдствіями, латинская имперія въ Константинополь, насильственные поступки западныхъ владѣльцевъ произвели

ухудшеніе во взаимныхъ отношеніяхъ, породили дикій фанатизмъ въ клирѣ, у монаховъ, въ народѣ, противъ котораго напрасно возставала политика императоровъ. Вызвавшій мысль о раздѣленіи былъ канонизованъ, боготворимъ, и ученіе Фотія (Photianismus) приобрѣло такую силу, что человѣческія усилія не могли уже болѣе подавить расколъ. Одно только сознаніе вышихъ благъ, чрезъ это потерянныхъ, одна только правильная оцѣнка высоко-прославляемаго корифея, заслужившаго себѣ мѣсто между учеными, но не святыми, могутъ пробить широкую дорогу; только великія всемірныя событія и помощь божественнаго Промысла въ состояніи уничтожить эти послѣдствія» (1).

Такъ кончаетъ свое сочиненіе о Фотіѣ римско-католическій профессоръ и тѣмъ какъ бы указываетъ на свою задачу—представить единственнымъ виновникомъ раздѣленія церковей Фотія.

Какъ ни величественна личность константинопольскаго патріарха въ религиозной распрѣ Востока съ Западомъ, какъ ни велико его значеніе, какъ ни глубоко его всезнаніе, мы не рѣшаемся придавать его дѣйствіямъ такого обширнаго значенія и не полагаемъ, что вліяніе Фотія такъ глубоко проникло въ жизнь византійской націи. Весь раздоръ коренится въ особьхъ, историческихъ условіяхъ жизни Запада и Востока въ средніе вѣка.

Какъ ни важно сочиненіе Гергенрѣтера для жизнеописанія Фотія и его вѣка, но оно должно послужить еще пособіемъ для другой, болѣе безпристрастной оцѣнки непреклоннаго святителя византійской церкви.

Впрочемъ вліяніе образа мыслей автора, къ его удовольствію, отразилось у русскихъ (2) и греческихъ ученыхъ. Аѳинскій профессоръ Папаррегопуло (3) вполне согласенъ съ нѣмецкимъ профессоромъ, что прославленный Фотій носилъ въ себѣ какъ преимущества, такъ и слабости своего времени. Онъ сожалѣетъ, при описаніи полемики 867 года, что Фотій не остался вѣренъ основному пункту во второмъ своемъ письмѣ къ Папѣ Николаю въ 861 году; онъ находитъ недостойными для великаго человѣка неблагодарность къ Вардѣ и лесть Михаилу III и видитъ въ немъ представителя средневѣковаго гелленизма, подобно тому какъ Θεμισтокль былъ представителемъ древняго. Въ обоихъ мужахъ онъ видитъ поборниковъ народной свободы, въ обоихъ признаетъ высоко одаренныя личности съ значительными нравственными недостатками (4). И такъ католическій ученый нашелъ даже сочувствіе въ

(1) S. 875 и др.

(2) Академикъ Куникъ сообщилъ почтенному автору о сочиненіи проф. Костонарова въ Вѣстникѣ Европы за 1868.

(3) *Ιστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Τόμος τρίτος. Βιβλ. θ' καὶ Εὐ Ἀθῆνας 1867, 1868 (26 Bd). Hergengröther III. § V.*

(4) *Ιστορία βιβλ. i. p. 805, 827, 837, 838, 845. Hergeng. тамъ же.*

греческомъ современномъ писателѣ, отличающемся объективнымъ своимъ сужденіемъ и свободнымъ изложеніемъ. Такъ обаятельны подавляющая ученость его трехъ объемистыхъ томовъ и добросовѣстное изученіе источниковъ, хотя и нельзя согласиться съ основнымъ характеромъ сочиненія.

Съ археологической точки зрѣнія особенно важенъ третій томъ сочиненія Гергенрётера и его приложение. Здѣсь разъяснены всѣ сочиненія ученаго патріарха съ изумительною подробностію, а въ приложеніи напечатаны рѣдкія и до сихъ поръ неизвѣстныя сочиненія Фотія и тѣ отрывки, которые разъясняютъ вражду Латинянъ съ Греками.

A. Photii de divina liturgia decretum. Декретъ Фотія о божественной литургіи извлеченъ изъ пяти кодексовъ. Доказательствомъ того, что онъ дѣйствительно былъ сочинителемъ этого декрета, служитъ упоминаніе имени Photii sanctissimi Patriarchae въ двухъ ватиканскихъ кодексахъ XIV и XV вѣковъ, а въ Монакскомъ декретъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Фотія.

B. Fragmenta dialectica. Объясненія Фотія на Isagogen Порфирія и Аристотелевы категоріи изъ кодекса Монакскаго.

C. Fragmentum cujusdam homiliae Photii. Отрывокъ проповѣди, въ которой описывается послѣдній судъ и несчастная судьба осужденныхъ. Профессоръ предполагалъ, что этотъ отрывокъ составляетъ частицу проповѣдей, говоренныхъ патріархомъ при нападеніи Руссовъ въ 864 г., но эти проповѣди, открытыя стараніемъ Академика Куника и обнародованныя Академикомъ Наукомъ (5), заставили автора отказаться отъ своей мысли.

D. Gnomologia или увѣщаніе чрезъ краткія нравственные изреченія.

E. Nicephori Photiique Patriarcharum atque Theodori Studitae adversus Iconoclastas argumenta. Большая часть лучшихъ кодексовъ удерживаютъ имя Фотія среди другихъ двухъ именъ. Конецъ напечатаннаго авторомъ экземпляра совершенно отличается отъ обнародованныхъ до сихъ поръ текстовъ.

F. Opusculum contra Francos. Этотъ отрывокъ, обязанный своимъ существованіемъ Ватиканскому кодексу 12-го вѣка и его переписчику Маркіану, требовалъ тщательнаго изслѣдованія со стороны автора. Однѣ обвиненія, направленные противъ Франковъ и остальныхъ Латинянъ, совершенно подходятъ ко времени Фотія, между тѣмъ какъ другія совершенно противорѣчатъ духу того времени. Несмотря на неправильное употребленіе имени Фотія, авторъ напечаталъ и этотъ отрывокъ съ двойнымъ латинскимъ переводомъ для объясненія раздѣленія церквей.

(5) Lexicon Vindobonense recensuit et adnotatione critica instruxit Aug. Nauck. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli. 1867. p. 201—232.

Г. Отрывокъ изъ рѣчи Никифора Григоры о св. Теофаніи императрицѣ, супругѣ Льва Мудраго, касающійся времени Фотія.

Н. Nicetae Bysantii philosophi capita Syllogistica XXIV. Главы эти изъ сочиненій Никиты, писателя 9-го вѣка, заключаютъ употребительныя въ то время доказательства спора съ Латинянами о происхожденіи св. Духа и тѣмъ самымъ характеризуютъ возраженіе Фотія.

Ж. Alterius Nicetae et quidem Studitae Caerulario synchroni, contra Armenios et Francos de azymis et enzymis tractatum. О прѣсномъ и кисломъ хлѣбѣ противъ Армянъ и Франковъ. Здѣсь, по обычаю того времени, повторяется все сказанное объ этомъ предметѣ изъ другихъ сочиненій.

К. Opuscula de schismatis origine. Три разныхъ греческихъ разсказа о началѣ раздѣленія церквей. Первый разсказъ заимствованъ изъ шести кодексовъ, два другіе, болѣе подробные, изъ кодексовъ Маркіана и Моначскаго. Содержаніе всѣхъ этихъ трехъ разсказовъ въ главныхъ чертахъ одно: Папа Формозъ—первый приверженецъ латинской ереси; Папа Христофоръ—первый высказалъ свои убѣжденія патриарху Константинопольскому Сергію и былъ имъ исключенъ изъ диптиховъ.

Русскій разсказъ о раздѣленіи церквей, помѣщенный въ Кормчей книгѣ, заимствованъ, какъ видно изъ напечатанныхъ трехъ выше приведенныхъ греческихъ разсказовъ, изъ греческихъ источниковъ (6). Копитаръ, приписывавшій недостатки русскаго разсказа невѣжеству русскаго сочинителя (7), не зналъ о существованіи греческихъ источниковъ, напечатанныхъ только теперь для всеобщаго свѣдѣнія авторомъ жизнеописанія Фотія.

Мы кончаемъ нашъ обзоръ сочиненія германскаго ученаго о Фотіѣ указаніемъ на необходимость подробнаго его изученія знатоками византійскихъ и русскихъ древностей.

Октября 26, 1869.

В. Вѣдровъ.

(6) «Vom römischen Abfalle wie sie abgestanden von dem wahren glauben und der morgenländischen Kirche». Kopitar der Wiener Jahrbüchern der Literatur, Bd. XXIII. S. 266—273: Извлеченіе у Шлоссера die morgenl. orthodoxe Kirche Russlands. Heidelberg. 1845. S. 92—112. Hergentröther S. 862.

(7) Der unwissende Russe ahnte wohl nicht etc. Kopitar S. 272. Гергенрёттеръ соглашается, что нѣтъ точнаго анализа двухъ древнѣйшихъ рукописей Кормчей книги. 1280 и 1283 годовъ, ст. 869.

Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ Архимандрита Порфирія Успенскаго. С.-Петербургъ 1864. in 4.

Газеты ⁽¹⁾ приносятъ намъ извѣстіе, что г-нъ Дриновъ, предсѣдатель литературнаго общества «Болгарско-Княжевно-Дружество», нашелъ въ неаполитанскихъ архивахъ, нѣсколько неизданныхъ писемъ патріарха Фотія, среди своихъ поисковъ источниковъ для болгарской исторіи.

Тотчасъ возникаютъ отрадные надежды разъяснить до сихъ поръ еще темныя страницы византійской исторіи; личность великаго патріарха уже представляется обрисованною имъ самимъ, его собственноручной кистью!—При такомъ живомъ сочувствіи ко всему касающемуся дѣятельности знаменитаго византійца IX вѣка, сочувствіи, еще болѣе возбужденномъ въ современной Европѣ серьезнымъ сочиненіемъ католическаго ученаго Гергенрѣтера, мы считаемъ необходимымъ напомнить русскимъ ученымъ трудъ Архимандрита Порфирія Успенскаго, посѣтившаго сокровищницу византійскаго міра, аѳонскія обители, и извлекшаго оттуда четыре неизданныя бесѣды Фотія.

Двѣ бесѣды были говорены по случаю нашествія Россовъ: одна о возстановленіи иконопочитанія, а другая объ искорененіи всѣхъ ересей.

Для русскихъ археологовъ чрезвычайно важны первыя двѣ бесѣды. Всѣхъ бесѣдъ Фотія насчитываютъ болѣе двадцати ⁽²⁾. Онѣ извѣстны только по отрывкамъ. Двѣ изъ нихъ озаглавлены *εις τήν ἔφοδον τῶν Ρῶς*. ⁽³⁾ На нихъ-то и сосредоточилось все вниманіе русскаго ученаго.

Дѣйствительно въ 864 году ⁽⁴⁾ окрестности Византіи огласились дикимъ крикомъ сѣверныхъ варваровъ, прибывшихъ подъ византійскія стѣны на 200 судахъ, и извѣстныхъ подъ именемъ Россовъ.

(1) Современныя Извѣстія. № 9. 1870.

(2) Hergenröther. Photius. Dritter Band. Regensburg 1869. S. 231.

(3) Hergenröther тамъ же S. 234. Успен. стр. 53. Nauck. Lexicon Vindobonense. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli. 1867 p. 201—232.

(4) Правильность этого года мы охотно усвоиваемъ изъ разсужденія г-на Успенскаго, нашедшаго слѣды воспоминанія объ освобожденіи Константинополя отъ сѣверныхъ враговъ въ непечатномъ Синаксарѣ нѣкаго Петра, относящемся къ X вѣку, стр. 64-67. Muzalt. Essai de Chronographie Byzantine S. Pet. 1855, p. 440, на основаніи Nicet, относитъ это событіе ко времени между 859 и 865 годами; тамъ же ср. стр. 439 подъ 864 годомъ Michel. est rappelé par Orryphas, préfet de C. P. qui lui apprend que les Russes arrivaient sur 200 vaisseaux.

Императоръ Михаилъ съ войскомъ былъ вдали отъ столицы. Предмѣстье и монастыри были ограблены и сожжены, люди умерщвлены. Патриархъ Фотій обнесъ около стѣнъ города ризу Влахернской Божіей Матери: произошла буря и разрушила русскія суда.

Вотъ истинный фактъ, извлеченный изъ Византійскихъ историковъ.

Чтожь новаго придаютъ къ его разъясненію переведенныя авторомъ рѣчи Фотія?

Мы находимся въ затрудненіи положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, естественно возникающій при археологическо-историческомъ взглядѣ на рѣчи Фотія и нападеніе Россовъ на Константинополь. Почтенный авторъ не издалъ всего текста рѣчей, а только одинъ русскій переводъ, до такой степени напыщенный, что и самая цвѣтистая рѣчь ритора-византійца не превзойдетъ его перевода. Кромѣ того онъ не отдѣлилъ своего эстетическаго взгляда на проповѣди Фотія и сдѣланное будто бы ими впечатлѣніе на слушателей отъ историческаго изслѣдованія.

Можемъ ли мы видѣть напр. истинный тактъ автора въ слѣдующей оцѣнкѣ исторической личности?

«Тогда Фотій, исполненный негодованія на виновниковъ величайшаго несчастія, которые умертвили должниковъ своихъ, неукоризненныхъ Россовъ, и сдѣлали своими рабами немногихъ молотильщиковъ хлѣбнаго зерна ихъ, Фотій въ храмъ Святой Софіи грянулъ какъ громъ, и засверкалъ какъ молнія. Читайте первую бесѣду его. Она громъ, она молнія, а не слово человѣка! Эта гроза его и общее несчастіе образумили злополучныхъ». (5).

Дѣйствительно, таковой отзывъ еще можетъ оказаться правдивымъ въ глазахъ энтузіаста проповѣдника, но никакъ не историка-археолога, «искавшаго многоцѣнныхъ перловъ на востокѣ», и нашего «два бриллианта». (6)

Образецъ риторическаго перевода, болѣе вымышленнаго авторомъ, нежели истиннаго, мы представимъ только въ двухъ важнѣйшихъ мѣстахъ, хотя ими полна вся книга.

Въ концѣ рѣчей авторъ помѣстилъ свои комментаріи, состоящіе изъ устарѣлаго обычая вопрошенія самого себя, и, разумѣется, положительнаго отвѣта задушевному идеямъ.

На стр. 18 и 54 выраженія *ἔθνος ἀφανές*, *ἔθνος ἀναρίθμητον*—обыкновенно переводимые «народъ неизвѣстный, народъ безчисленный» переданы авторомъ, желавшимъ доказать, что Руссы были уже известны

(5) Стр. 59. Успен.

(6) Успен. стр. 52.

Фотію и знакомы византійскимъ Грекамъ чрезъ какое-то описаніе, близко подходящее къ его мысли, «народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ не почетный».

Инстинктивно чувствуя и самъ неправильность перевода, авторъ какъ бы оправдывается слѣдующимъ образомъ: (7)

— «Къ Константинополю подступилъ народъ ничѣмъ не заявившій себя, ни науками, ни искусствами, ни изобрѣтеніями. Такъ точно. Однако онъ существовалъ и Греки знали, что онъ ничѣмъ не отличился.

— Подступилъ народъ непочетный. Такъ точно. Онъ не имѣлъ того политическаго почета, какой тогда имѣли Латины, Персы, Аравитяне, сами Греки, однако существовалъ и слылъ непочетнымъ».

Подобныя разсужденія совершенно излишни и нисколько не доказываютъ вѣрности перевода. Довольно одного лексикографическаго познанія словъ сличенія дальнѣйшей рѣчи того же Фотія, чтобы видѣть вѣрность обыкновеннаго перевода.

Далѣе Фотій продолжаетъ: ἀγνωστος μὲν, ἀλλ' ἀπὸ τῆς καθ' ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβὼν— «неизвѣстный, но получившій имя со времени похода къ намъ»; русскій переводчикъ не доволенъ такою простотою, для него необходима давняя извѣстность Россовъ Византійцамъ и онъ то же мѣсто передаетъ иначе: «не именитый, но пріобрѣтшій себѣ славу со времени похода къ намъ».

Въ комментаріяхъ же поясняетъ: «къ Константинополю пришелъ народъ неименитый, но пріобрѣлъ себѣ славу со времени похода туда. Громко же оповѣстили себя Европѣ Россы, которыхъ презирала блестящая по виду и необозримая по силѣ Византія, и которыхъ прежде усмиряла самая молва о ней» (8).

Еще страннѣе объясненіе русскимъ комментаторомъ обыкновеннаго выраженія Фотія: βαρβάρων ἀπίστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγυελίας— «невѣроятный походъ варваровъ не далъ молвѣ случая возвѣстить объ немъ». Такой точный переводъ не соотвѣтствуетъ предвзятой идеѣ переводчика, что Россы были извѣстны Византійцамъ, и потому онъ вымышляетъ и событія, и самый переводъ, слѣдующимъ образомъ: «Выслушавъ это, всякій невольно спросить: какъ можно было утаить походъ многочисленнаго войска, посаженнаго на корабли и спустившагося по рѣкамъ изъ отдаленной страны? Какъ не узнали объ этомъ Греки, жившіе тогда въ городахъ Тавриды и Зикхія, въ Херсонесѣ и т. д? Какъ не оповѣстили это Хазары, кочевавшіе на берегахъ Днѣпра?..... И я задавалъ себѣ эти вопросы и долго не умѣлъ отвѣчать

(7) Успен. стр. 54.

(8) Успен. тамъ же.

на нихъ. Наконецъ мнѣ помогло рѣшить ихъ выраженіе точнаго (!!!) Фотія: *ἀπιστος δρόμος* путь невѣрный, походъ схитренный. Россы плыли путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ. Таковъ смыслъ и такова сила этого выраженія! Посему я полагаю, что корабли съ вооруженными воинами, какъ это бывало прежде и послѣ, не всѣ, а по частямъ, спустились по Днѣпру къ Черному морю и отплыли, частью къ Трапезунту, частью къ Синопу, частью къ устьямъ Дуная, будто для торговли, и въ условленное время соединились и преспокойно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда ничѣмъ и никѣмъ не защищенный. Такъ я объясняю *ἀπιστος δρόμος* «схитренный походъ Россовъ». Здѣсь кстати замѣтить, что этимъ смѣлымъ морякамъ, видно, было хорошо знакомо Черное море и знакомо издавна. Знали они, какъ обмануть зоркость Грековъ, этихъ старыхъ Аргонавтовъ, куда плыть, какъ раздѣлиться, и какъ и когда соединиться при устьѣ Босфора. *Audax Japeti genus*—отважный родъ Япета!» (9).

Намъ кажется нечего прибавлять къ этой длинной выпискѣ, отлично характеризующей историческую фантазію автора. Для него недостаточно дѣйствительно точнаго языка Фотія, хотя и въ ораторской рѣчи указавшаго на внезапность нападеній Россовъ, ихъ неизвѣстность странъ, отсутствіе государя и войска.

Мы взяли только то, что не такъ ясно кидается въ глаза читателю; въ разбираемомъ же сочиненіи много такихъ предположеній переводчика, которыхъ справедливость, такъ сказать, провѣряется на мѣстѣ, при самомъ ихъ чтеніи.

Напр. (на стр. 63) по мнѣнію переводчика «Аскольда и Дира, послѣ бесѣдъ Фотія, нельзя считать удалцами, и надобно признать военачальниками Рюрика (одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ адмиралъ *sic!!!*), умѣвшими правильно осаждать укрѣпленную столицу, и вмѣстѣ искусными переговорщиками, успѣвшими обаять Славянъ, Хазаровъ и Кумановъ напоминаніемъ о выгодахъ Варяжства и обѣщаніемъ несмѣтныхъ богатствъ въ Константинополѣ, котораго жителей предполагалось переселить, вѣроятно, въ глубь Россіи».

Мы бы желали, чтобы почтенный авторъ, среди современнаго увлеченія геніемъ и сочиненіями Фотія, издалъ вполнѣ находящіяся у него рѣчи этого патріарха въ подлинникѣ съ истинно критическими замѣчаніями и заимствованіями изъ другихъ авторовъ, какъ это имъ самимъ обѣщано (10), безъ той авторской самонадѣянной похвалы, которую расточаетъ себѣ переводчикъ на двухъ послѣднихъ страни-

(9) Успен. стр. 58.

(10) Стр. 64.

цахъ разсмотрѣннаго нами сочиненія. Самыя же бесѣды, изданныя авторомъ по-русски, могутъ служить образцомъ византійскаго слога, но едва ли будутъ полезны историку-археологу при его желаніи узнать Россю и ихъ первые подвиги подъ Константинополемъ. Даже переданныя мѣста изъ рѣчей, пригодныя для византійско-русскихъ древностей, и тѣ много теряютъ отъ мечтательнаго способа ихъ объясненія русскимъ переводчикомъ.

В. Вѣдровъ.

17 Января 1870 года

Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ. Д. А. Хвольсона. С.-Петербургъ. 1869.

Г. Хвольсонъ обогатилъ нашу литературу о варяжскомъ вопросѣ новымъ, замѣчательнымъ изслѣдованіемъ. Въ 1866 году онъ нашелъ въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ, рукопись неизвѣстнаго дотола арабскаго автора, именуемаго Абу-Али-Ахмедъ бенъ Омаръ Ибнъ-Даста. Онъ перевелъ изъ нея извѣстія, относящіяся къ выписаннымъ въ заглавіи народамъ, и снабдилъ ихъ обширными, весьма обстоятельными объясненіями. Эти извѣстія прибавляютъ нѣсколько важныхъ этнографическихъ свѣдѣній о народахъ, населявшихъ Восточную Европу въ ту эпоху, когда зараждалось наше государство. Для насъ главный интересъ конечно сосредоточивается на томъ, въ какое отношеніе становится настоящая монографія къ вопросу о Варягахъ и Руси? Нельзя не сознаться, что нѣкоторые изъ объясненій и соображеній г. Хвольсона, послѣ г. Геденова, дѣлаютъ замѣтный шагъ впередъ въ ослабленіи того основанія, на которомъ трудами столькихъ замѣчательныхъ ученыхъ воздвигнуто зданіе такъ называемой Норманской теоріи. Обратимъ вниманіе читающей публики особенно на происхожденіе нашего народнаго имени, т. е. Руси. Уже и прежде противники норманизма указывали на разныя несообразности въ томъ положеніи, что названіе Руси принесено было варяжскою или скандинавскою дружиною во второй половинѣ IX вѣка и распространилось съ сѣвера. Напримѣръ: по лѣтописямъ имя Русь принадлежитъ преимущественно югу, т. е. Кіевской землѣ, а не Новгородской; скандинавскіе источники совсѣмъ не знаютъ у себя Руси, а знаютъ только нашу Русь. Г. Хвольсонъ перебираетъ всѣ извѣстныя арабскія свидѣтельства и показываетъ,

что у арабскихъ географовъ названіе Руси уже въ началѣ X вѣка встрѣчается и на берегахъ Чернаго моря, и на берегахъ Волги, и что въ такое короткое время, которое протекло со времени призванія Варяговъ, не могло это названіе распространиться отъ Новгорода на такое огромное пространство. Едвали можно не согласиться съ тѣмъ выводомъ г. Хвольсона, что названіе Русь есть не пришлое извнѣ, а наше туземное, существовавшее задолго до Рюрика и его братьевъ.

Д. Иловайскій.

Codice diplomatico delle colonie tauro—liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453—1475), ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom. I. Fase. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova.

Рецензія Вильгельма Гейда.

Въ настоящемъ году въ Генуѣ окончено изданіе перваго тома весьма важнаго собранія документовъ, касающихся исторіи генуэзскихъ поселеній въ Южной Россіи. Этотъ томъ, великолѣпно изданный, состоитъ изъ 980 страницъ и вышелъ въ свѣтъ въ трехъ выпускахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ шестой томъ Трудовъ Лигурійскаго Общества отечественной Исторіи (*Atti della società ligure di storia patria*). Это общество, основанное въ 1857 году въ Генуѣ, весьма счастливо начало свои занятія, издавъ впервые книгу Кафары *de liberatione civitatum orientis* (нынѣ отпечатана и у Перца SS. Т. 18). Затѣмъ оно издало рядъ весьма замѣчательныхъ сочиненій для политической, церковной и культурной исторіи Генуи, напечатавъ въ первомъ томѣ своихъ Трудовъ *Serie dei consoli del comune di Genova illustrata da Olivieri* (*Atti, Vol. I*), *Registrum curiae archiepiscopatus Januae*, подъ редакціею Бельграно (*Atti Vol. II*), изслѣдованіе того же автора *della vita privata dei Genovesi* (*Atti, Vol. IV*). Пятый томъ Трудовъ Общества составляетъ изданіе Атланте Лухоро (*Atti Vol. V*), весьма основательно объясненнаго гг. Дезимони и Белограно. Издатели этого послѣдняго сочиненія оказали немалую услугу не только географіи среднихъ вѣковъ, но и памятникамъ древности и искусства, ими описаннымъ и обследованнымъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ настоящее время въ Генуѣ много заботятся о собираніи документовъ, относящихся къ исторіи этого города, и объ отысканіи новыхъ источниковъ.

на которые до сихъ поръ не было обращено никакого вниманія. Особенно богатъ результатами для изслѣдователей будетъ, повидимому, архивъ Банка св. Георгія (*Ufficio di S. Giorgio*), который до сихъ поръ находился въ страшномъ запущеніи, но нынѣ приводится въ порядокъ. Уже одна внутренняя организація и управленіе столь значительнымъ акціонернымъ обществомъ, какъ банкъ св. Георгія, которому были заложены большая часть доходовъ республики Генуи, должны быть привлекательны тому, кто избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій финансы среднихъ вѣковъ. Но еще болѣе общій и высшій интересъ этотъ банкъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе того, что генуэзская республика, при глубокомъ истощеніи и смутахъ, въ которыя она впала при концѣ среднихъ вѣковъ, не могла болѣе надѣяться собственными силами удержать въ своей власти свои чужеземныя владѣнія. Вотъ почему она уступила свои колоніи директорамъ банка Св. Георгія, которые, давно испытанные въ искусствѣ администраціи, распоряжались громадными денежными средствами. Такимъ образомъ, вслѣдъ за завоеваніемъ Константинополя Турками, банкъ св. Георгія пріобрѣлъ неограниченное господство надъ генуэзскими колоніями на Черномъ морѣ и управлялъ ими еще въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, пока и эти послѣдніе форпосты западной національности и цивилизаціи не были уничтожены побѣдоноснымъ оружіемъ магометанъ. Сохранившіеся документы банка Св. Георгія, касающіеся понтійскихъ его владѣній, собралъ въ изданіи, заглавіе котораго находится во главѣ этой статьи, Падре Винья, знакомый съ Левантомъ, вслѣдствіе личнаго тамъ пребыванія. Эти документы состоятъ изъ инструкцій директоровъ банка къ избираемымъ ими консуламъ, изъ донесеній послѣднихъ о состояніи ввѣренныхъ имъ городовъ и странъ, изъ декретовъ о назначеніи различныхъ колониальныхъ чиновниковъ, и, наконецъ, изъ переписки между директорами и различными властелинами Востока и Запада, которые или уже чувствовали потребность въ сохраненіи этихъ колоній, или въ которыхъ слѣдовало пробудить къ тому интересъ. Кругъ городовъ, управляемыхъ консулами и другими чиновниками банка, изъ Каффы, центра правленія и главнаго города, тянулся съ одной стороны по береговымъ странамъ Азовскаго моря, Кавказа и сѣверной части Малой Азіи, съ другой—по южному берегу Крыма черезъ Судагъ (Солдайя), по странѣ, именуемой Готія, весьма интересной для нѣмецкихъ ученыхъ, до Балаклавы. Новымъ результатомъ труда Падре Винья является тотъ фактъ, что генуэзская фамилія Сенавега поселилась у устья Днѣпра, но принадлежавшій ей замокъ (*castrum Picis*) должна была уступить гражданамъ Монкастро. Если давно изданные статуты такъ называемаго *Officium Gazaria* доставили достаточное количество свѣ-

дѣній о дѣлахъ и распространеніи Генуэзцевъ на Черномъ морѣ въ эпоху ихъ процвѣтанія, то документы, нынѣ изданные Падре Винья, распространяютъ давно намъ необходимый свѣтъ на періодъ упадка генуэзскихъ поселеній. Самымъ опаснымъ врагомъ были Турки, которые, властвуя тогда по обѣимъ сторонамъ Босфора, отрѣзывали имъ сообщеніе съ родиною, грозили рано или поздно покончить съ ними, напавъ со стороны моря въ то время, какъ съ сѣвера татарскій ханъ могъ неожиданно напасть на нихъ съ своимъ сухопутнымъ войскомъ. Къ несчастію, внутреннія бѣдствія шли на помощь виѣшнимъ врагамъ. Эти бѣдствія были: постоянная нужда, упадокъ торговли, несогласіе правителей, раздоры населенія, смѣшаннаго изъ Латинцевъ, Грековъ, Евреевъ и Армянъ. Что касается народонаселенія, то изъ документовъ этого изданія друзья древности съ удовольствіемъ увидятъ, съ какою жизненною силою удерживалась греческая національность въ Каффѣ и Солдайѣ, а въ югозападной части Крыма греческія государственныя формы подъ владычествомъ властителей города Теодора (Инкерманъ), родственныхъ съ царскою фамиліею въ Трапезунтѣ. Эти властители, не всегда находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Генуэзцами, отняли у нихъ часть Готіи, и, открывъ новую гавань въ Каламитѣ (недалеко отъ Севастополя), подготовили опасную конкуренцію генуэзской Каффѣ. Мы обращаемъ также вниманіе читателей на многочисленныя письма папъ, находящіяся въ этомъ собраніи, и на одинъ документъ Герцога Филиппа Бургундскаго. Они снова свидѣлствуютъ о ревностномъ стремленіи этихъ лицъ помочь левантскимъ христіанамъ и повредить Туркамъ.—Падре Винья является въ этомъ трудѣ вездѣ добросовѣстнымъ издателемъ, только выборъ его могъ бы въ иныхъ мѣстахъ быть строже; пояснительныя примѣчанія также слишкомъ рѣдки, преимущественно относительно географіи. Документамъ каждаго года предпослано предисловіе издателя, въ которомъ онъ просто группируетъ содержаніе письменныхъ памятниковъ, такъ что эти статьи, сохраняя хронологическій порядокъ, нисколько не составляютъ исторіи генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ; трудъ, который еще предстоитъ будущему историку. Нельзя не пожелать, чтобы онъ появился вскорѣ по окончаніи настоящаго изданія. Но онъ долженъ будетъ получать свои матеріалы не изъ одной Италіи, но и изъ Россіи, гдѣ въ настоящее время гг. Брунъ и Юргевичъ ревностно и успѣшно занимаются изслѣдованіемъ средневѣковой исторіи Крыма.

Съ иллюстраціями.

ТРУДЫ

ИНОСТРАННЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

О ВВЕДЕНІИ

ВЪ ГИМНАЗИАЛЬНЫЙ КУРСЪ ИЗУЧЕНІА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ХРИСТИАНСКИХЪ.

Затрогивая здѣсь вопросъ о введеніи въ гимназіальный курсъ изученія памятниковъ искусства, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобъ на изученіе такого рода тамъ не обращалось никакого вниманія. Но дѣло въ томъ, что оно не довольно еще распространено, тогда какъ мы съ своей стороны убѣждены, что оно должно быть всеобщее, что это не только желательно, но и необходимо.

Но на первомъ же шагу мы сталкиваемся здѣсь съ общимъ и, конечно, не безосновательнымъ возраженіемъ, которое доходило и до меня лично со стороны уважаемыхъ и первостепенныхъ педагоговъ, когда я вздумалъ предложить эту тему на обсужденіе съѣзда филологовъ въ Ганноверѣ, въ сентябрѣ 1864 г. Учебный планъ, говорятъ они, и безъ того такъ обремененъ предметами, что ни одинъ практическій педагогъ не подумаетъ присоединять къ нимъ еще новые ⁽¹⁾. Не стану ссылаться на то, что вѣдь вводятъ же подчасъ и теперь новые предметы (наприм. стенографію въ Баваріи); принимаю на себя пока всю тяжесть этого возраженія, и надѣюсь разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ, если читателю угодно будетъ подарить меня на короткое время снисходительнымъ вниманьемъ.

Въ вопросѣ объ изученіи памятниковъ, какъ о составной части гимназическаго курса, существенно важны три стороны: во первыхъ, необходимость этого изученія въ организмѣ курса вообще; потомъ—

(1) Ту же самую мысль, только въ другой формѣ, выразилъ мнѣ ректоръ Экштейнъ въ Лейпцигѣ, въ письмѣ отъ 13 августа 1864 г. «Не жду отъ васъ, чтобъ вы захотѣли навязать школѣ что либо еще совсѣмъ новое; я думаю, вы имѣете въ виду навести насъ только на новую интересную отрасль исторической части вѣроученія».

мѣсто его въ учебномъ планѣ, наконецъ—условія выполненія. Эти три стороны и разсмотримъ мы по порядку.

I.

Убѣжденіе въ необходимости подобнаго изученія основано на томъ, что сама гимназія нуждается въ немъ для своихъ цѣлей, да потомъ и университетъ въ правѣ требовать для себя этой именно закладки. Тутъ сходятся вмѣстѣ и педагогическій и научный моментъ; а такая встрѣча служить надежною порукой за то, что такъ оно дѣйствительно и есть, что дѣло справедливо само въ себѣ.

Относительно правъ университета надобно сказать, что онъ долженъ требовать отъ гимназіи помянутой закладки, такъ какъ безъ нея не разрѣшить ему удовлетворительно и своей собственной задачи. Для этого нужны со стороны учащихся не столько предварительныя матеріальныя познанія, сколько именно пробужденіе и образованіе смысла къ искусству, понятливости къ его произведеніямъ; потому что это вѣдь особливая способность, которую надо рано будить и развивать. Поздно приниматься за это въ 18 или 19 лѣтъ, уже по выходѣ изъ школы (1). Пропускъ надлежащей поры ведетъ здѣсь притомъ и къ положительно-вредному послѣдствію: мало того, что не на что опереть занятій искусствомъ,—выходитъ, что противъ него зародилось уже какое-то роковое предубѣжденіе. И, надо сказать, это бываетъ гораздо сильнѣе на классической, чѣмъ на богословской почвѣ; потому что школа (разумѣется гимназія) обыкновенно вводитъ глубже въ классическую сферу, стремясь ко всевозможной полнотѣ классическаго образованія. Но если послѣднее все основано на памятникахъ слова, какъ будто бы ими одними исчерпывался вполнѣ весь предметъ, тогда памятники искусства, конечно, покажутся лишними и даже пожалуй совсѣмъ неидущими къ дѣлу. Такое сѣмя вскорѣ, разумѣется, даетъ и всходъ: кто въ школѣ былъ посвященъ въ поэзію Софокла, тотъ конечно займется еще и Эсхиломъ, перешедши въ университетъ; но кто на школьной скамьѣ никогда не слыхивалъ о художественныхъ произ-

(1) Отсюда требованіе Винкельмана въ его «Разсужденіи о способности чувствовать красоту въ искусствѣ и въ обученіи ему» (1763 г.): «Такъ какъ воображеніе (необходимое для ощущенія красоты въ искусствѣ) гораздо живѣе въ юности, нежели въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то должно заблаговременно упражнять эту способность и вести ее къ извѣстному предѣлу чѣмъ наступитъ тотъ возрастъ, когда мы дерзаемъ на признаніе, что уже потеряли къ нему чутъе». Далѣе онъ говоритъ и объ отрочествѣ (см. ниже).

веденіяхъ, кто не свыкъся съ ними тогда сердцемъ, тотъ пожалуй никогда въ жизни не заглянетъ ни въ одинъ музей (1).

Гораздо настоятельнѣе то требованіе, которое гимназія должна ставить въ этомъ смыслѣ самой себѣ, какъ очевидно изъ совокупной ея задачи. Послѣдняя, на мой взглядъ, опредѣляется тремя соображеніями.

1. Считаю себя въ правѣ пойти отъ того начала, что всѣ высшія школы (не спеціальныя по какой-нибудь особой профессіи, а тѣ, которыя общеобразовательный элементъ существенно почерпаютъ изъ классической древности) имѣютъ въ виду цѣлаго человѣка, а не тѣ или другія отдѣльныя способности души; что задача ихъ состоитъ въ гармоническомъ развитіи, въ стройномъ образованіи всѣхъ способностей. Для этого, по самому свойству преподаванія, преимущественно употребляется въ дѣло разсудочный, аналитическій смыслъ: предметы разлагаются по частямъ и усваиваются духомъ въ раздробъ, въ преемственной чередѣ своихъ составныхъ моментовъ. Давно ужъ признано, что для возстановки нарушаемаго такимъ образомъ равновѣсія, въ противодѣйствіе этому разлагающему приему, надо упражнять созерцательность. Это и дѣлается, наприм. въ сферѣ геометріи, построеніемъ фигуръ на плоскостяхъ, также нагляднымъ показываніемъ тѣлъ различной формы (разумѣется—правильныхъ, конуса съ его сѣченіями и т. д.); въ географіи—посредствомъ картъ, въ естественной исторіи—представленіемъ рисунковъ, чучель или же настоящихъ экземпляровъ. Но такого рода созерцаніе останавливается вѣдь на одномъ пространственномъ элементѣ, далѣе оно не идетъ. То высшее созерцаніе, которое отъ наглядной видимости переходитъ въ область духа, дается только художественными произведеніями.

На этотъ путь вступаетъ подчасъ и школьное обученіе, даже въ области языкознанія, стараясь вслѣдъ за разлагающимъ преподаваніемъ наглядно выставить и нѣчто цѣльное. Для этого въ среднихъ классахъ школы служитъ декламация поэтическихъ и прозаическихъ піесъ, а на высшей ступени, какъ зрѣлый уже цвѣтъ,—чтеніе классиковъ, сценическое представленіе какой-нибудь греческой драмы (такъ бываетъ наприм. въ иныхъ берлинскихъ гимназіяхъ): для зрителей, и особенно для играющихъ на сценѣ, какъ бы освящается этимъ досточтимая ими древность. Но, по сознанію самихъ участниковъ, затѣя такого

(1) Какъ мы говоримъ здѣсь собственно въ интересѣ богословскаго и археологическаго преподаванія въ университетѣ, такъ точно профессоръ Шпрингеръ проводитъ ту же мысль во имя теоріи искусства вообще, которой нельзя съ пользою читать съ университетской кафедрой безъ соотвѣтственной подготовки слушателей въ гимназіи. См. статью его: *Der Kunstunterricht auf gelehrten Schulen* въ *Recensionen und Mittheilungen über bildende Kunst*, III, Jahrg. Wien 1864. № 22, стр. 169 и сл.

рода поглощает иногда цѣлый семестръ, а это такая жертва, которую можно принести только въ видѣ изыятія. Да надо вѣдь сообразить и то: положимъ, затвердивъ напередъ стихъ за стихомъ, вы достигли общаго впечатлѣнія; дѣйствующія лица драмы стоятъ передъ вашимъ воображеніемъ, и ея идея является вамъ во всей простотѣ и полнотѣ. Но ужь таковъ неотразимый законъ всѣхъ поступательныхъ искусствъ, поэзіи, какъ и музыки, — что каждый слѣдующій моментъ застигаетъ собой предыдущій. Избѣгать этого нѣтъ другихъ средствъ, какъ держаться созданій изобразительнаго, пластическаго искусства.

Они постоянно остаются передъ взоромъ наблюдателя. Но они же постоянно и вызываютъ на переходъ отъ видимаго образа, отъ наглядной формы, къ лежащему въ основѣ помыслу, чтобы прослѣдить его какъ въ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ; такъ какъ тутъ всегда есть возможность повторительныхъ сравненій и соображеній. И этотъ путь — уразумѣть художественное произведеніе — есть вмѣстѣ и путь всякаго вообще познанія, съ тою только разницей, что его здѣсь всего яснѣе указать и всего вѣрнѣе всякому усвоить. А оно вѣдь неоцѣнимо въ методическомъ отношеніи. Но тутъ надо обратить вниманіе на два разныхъ момента.

На то, во первыхъ, что подобно тому какъ въ поэзіи и музыкѣ необходимо искусство слушать, именно — различать и измѣрять ритмъ и звуки, такъ точно здѣсь требуется умѣнье различать и опредѣлять видимое. Это вовсе не бездѣлица, какъ легко ежедневно убѣдиться въ обиходной жизни, гдѣ о каждомъ происшествіи или случаѣ очевидцы даютъ разныя показанія. Показываютъ не только одностороннее или истинное лишь на половину, но нерѣдко даже и то, чего не бывало совсѣмъ. То же случается и съ памятниками искусства: мало того, что на нихъ смотрятъ невѣрно, неправильно; въ нихъ часто видятъ то, чего и вовсе нѣтъ. Такой примѣръ встрѣтился мнѣ самому въ Равеннѣ. На одной изъ составныхъ частей епископскаго престола (горняго мѣста?) въ соборной ризницѣ изображена женская фигура, верхомъ на ослѣ, ведомомъ ангеломъ, а обокъ съ ней идетъ пожилой мужчина, который ее поддерживаетъ и провожаетъ. По ходящему тамъ издавна толкованію, мнѣ сказали, что это — бѣгство въ Египетъ. На вопросъ мой, гдѣ младенецъ Иисусъ? сначала оторопѣли, а потомъ кто-то нашелся отвѣчать, что вѣроятно Онъ скрытъ подъ верхнею одеждой Матери. Скорѣе это — путешествіе въ Вифлеемъ на податную запись, предшествовавшее рождеству Христову. ⁽¹⁾ Чтобъ не впадать въ подобныя заблужденія, ис-

(1) Невѣрное объясненіе, и съ тою же самою оговоркой, идетъ отъ Бандини: *In tabulam eburneam etc. observationes*, стр. 39 (гдѣ приложенъ и рисунокъ этой доски). Настоящее же далъ еще Мюнтеръ, *Sinnb. N. II*, стр. 75 и слѣд.

кусство непременно должно видѣть только то, что есть, ни больше, да и не меньше. — Правда, авторъ «Лаокоона» даетъ намъ противоположное какъ будто бы наставленіе: «Чѣмъ болѣе мы видимъ, говоритъ Лессингъ (1), тѣмъ болѣе должны мы примышлять къ видимому. Чѣмъ болѣе примышляемъ, тѣмъ болѣе область видимаго должна расширяться передъ мысленнымъ нашимъ взоромъ». Но это относится уже къ иному, духовному прозрѣнію, къ умѣнью читать такъ-сказать между чертъ или строкъ. Объ немъ въ самомъ дѣлѣ можно утверждать, что чѣмъ внимательнѣе вглядываемся мы въ истинно-художественное созданіе, тѣмъ болѣе оно говоритъ намъ, тѣмъ становится краснорѣчивѣе. Это и ведетъ уже къ другому моменту пониманія художественныхъ произведеній, — къ искусству толковать ихъ.

Толкованію открыто обширное поприще, и, какъ въ герменевтикѣ письменныхъ памятниковъ, здѣсь существуютъ разные его роды, смотря по содержанію и цѣли памятниковъ искусства. Имѣя въ виду учебный интересъ, мы должны особенно вникнуть въ два рода толкованія — психологическое и религіозно-историческое. Первое приложимо вездѣ, гдѣ художникъ, возбужденный своимъ предметомъ, умѣлъ вдохнуть въ него то чувство, то настроеніе, которыя наполняли его душу. Они обнаруживаются въ тѣлодвиженіи и въ постановкѣ отдѣльныхъ фигуръ, въ соотношеніи ихъ между собою, въ цѣлой композиціи. Достопамятные примѣры изъ высокихъ сценъ ветхаго и новаго завѣта находимъ слѣдующіе: въ греческой рукописи Осьмикнижія Ватиканской бібліотеки воспроизведено по одному древне-христіанскому подлиннику изображеніе Моисея, принимающаго скрижали закона, гдѣ, какъ бы ослѣпленный сіяніемъ Господней славы, онъ отвертывается отъ нея лицомъ; и на Экстерскомъ камнѣ, въ Вестфалии, снятіе со креста, въ самый моментъ отрѣшенія тѣла Христова, когда Марія, держа въ обѣихъ рукахъ блѣдный ликъ божественнаго Сына, припадаетъ къ нему головою. Тамъ видимъ высокій, здѣсь — нѣжный, трогательный образъ истинно-человѣческаго чувства, сквозящаго изъ-за самыхъ благородныхъ формъ. Введеніе въ эту область искусства съ тѣмъ, чтобы пріучать къ оцѣнкѣ всего полнаго души, къ отличенію ложнаго паѳоса отъ настоящаго, можетъ составить даже родъ курса практической психологіи. — Но обокъ съ этимъ субъективнымъ направленіемъ идетъ толкованіе объективное, и притомъ, какъ высшій его видъ, — толкованіе религіозно-историческое и богословское, когда сюжетъ художественнаго произведенія данъ или мифомъ, или откровеніемъ. Такъ въ послѣднемъ смыслѣ оно прилагается напримѣръ и къ сейчасъ названному христіанскому памятни-

(1) Лессингъ, Laokoön, W. Bf. VI, стр. 389 Лахман. изд.

камъ. А въ образецъ примѣненія его къ миѳическому содержанию возьмемъ хоть монументъ Гарпій въ Ксанѳѣ, проливающій такой яркій свѣтъ на темныя стороны народнаго быта въ Ликіи ⁽¹⁾. На башнеобразной подстройкѣ покоится самый памятникъ съ могильнымъ склепомъ, котораго отверстіе окружаетъ скульптурный фризъ. Надъ дверью склепа, обозначающею вмѣстѣ и входъ въ преисподнюю, представлена дойная корова, какъ символъ живительной силы и питанія; налѣво—богиня смерти, сидящая одиноко на престолѣ; съ другой стороны—богиня жизни, чествуемая тремя женщинами, изъ которыхъ одна подноситъ яйцо, другая—цвѣтъ и плодъ гранатнаго яблока. По боковымъ стѣнкамъ изображены четыре гарпіи, сверху женщинами, съ туловищемъ въ видѣ яйца, съ крыльями, хвостомъ и ногами птицы; у каждой изъ нихъ по ребенку, котораго онѣ держатъ, разумѣется, въ когтяхъ,—символъ неизбежнаго рока; но впрочемъ сами онѣ, кроткія на видъ, матерински-нѣжно обнимаютъ ребенка, и онъ обращается къ нимъ до вѣрчиво,—образъ человѣческой души и судьбы ея при смерти. Во всемъ этомъ высказано то, что смерть только переходъ къ жизни же. И такъ мы встрѣчаемъ здѣсь памятникъ вѣры въ безсмертіе, еще у самаго порога греческой поэзіи и греческаго искусства, и знаемъ, что послѣднія и позже не отступались отъ этого вѣрованія. Гарпіи, въ качествѣ геніевъ смерти, являются и у Гомера, только съ приниженымъ уже значеніемъ; дойную корову находимъ на монетахъ греческихъ городовъ, а яйцо, которое одна изъ чествующихъ женъ подноситъ богинѣ жизни на Ксанѳскомъ памятникѣ (не говоря ужъ о яйцеобразномъ тѣлѣ самихъ гарпій), занимаетъ свое мѣсто въ греко-римской гробовой символикѣ ⁽²⁾. Памятникъ этотъ—единственный въ своемъ родѣ; онъ имѣетъ можно-сказать коренное, основоположное значеніе, и, крѣпя въ себѣ глубокой смыслъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ключъ къ его уразумѣнію: не полезно ли ознакомить съ нимъ молодежь въ ученыхъ школахъ? раскрытіе его тайны передъ юной любознательностью не способно ли пробудить въ молодыхъ умахъ смыслъ къ пониманію языка искусства?

Но дидактическое употребленіе въ дѣло художественныхъ произведеній не ограничивается однимъ только упражненіемъ умственныхъ силъ и однимъ развитіемъ созерцательной способности. Нельзя воспринимать въ себя такіе образы, особенно въ молодыхъ лѣтахъ, безъ того чтобъ не затрогиваться, не завлекаться и самымъ дѣломъ, безъ того чтобъ не обогащать своего ума, не очищать чувства, не приобрѣтать и не

(1) Держусь объясненія Курціуса въ *Archäol. Zeitung* 1855, № 73 съ рисункомъ.

(2) Какъ доказалъ потомъ Бахофенъ въ сочиненіи: *Über die Gräbersymbolik der Alten* 1859. Сравни Гергарда *Das Ei auf Kunstdenkmälern*, въ *Archäol. Anzeiger* 1859, стр. 58.

укрѣплять душевныхъ убѣжденій. Это стало-быть въ необходимой, тѣсной связи и съ другою задачей школы.

2. Вѣдь если сначала мы выдвинули впередъ формальную задачу, стройную, гармоническую выработку душевныхъ силъ, то нельзя же однако на ней остановиться. Гимназія, очевидно, имѣетъ дѣло не съ одною лишь гимнастикою духа; она должна еще наполнить его содержаніемъ и озаботиться образованіемъ характера. А для этого нѣтъ иной дороги, кромѣ той, чтобы вывести человѣка изъ природной его ограниченности и приблизить его къ тѣмъ первообразамъ, къ тому изящному, о которыхъ Платонъ говоритъ, что право не худо взглянуть на нихъ, освоиться и поводить съ ними ближе ⁽¹⁾. Но первообразы эти проявились въ созданіяхъ искусства, которое шло объруку съ мудростью, какъ Винкельманъ выразился объ искусствѣ Грековъ, находя, что «лучшія произведенія его можно распознать по благородной простотѣ и тихому величію». «Какъ глубь морская, продолжаетъ «онъ, остается всегда спокойною, сколько бы ни ярилась поверхность, такъ точно выраженіе греческихъ фигуръ, при всѣхъ возможныхъ «страстяхъ, обличаетъ вездѣ высокую и непоколебимую душу» ⁽²⁾. Если такого рода красота есть верховный законъ искусства, то не полезно ли созданіями его дѣйствовать на воспримчивую юность? ⁽³⁾ Особенно нельзя лишать этого средства высшія учебныя заведенія тогда, когда воздѣлка изящнаго признается существенною составною частью гимназическаго образованія ⁽⁴⁾. Но доводъ въ пользу такого требованія, конечно, не удастся въ томъ случаѣ, если на основаніи новыхъ спекулятивныхъ умозрѣній (Гегеля) мы станемъ смотрѣть на чувство изящнаго, какъ на нѣчто среднее, что, съ одной стороны, переходитъ за предѣлы вѣры, а съ другой—подчинено познанію истины: какъ будто бы это были преемственные ступени, изъ которыхъ каждая непременно должна уступать мѣсто высшей ⁽⁵⁾. Напротивъ, всѣ три момента ищутъ другъ друга и сходятся во едино: такъ какъ въ созерцаніи

(1) Платонъ, *Sympos*, стр. 211.

(2) Винкельманъ въ первой статьѣ своей: О подражаніи греческимъ художественнымъ произведеніямъ (1756). W. Bd. I, стр. 32, 31.

(3) Уже Винкельманъ въ приведенномъ выше «Разсужденіи о способности чувствовать красоту въ искусствѣ» предлагаетъ для обученія дѣтей (стр. 399, 401): «сперва надо «расшевелить сердце ихъ объясненіемъ отборныхъ мѣстъ изъ древнихъ и новыхъ по-«этовъ и подготовить юные умы къ созерцанію прекраснаго во всѣхъ видахъ; вмѣстѣ съ «тѣмъ должно приучать и глазъ къ подмѣтѣ прекраснаго въ искусствѣ». Въ последнемъ отношеніи указываетъ онъ на гравюры съ античныхъ рельефовъ и картинъ, также съ ветхозавѣтныхъ сценъ Рафаэля въ ложахъ Ватикана.

(4) Признаніе это высказано во множествѣ статей и школьныхъ программъ, начиная съ 1827 г.

(5) См. противъ этого Piper, *Einleitung in die monumentale Theologie*, стр. 44.

божественнаго, этомъ завершеніи всякой вѣры, дается вмѣстѣ понятіе и истины, и красоты. Такимъ образомъ искусство, представляя взору изящное и высокое, возвѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ первичную истину, изначальную правду. Взглядъ на одно изъ дивныхъ созданій христіанскаго зодчества и изреченіе о томъ поэта всего лучше подтвердятъ нашу мысль. При видѣ Страсбургскаго мюнстера, Гёте не только хочетъ, чтобъ мы постигли въ душѣ художника глубочайшее чувство истины и красоты пропорцій; онъ распознаетъ въ постройкѣ памятникъ вѣчной жизни, присущей самому мастеру, и говоритъ, что передъ этимъ созданіемъ, какъ передъ всякою великой творческой мыслью, въ душѣ зрителя шевелится присущая ему самому творческая сила (1).

Въ этомъ высказалась глубокая тайна искусства, что оно именно и есть реальное осуществленіе божественнаго. Намъ пришлось бы отступить и отъ художественнаго произведенія, и отъ художника, не признай мы въ нихъ живаго свидѣтельства, самаго даже присутствія того, въ чью славу воздвигнуть такой памятникъ. Подобнымъ же примѣромъ можетъ служить другое великое созданіе христіанскаго искусства, — Рафаэлева Сикстинская Мадонна, единственный въ своемъ родѣ образецъ по возвышенности явленія Пречистой Дѣвы и Матери, по неизслѣдимой глубинѣ во взорѣ Предвѣчнаго Младенца. Художникъ не написалъ бы этихъ типовъ, не витай они у него передъ душой; но они и не возникли бы въ его духѣ, не существуй они воистину.

Кажется, не мѣшаетъ знакомить юность съ такого рода творчествомъ: не мѣшаетъ представить ей Страсбургскій мюнстеръ, или какой-нибудь другой, Сикстинскую Мадонну, или какую-нибудь другую, чтобъ заранѣе насадить въ молодое сердце сѣмя неземной, высокой красоты.

3. Къ двумъ вышеизложеннымъ соображеніямъ привходитъ еще третье: въ силу лежащей на школѣ національной задачи или обязанности, не должна ли она возводить молодежь на уровень общаго образованія народа, принимая въ расчетъ даже и особый сплавъ образовательныхъ его элементовъ? Никто не станетъ оспаривать положенія, что этотъ уровень зависитъ, говоря вообще, отъ той ступени образованія, какой достигаютъ при выходѣ изъ высшаго класса гимназій и соотвѣтственныхъ имъ реальныхъ школъ: всѣ образованные люди идутъ этою дорогою, многіе принимаются потомъ за какую-нибудь особую профессію, даже въ университетѣ большая часть избираетъ тотъ или другой специальный предметъ, такъ что приращеніе познаній ограничивается здѣсь сплошь какою-нибудь особенною сферою, где

(1) Goethe, Von Deutscher Baukunst, и Dritte Wallfahrt nach Erwins Grabe.

касаясь уже собственно общаго образованія. Съ его-то именно потребностями средняя школа и должна согласовать свою задачу. Такимъ образомъ недавно завоевали себѣ почетное мѣсто въ учебномъ планѣ гимназій естественныя науки, а вслѣдъ за тѣмъ новѣйшіе языки. Теперь, во всѣхъ образованныхъ странахъ, монументальный интересъ входитъ день ото дня болѣе въ составъ общаго образованія; произведенія древняго и современнаго искусства находятъ себѣ обширнѣйшій кругъ цѣнителей,—знатоковъ и дилеттантовъ. Монументальный интересъ заявляетъ себя также въ собраніяхъ древностей, въ учрежденіи художественныхъ музеевъ; при чемъ особенно дорожатъ національнымъ содержаніемъ и всенароднымъ употребленіемъ, стараясь дѣлать музеи доступными даже и для рабочихъ классовъ. Съ этой цѣлью устроены близъ Лондона Кенсингтонскій музей, а въ Берлинѣ Королевскій музей открытъ и по воскресеньямъ; собственно въ національныхъ видахъ учреждены недавно Musée des Souverains въ Луврѣ, Баварскій Отечественный музей въ Мюнхенѣ, Вельфовскій—въ Ганноверѣ. Въ учрежденіяхъ такого рода частныя лица соревнуютъ государямъ. Извѣстно, что покойный Рихарцъ въ Кельнѣ далъ денежные средства на постройку, отдѣлку и постоянное содержаніе городского музея, который носитъ его имя вмѣстѣ съ именемъ прежняго основателя собранія. На ряду съ заботами о сохраненіи художественныхъ созданій, правда, встрѣчаются еще и теперь акты вандализма. Такъ еще въ 1850 г. разрушенъ въ Гильдесгеймѣ каменный мозаичный полъ 12-го вѣка, находившійся въ соборномъ пресвитерскомъ домѣ и представлявшій интересныя библейскія и аллегорическія фигуры (жертвоприношеніе Авраамово и Мельхиседеково, символическія изображенія евангелистовъ, олицетворенія стихій и добродѣтелей) (1). Подобныя вещи будутъ невозможны тогда, когда школьная молодежь воспитается въ благоговѣйномъ уваженіи къ остаткамъ прошлаго.

Такимъ образомъ школѣ нельзя уклониться отъ обязанности пробуждать и лелѣять смыслъ къ памятникамъ искусства, если отъ всякаго образованнаго человѣка стануть требовать и ожидать, чтобъ онъ не былъ варваромъ въ этой сферѣ. Прилагая равную мѣру ко всему, вы конечно удивились бы, выйди изъ гимназіи воспитанникъ, который во весь учебный курсъ не слышалъ бы ничего про Америку и ея открытіе. Но что сказать, когда школа выпускаетъ питомцевъ, не слыжавшихъ ничего про другой міръ, который на глазахъ у всѣхъ и объемлетъ собой благороднѣйшія созданія генія за цѣлыя тысячелѣтія? или,

(1) Жалкіе остатки хранятся въ часовнѣ св. Лаврентія; сохраненіемъ ихъ обязаны доктору Кратцу въ Гильдесгеймѣ.

если они, положимъ, и затвердили имена Фидія, Эрвина и Рафаэля, но имъ невѣдомы по крайней мѣрѣ слѣды духа этихъ художниковъ?

Здѣсь наталкиваемся мы на возраженія: «Искусство, скажутъ намъ, христіанское, какъ и языческое, все равно,—предметъ такого рода, что имъ нельзя же вѣдь надѣлать всѣхъ сплошь, какъ надѣляютъ наприм. грамматикой,—его надо предоставить добровольной дѣятельности тѣхъ, кто чувствуетъ къ нему особое призваніе». Совершенно справедливо, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы сдѣлать того или другаго виртуозомъ въ разумѣніи и толкованіи художественныхъ произведеній. Но передъ общей мѣрою образованія, какой обязана достигать школа, разность въ дарованіяхъ отступаетъ на второй планъ,—точно такъ же, какъ и въ математикѣ она не мѣшаетъ проводить учебный курсъ до высшихъ частей науки. А между тѣмъ языкъ искусства несравненно понятнѣе: онъ далекъ отъ математической отвлеченности; духъ вездѣ просвѣчиваетъ въ немъ сквозь чувственную форму. Онъ понятенъ для всѣхъ вообще, какъ свидѣтельствуется исторія и какъ доказываетъ ежедневный опытъ. Вѣдь потому-то и выставлялись искони всенародно благороднѣйшія созданія художества, что они всякому были вразумительны, или по крайней мѣрѣ доступны общему чувству. Зевсѣ Фидія существовалъ для всѣхъ; иначе не считали бы, по словамъ Эпиктета ⁽¹⁾, несчастнымъ того Грека, который хоть разъ въ жизни не побывалъ въ Олимпіи, чтобъ только на него взглянуть; и даже теперь еще изображеніе чуждаго намъ мѣста, картина Ниобы, смогла расшевелить цѣлое населеніе такого торговаго города, какъ Гамбургъ, и это отозвалось даже въ публичныхъ чтеніяхъ одного достойнаго археолога ⁽²⁾. Съ другой стороны неоспоримо, что произведенія искусства способны давать пищу всякимъ возрастамъ, такъ какъ, смотря конечно по сюжету и его обдѣлкѣ, они могутъ быть усвоиваемы въ ранней молодости, да ставятъ потомъ все новыя и новыя задачи и въ зрѣлые уже года. Вотъ почему пригодны они служить образовательнымъ средствомъ не только на всѣхъ учебныхъ степеняхъ, но и далѣе. А это свойство ихъ еще болѣе даетъ права изученію художественныхъ памятниковъ внѣдриться органически въ учебный планъ, да вмѣстѣ и облегчаетъ выполнение этого на дѣлѣ.

II.

Положимъ, мысль эта признана и допущена; тогда возникаетъ другой вопросъ, куда же именно приурочить въ учебномъ курсѣ изученіе

(1) Аппіанъ, Epictet. Diss. I, 6, 23. T. I, p. 35.

(2) См. Gerhards Archeolog. Zeit. 1858, Anzeiger №120, стр. 250. Чтеніе профессора Петерсена вышло особымъ оттискомъ изъ Hamburger Liter. und Kritische Blättern, подъ заглавіемъ Der Niobidenmythus und dessen Darstellung im Gemälde des Herrn Wrasche. Hamburg 1859.

художественныхъ памятниковъ? Здѣсь опять мы повстрѣчаемся съ возраженіемъ, что гимназія и безъ того завалена учебными предметами, такъ что для новыхъ нѣтъ уже рѣшительно мѣста. Возраженіе это можно отстранить тѣмъ, что вовсе не имѣется въ виду ввести самостоятельную, отдѣльную вѣтвь познаній и требовать для того особыхъ часовъ: это, для изученія памятниковъ, пока еще рано, и допускается въ исключительныхъ развѣ случаяхъ. Надо, чтобы новый предметъ только примкнулъ со стороны къ общему плану: рѣчь идетъ стало-быть не о какомъ-либо самостоятельномъ содержаніи, а скорѣе о способѣ преподаванія вообще. Изученіе художественныхъ памятниковъ можно приурочить ко всѣмъ главнымъ отраслямъ вѣдѣнія, кромѣ, разумѣется, естественныхъ наукъ, слѣдственно—къ преподаванію языковъ, исторіи и закона вѣры; но не въ видѣ добавочной статьи или упоминанія объ этихъ памятникахъ мимоходомъ, а въ силу того основнаго начала, что вышеуказанныя отрасли вѣдѣнія приводятъ къ тому по своей природѣ и сами методически завершаются только этимъ собственно изученіемъ.

1. Казалось бы всего ближе воспользоваться для этого классомъ живописи. Какая образовательная сила заключается въ этомъ искусствѣ, признано великими авторитетами и древняго и новаго міра. Аристотель именуетъ его въ числѣ четырехъ искусствъ, которымъ обыкновенно обучаютъ юношей, и требуетъ упражненія въ немъ не для одной лишь той пользы, чтобы умѣть вѣрнѣе судить о произведеніяхъ художниковъ и ограждать себя при покупкѣ работъ ихъ отъ убытковъ, но чтобы, какъ прилично свободнорожденнымъ людямъ, снискивать себѣ черезъ это искусство надлежащее уразумѣніе тѣлесной красоты. А для этого должно показывать молодымъ людямъ произведенія такого ваятеля или живописца, который хорошо выражаетъ оттѣнки нравственнаго характера, не работы какого-нибудь Павсона, а на примѣръ Полигнотовы (1). Гёте стоитъ за изреченіе учителя своего, Эзера, директора рисовальной академіи въ Лейпцигѣ, говоря объ немъ въ одномъ современномъ письмѣ (1770 г.): «преподаваніе его будетъ имѣть слѣдствія на всю мою жизнь; онъ внушалъ мнѣ, что идеаль изящества—простота, соединенная съ сдержанностью, съ тишиною, откуда само собою ясно, что ни одинъ юноша не можетъ стать мастеромъ» (2). То же говорилъ и Винкельманъ, къ которому Эзеръ питалъ безпредѣльное уваженіе. Два эти изреченія, Аристотелево и послѣднее, обнимаютъ собой обѣ стороны, реальную и идеальную задачу искусства, объективный и субъективный моментъ обученія. Къ аристотелевскому возвращается опять и Фр. А. Вольфъ въ своемъ очеркѣ науки древностей (1807 г.):

(1) Aristotel. Polit. VIII, 3, 5, стр. 1380, 1340 ed. Bekker.

(2) Goethe Br. an Herrn Reich, при его письмахъ къ Лафатеру, изданныхъ Гирцелемъ, стр. 165.

налегая на необходимость собственной производительности для того, чтобы глубже понимать созданія искусствъ словесныхъ, онъ требуетъ элементарныхъ упражненій и изощреннаго умѣнья равно и для того, чтобы вѣрнѣе судить о произведеніяхъ начертательныхъ искусствъ и лучше наслаждаться ими ⁽¹⁾. При этомъ онъ порицаетъ обычай, по которому они рѣдко вводятся, насколько слѣдуетъ, въ кругъ учебныхъ предметовъ, и высказываетъ увѣренность, что «современемъ, когда хорошій способъ преподаванія легче поведетъ къ основательному изученію древнихъ языковъ и когда преуспѣвшая молодежь увидитъ передъ собой крѣпче сомкнутый кругъ археологическихъ познаній, тогда научныя требованія и здѣсь станутъ тѣмъ болѣе удовлетворяться на самомъ дѣлѣ, чѣмъ чаще и настоятельнѣе будутъ ихъ предъявлять». Удовлетвореніе это съ тѣхъ поръ видимо подвинулось впередъ, и, надо сказать правду, значеніе и методика рисовальныхъ уроковъ въ гимназіяхъ многократно обсуждались, особенно въ послѣдніе годы ⁽²⁾. Конечно, если уроки эти не ограничиваются ознакомленіемъ учениковъ съ однѣми лишь чертами и абстрактными формами и развитіемъ ловкости выполнять ихъ, а отличаются научно-художественнымъ характеромъ, тогда широкое поле открыто передъ ними, и они живо содѣйствуютъ рѣшенію высшей задачи школь вообще. Потому что тутъ дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы формы, предстоящія въ природѣ и въ жизни человѣческой, познать въ существенной связи ихъ съ тѣлеснымъ міромъ: какимъ образомъ на нижней ступени, напримѣръ въ кристаллахъ, проявляются онѣ какъ геометрическій законъ, далѣе, въ растеніи—какъ жизнь, въ животномъ—какъ характеръ, а на высшей еще ступени—какъ духъ; задача стало-быть такова, чтобы, исходя отъ формы (видимой внѣшности), проникнуть въ то незримое содержаніе, которое выдастъ намъ ея тайну. Затѣмъ, отъ основныхъ формъ сотвореннаго бытія можно перейти къ свободному, идеальному творчеству искусства, къ которому дѣйствительность вещей подходитъ только ассимптотически, только лишь приблизительно, никогда съ нимъ не совпадая. Такимъ пониманіемъ формы обусловится уже болѣе чѣмъ одно меха-

(1) Fr. A. Wolf, Darstellung der alterthums-Wissenschaft въ Museum der alterth. Weis. Bd. I. S. 67 и слѣд.

(2) Рах. Psychologische Andeutungen zur Würdigung der Zeichenstudien auf Gymnasien, Programme des Domgymn. zu Magdeburg von 1839. В. Stark Kunst und Schule zur deutschen Schulreform. Iena 1846, стр. 15—33. Bräuer Der Schul-Zeichenunterricht auf dem Gymnasium, Progr. des Gymn. zu St. Elisabeth in Breslau von 1863. Presler Der Zeichenunterricht in der Realschule, Progr. des Gymn. zu Dillenburg von 1864. Wolf Der Zeichenunterricht an Gelehrten-Schulen, Progr. des Gymn. zu Bruchsal von 1865. Gennep Ueber den Gymnasialzeichnenunterricht und den darauf Bezug habenden Lehrplan vom 2 October 1893, въ Jahns M. Jahrb. der Philologie. Bd. 89, 90. Abth. 2, 1864, стр. 290 и сл. 1863 и сл.

ническое воспроизведеніе. Наоборотъ, воспроизведеніе осмысленное непременно введетъ глубже въ первообразъ или типъ. Вотъ почему крайне важенъ выборъ предметовъ для рисованія: надо чтобъ въ соотвѣтственной постепенности онъ давалъ учащемуся случаи все ближе подходить къ образовательнымъ силамъ и организму природы въ многообразныхъ формахъ принадлежащихъ къ ней тѣлъ, но также и случаи знакомиться съ творческими мыслями и техникой великихъ мастеровъ по благороднѣйшимъ созданіямъ древняго и новаго искусства (1).

Нельзя однакожь ни непризнать, ни тотчасъ устранить трудностей, препятствующихъ теперь такому развитію рисовальнаго класса. За этимъ способомъ, правда, остается та выгода, что онъ одинаково примѣнимъ на всѣхъ ступеняхъ школьной жизни; но его невозможно сдѣлать обязательнымъ для учениковъ, да и наставниками школа не вездѣ располагаетъ въ равной мѣрѣ. Это уже—существенное препятствіе. Притомъ для обученія, ставящаго себѣ подобную цѣль, потребны учителя съ такою художественною и научною подготовкой, какая рѣдко встрѣчается въ одномъ и томъ же лицѣ. Обыкновенно отъ рисовальныхъ учителей нельзя требовать основательнаго археологическаго образованія, такъ же какъ и отъ археологовъ, чтобы они учили рисовать. Да и самый ходъ развитія тутъ совершенно различный, какъ обнаруживается даже на высшихъ его степеняхъ: великіе художники, въ этомъ своемъ качествѣ, собственно вѣдь не критики искусства, да и не знатоки въ его исторіи. Тѣмъ болѣе должна удалять отъ художественнаго пониманія та чистая техника черченія, которая вообще только одна и доступна для гимназій (2).

Но какъ бы высоко ни ставили потребность въ этомъ обученіи, какъ ни успѣшно удалось бы его провести; оно все-таки не будетъ ни исключительнымъ, ни преимущественнымъ даже средствомъ къ развитію дара цѣнить художественныя созданія (3). Напротивъ, обыч-

(1) См. прекрасныя замѣчанія и предложенія объ этомъ въ указанной сейчасъ книжкѣ Штарка Kunst und Schule, написанной имъ еще въ молодости, когда онъ только-что вернулся изъ Италіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ художественнаго міра этой страны.

(2) Ср. приведенную выше статью Шпрингера: Der Kunstunterricht auf gelehrten Schulen, стр. 153 и сл.

(3) На съѣздѣ преподавателей среднерейнскихъ гимназій въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1865 г., профессоръ фонъ-деръ-Лауницъ совѣтовалъ обращать въ гимназіальномъ курсѣ вниманіе на произведенія античной пластики; и тамъ условились на томъ, «что изученіе памятниковъ въ школахъ слѣдуетъ главнымъ образомъ связать съ рисовальными уроками, не прибѣгая впрочемъ для толкованія къ какимъ бы то ни было стороннимъ пособіямъ, развѣ индивидуальность иного учителя сама представитъ для того благопріятныя условія». Однакожь предложеніе профессора фонъ-деръ-Лауница шло въ сущности гораздо дальше; онъ хотѣлъ, чтобы дирекціями гимназій признано и высказано было слѣдующее: «при нынѣшнемъ состояніи образованія желательно, и даже необходимо, чтобы преподаваніе древней

ныя и главныя вѣтви научнаго преподаванія отнюдь не должны поступаться этимъ правомъ исключительно въ пользу рисованья.

2. Всматриваясь въ эти именно вѣтви, мы найдемъ, что на изученіе памятниковъ наводитъ прежде всего изученіе языковъ, какъ классическихъ, такъ и отечественнаго.

Преподаваніе первыхъ, хотя и начинается съ грамматики, не останавливается же однако на одной формѣ языка: отборные писатели древности читаются потомъ ради ихъ содержанія, и притомъ не только ради однѣхъ мыслей, но и для того, чтобы ввести молодой умъ въ общій складъ древняго быторазвитія (культуры). А тутъ художественные памятники выступаютъ уже на равныхъ правахъ съ памятниками слова. И если первыхъ нельзя еще тогда разсматривать самостоятельно въ ихъ собственной связи, то именно послѣдніе требуютъ принимать ихъ въ соображеніе Правда, памятники литературные рѣдко наводятъ прямо на произведенія искусства, какъ наводятъ напримѣръ Цицероновы рѣчи противъ Верреса ⁽¹⁾; потому что главные, писатели по этой части, Павсаній и Плиній, обыкновенно вѣдь не читаются въ гимназіяхъ. Но художественныя созданія идутъ въ параллель съ произведеніями поэзіи, которыя часто въ нихъ отражаются, иногда подвергаясь воздѣйствію, наоборотъ, и съ ихъ стороны. И все болѣе открывается теперь памятниковъ, доказывающихъ такое взаимодѣйствіе. Не лучший ли способъ для уразумѣнія Гомера и трагиковъ—слѣдить и распознавать вліяніе ихъ на искусство? ⁽²⁾.

Въ учебномъ употребленіи художественныхъ памятниковъ чуть ли не упредила насъ впрочемъ сама древность. Извѣстны вѣдь разные остатки такъ-называемыхъ иліакскихъ тавлей или плитъ, на которыхъ изображены сцены троянской войны, съ краткимъ обозначеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ у Гомера. Лучшій и сохранившійся памятникъ этого рода, заключающій въ себѣ гомеровскіе и по-гомеровскіе сюжеты,

исторіи, древнихъ языковъ и классическихъ писателей, подкрѣплялось нагляднымъ ознакомленіемъ учениковъ съ лучшими произведеніями античнаго искусства и интереснѣйшими предметами античной жизни вообще, и что для этого надо заводить при школахъ небольшія собранія, которыми учителя и могли бы тутъ же пользоваться при случаѣ. Но онъ думаетъ, что рисовальный классъ можетъ послужить сподручнѣйшимъ средствомъ къ составленію такого собранія при школѣ, помимо всякихъ денежныхъ расходовъ.

(1) Объ этомъ разсуждаетъ профессоръ Кёнигъ въ программѣ іеверской гимназіи: *De Cicerone in verrinis artis operum aestimatore et iudice*. 1863.

(2) Взаимное уясненіе другъ другомъ произведеній искусства и писателей древности предпринималъ, относительно римскихъ поэтовъ, Спенсъ (Spence) въ своемъ *Volume of an enquiry concerning the agreement between the works of the roman poets and the remains of the ancient artists*. London 1747 и 1755. См. объ этомъ Лессингова Лаокоона, въ Лахман, изданіи сочин. Лессинга, т. VI, стр. 421—430, гдѣ признается многократная полезность Спенсовыхъ изслѣдованій, но говорится объ немъ вообще нехорошо; за Спенса вступился

и между послѣдними на видномъ мѣстѣ отбытіе Энея на западъ, чѣмъ явно хотѣли возвеличить происхожденіе рода Юліевъ, найденъ близъ Бовилль, въ развалинахъ святилища, сооруженнаго въ честь императора Августа послѣ его кончины. Плита эта служила, пожалуй, для собственнаго его обученія ⁽¹⁾, такъ какъ, по очень распространенному мнѣнію, подобныя доски вообще употреблялись для учебныхъ цѣлей ⁽²⁾. Тамъ же найдена апоѳеоза Гомера, хранящаяся теперь въ Британскомъ музеѣ: поэтъ представленъ на тронѣ, съ окружающею его населенною землей, которая славить его вѣчными хвалами, тогда какъ отъ него истекають во все стороны рѣки поэзіи. Памятникъ этотъ сдѣлался общедоступнымъ, благодаря размноженію гальванопластическихъ его снимковъ (Эмиль Браунъ издалъ его съ текстомъ въ Лейпцигѣ въ 1848 г.). Разсмотрѣніемъ обоихъ этихъ произведеній, кажется, хорошо бы было заканчивать чтеніе Гомера въ школахъ, тѣмъ болѣе, что первый изъ нихъ представляетъ еще и продолженія къ поэту изъ эпического цикла. Конечно, это позднія уже изображенія. Но главный памятникъ, при созданіи котораго передъ художникомъ, по собственному его свидѣтельству, витали поэтическія сказанія Гомера ⁽³⁾,—это Фидіевъ олимпійскій Зевсъ; и такъ какъ его всего болѣе напоминають, хоть правда и очень издали, бюстъ Юпитера изъ Отриколи и одна помпеянская картина, которая представляетъ бога на престолѣ, вѣнчаемаго Побѣдою, то слѣпокъ и рисунокъ съ этихъ произведеній могутъ онаглядить идею поэта при чтеніи Гомеровскаго изображенія.

Также единственнымъ въ своемъ родѣ является то обратное обстоятельство у трагиковъ, что въ основаніи ихъ поэтическихъ картинъ лежитъ древнѣйшее изваяніе: это именно Ніоба, которую Софокль изображаетъ въ Антигонѣ (ст. 822 и сл.), приравнивая судьбу послѣд-

Гердеръ въ «Критикѣ на Лаокоона». Послѣ того Винкельманъ сталъ первый пользоваться памятниками для объясненія и оправданія древнихъ писателей, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Замѣчаніямъ объ исторіи искусства». Ср. Winkelmann, соч. Фридрихса 1862 г., стр. 14, гдѣ между прочимъ высказывается надежда, что мысль Винкельмана объ уясненіи многихъ мѣстъ древнихъ писателей нагляднымъ изученіемъ памятниковъ окажетъ дальнѣйшее свое вліяніе даже и на гимназіи.

(1) Franz Corp. Inscript. Gr. къ № 6125, Т. III. 850, в.

(2) Мнѣніе это было господствующимъ со временъ Бартеlemi и отстаивалось донинѣ Велькеромъ, О. Яномъ, Генценомъ и др. Противъ него возсталъ Стефани (Der Ausruhende Heracles 1854), а за него вступился Михаэлисъ въ Annali. archeol. Vol. XXX, 1858, p. 123 и сл.; новое опроверженіе его представляетъ статья Рейффершейда De usu tabularum Piasarum et similium Vol. XXXIV, 1862, p. 104 и сл., изъ которой во всякомъ случаѣ выходитъ, что его должно по крайней мѣрѣ ограничить. Онъ думаетъ, что подобныя плиты служили украшеніемъ въ библіотекахъ, и выводитъ употребленіе ихъ изъ Александрии. Впрочемъ и самъ онъ отличаетъ вышеупомянутую плиту отъ нѣсколькихъ другихъ, къ которымъ и относятся главные его доводы.

(3) Страбонъ VIII, 3, стр. 354. Сравни Лаокоонъ Лессинга, стр. 505.

ней къ Ниобиной и напоминая, какъ оцѣпенѣвъ когда-то на горѣ Сипилѣ, Ниоба зрится еще и въ своемъ каменномъ гробу съ вѣчно-текущими изъ глазъ слезами. А изваяніе Ниобы на сѣверномъ склонѣ Сипила, описанное Павсаніемъ и узнанное новѣйшими путешественниками, высѣчено въ кряжѣ скалы сидячею женскою фигурой колоссальныхъ размѣровъ, съ горестнымъ выраженіемъ, съ головою легко наклоненною въ сторону и поданною впередъ и съ сложенными на колѣняхъ руками⁽¹⁾: недавно снятая съ него фотографія не допускаетъ никакой мысли о томъ, чтобы это могла быть игра природы. Въ силу примкнувшаго къ нему сказанія, о которомъ именно упоминаетъ Софокль, памятникъ ведетъ къ источнику этой древней легенды и вмѣстѣ къ одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ религіозной исторіи. Съ этой же послѣдней стороны замѣчательны значеніе и наружность, приданныя Эсхиломъ Эриніямъ, когда онъ вздумалъ вывести ихъ на сцену: онъ изображаетъ ихъ въ приступѣ къ своимъ Эвменидамъ (ст. 48 и сл.), какъ, преслѣдуя матереубійцу Ореста, онѣ расположились въ дельфійскомъ святилищѣ, и сравниваетъ видъ ихъ съ образомъ Горгонъ, у которыхъ беретъ онъ для Эриній змѣистые волосы, висящій изъ рта языкъ и скрежещущіе зубы, а также и съ картиною Гарпій, похищающихъ у Финея его трапезу, оговаривая только, что послѣднія были съ крыльями, а первыя безкрылы. Изображеніе Горгонъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ созданіямъ греческаго искусства; какъ Горгоны, такъ и Гарпій извѣстны намъ по уцѣлѣвшимъ еще античнымъ работамъ.— Но, помимо такого отношенія къ памятникамъ со стороны поэтовъ, для объясненія послѣднихъ мы встрѣчаемъ еще болѣе соответственныхъ художественныхъ представленій, выведенныхъ или изъ одного общаго сказанія, или же, наоборотъ, изъ поэтическихъ картинъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ круга новооткрытыхъ или новообъясненныхъ памятниковъ. Большая Даріева ваза изъ Канозы, представляющая въ верхнемъ своемъ поясѣ соборъ боговъ съ фигурами Эллады и Азіи между ними, въ среднемъ—Дарія съ его вельможами, а въ нижнемъ—покорныхъ ему народовъ, обличаетъ отдаленное лишь сходство съ Эсхиловскими Персами; и было неоспоримою ошибкою выводить картины эти изъ драмы⁽²⁾. Тѣмъ не менѣе могутъ онѣ существенно служить къ ея объясненію, наглядно представляя двѣ коренныя ея мысли, во первыхъ—фигурами Эллады и Азіи, изъ которыхъ послѣдняя

(1) Stark Niobe, стр. 42 и сл. 98 и сл. 442, со снимкомъ I.

(2) На чемъ настаивалъ Минервини и противъ чего вооружился Велькеръ (в. Archäol. Zeit. 1857, стр. 53 со снимкомъ вазы (а потомъ и въ его Alten Denkmäler, часть V), тамъ же 1860 г., стр. 41 и сл. О. Янгъ находилъ первый толчокъ къ изображеніямъ этой вазы во Фриниловыхъ Персахъ.

сидить у своего порога, готовясь наступить войной на первую (о чемъ и сообщается собраніе Персовъ),—тогда какъ у Эсхила во снѣ Атоссы, на тѣхъ же самыхъ фигурахъ показаны уже слѣдствія Ксерксовой наступательной войны; вовторыхъ,—и преимущественно,—положеніемъ Эллады, которая, въ испугѣ при видѣ подымающейся на нее грозы, становится подъ защиту боговъ, прежде всего Зевса съ Побѣдою (Нике) и Аѳинной. Но это понятіе о покровительствѣ и непосредственномъ заступленіи свыше проходитъ и сквозь поэтическій и сквозь историческій памятникъ персидскихъ войнъ; а живопись величаво выразила его на Даріевой вазѣ (1). Напротивъ, прямое согласіе дознано между драмой Эврипида, Финикіанками, и рельефами одного саркофага Виллы Памфили, представляющаго три существенныя части піэсы въ той же самой послѣдовательности (2): встрѣчу братьевъ и тщетное посредничество Іокасты; битву, оканчивающуюся гибелью вождей, изъ которыхъ въ рельефѣ характерно обозначены карабкающійся вверхъ Капаней и спускающійся внизъ Амфіарай, подобно загубившимъ другъ друга братьямъ; наконецъ запрещеніе хоронить Полиника, вызывающее Антигону къ непокорству: только вмѣсто этого въ рельефѣ изображено само ночное погребеніе, согласно впрочемъ дальнѣйшей мысли Эврипида въ одной изъ его утраченныхъ для насъ драмъ.

Послѣ чтенія классическихъ писателей древности преподаваніе нѣмецкой литературы можетъ служить ближайшимъ поводомъ къ изученію памятниковъ древняго и новаго искусства. Въ этомъ отношеніи довольно указать на Лессинга и на Гёте, на Лаокоона, на Путешествіе по Италіи и т. д.

3. Второе мѣсто для нагляднаго знакомства съ памятниками принадлежитъ въ учебномъ планѣ историческимъ урокамъ, которые, простираясь по всѣмъ рѣшительно ступенямъ школьной жизни, подаютъ къ тому такую бездну случаевъ. Требованіе снабдить ихъ подобною обстановкой встрѣчаетъ всего менѣе противниковъ и всего охотнѣе выполняется, хотя въ прежнихъ обсужденіяхъ методики историческаго преподаванія взглядъ этотъ оставался обыкновенно на заднемъ планѣ (3). Но съ тѣхъ поръ значительно облегчено самое пріобрѣтеніе снимковъ съ памятниковъ; да появилось и немало изданій, представляющихъ исторію въ картинахъ, то-есть или въ изображеніяхъ

(1) Ср. Curtius въ Archäol. Zeit. 1857, стр. 116.

(2) Какъ показано Петерсеномъ въ Archäol. Zeit. 1861, стр. 195 и сл.

(3) Такъ, напримѣръ, у Лёбеля въ Grundzüge einer Methodik des geschichtlichen Unterrichts auf Gymnasien, Leipzig 1847. Входя подробнѣе въ учебную часть, Петеръ (Der Geschichtsunterricht auf Gymnasien, Halle 1849) замѣчаетъ уже положительно, что учитель долженъ сколько можно болѣе пользоваться всѣми видами чувственно-онаглядывающихъ пособій.

цѣлаго ряда монументовъ, или въ историческихъ сценахъ, воспроизведенныхъ свободною художественною композиціей⁽¹⁾. Последнее, конечно, доставитъ много удовольствія и заинтересуетъ, пожалуй даже возбудитъ иногда къ серьезнымъ занятіямъ; но всего поучительнѣе первое. Дозволимъ себѣ указать для примѣра на нѣкоторыя только эпохи по первостепеннымъ памятникамъ, отчасти опознаннымъ ближе въ недавнее лишь время. Изъ эллинской древности особеннаго вниманія неоспоримо заслуживаютъ два монумента. Догомеровской эпохѣ принадлежитъ пластическое произведеніе у древняго входа въ Микену, упоминаемое Павсаниемъ; оно въ главныхъ частяхъ своихъ сохранилось вполне и съ недавнихъ поръ (въслѣдствіе путешествія нѣмецкихъ ученыхъ по Греціи въ 1862 г.) сдѣлалось общедоступнымъ, благодаря слѣпку и потомъ отливкѣ, произведеннымъ для королевскаго Берлинскаго музея: два льва стоятъ поднявшись на входномъ порогѣ по бокамъ стержня колонны, которой абакъ поддерживаетъ два цилиндрическихъ ствола, вѣроятно представляющихъ деревянную покрыву; а все вмѣстѣ⁽²⁾ изображаетъ оберегаемый львами царскій чертогъ. Это, стало-быть, достопочтенный остатокъ царскихъ построекъ и царскихъ помысловъ въ Элладѣ; но мало этого: если архитектуру его, родственную ливійскимъ памятникамъ, сообразить съ исконнымъ преданіемъ, то ясно обнаружится тотъ фактъ, что отсюда и перенесена въ Грецію древняя культура. Другой памятникъ идетъ изъ цвѣтущей поры эллинскаго образованія и могущества—стоячій свертокъ бронзовыхъ змѣй въ Константинополь, поддерживавшій прежде золотой сосудъ, который утраченъ еще въ древности: это—побѣдный памятникъ во первыхъ платейской битвы, а потомъ и второй персидской войны вообще, какъ доказываютъ вѣзанныя по извѣстамъ имена всѣхъ греческихъ державъ, принимавшихъ въ ней участіе. Онъ уцѣлѣлъ вполне, кромѣ трехъ головъ, которыми заканчивался кверху (въпрочемъ отъ одной изъ нихъ сохранился еще обломокъ). Поставленный нѣкогда въ священнѣйшемъ мѣстѣ дельфійскаго храма, онъ при Константинѣ Великомъ перенесенъ въ Константинополь: объ немъ упоминаютъ уже Геродотъ и Фукидидъ, въ христіанской древности Евсевій и позднѣйшіе историки, а съ 16-го вѣка разные путешественники. Но онъ былъ весь почти засыпанъ,

(1) Таковы: L. Weisser Bilderatlas zum Studium der Weltgeschichte in 100 grossen Tafeln nach berühmten Kunstwerken alter und neuer Zeit, mit erläut. Text von H. Kurz und H. Merz. Stuttg. 1855 и сл.—Die Geschichte des deutschen Volks in 15 grossen Bildern von K. H. Hermann, mit erläut. Text von Fosz. Gotha 1852. Die deutsche Geschichte in Bildern nach Originalzeichnungen deutscher Künstler mit erläut. Text von Bülow, Brandes und Flath, 3 Bde mit 230 Holzschn. Dresden 1862.

(2) По объясненію Адлера въ Gerhards Archäol. Zeitung Jan. 1865. №193 съ рисункомъ СХСШ.

пока не откопали его въ 1856 г. по ходатайству Англичанъ. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій и сдѣлался общеизвѣстнымъ посредствомъ изданныхъ съ него вѣрныхъ снимковъ (1).— Съ другой стороны, древняя столица міра, Римъ, можетъ указать на два монумента, какъ на великіе памятники поворота и во всеобщей и въ религіозной исторіи, ознаменованнаго паденіемъ іудейства и язычества: это арки Тита и Константина. Множество снятыхъ съ нихъ рисунковъ и фотографій (въ Христіанскомъ музеѣ въ Берлинѣ есть фотографіи, ни мало не выцвѣтшія черезъ 12 слишкомъ лѣтъ) даютъ полную возможность видѣть представленіе этихъ замѣчательнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ произведеній въ молодые умы воспитанниковъ.

Вслѣдъ за памятниками такого рода, вводящими такъ-сказать въ межевыя и главныя точки исторіи, и за тѣми, которые онагляживаютъ событія въ обычномъ ихъ ходѣ, историческое преподаваніе, чтобы стать ему живымъ, должно прибѣгнуть къ изображеніямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ произошли событія, и тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствовали. Изображеній послѣдняго рода почти нѣтъ для среднихъ вѣковъ, но классическая древность, и особенно новое время, представляютъ ихъ во множествѣ, и слѣнки съ нихъ вообще легко доступны. Для передачи же мѣстностей можетъ оказать большія услуги фотографія. Объ этомъ шла рѣчь на гейдельбергскомъ съѣздѣ филологовъ въ 1865 г., и въ заключеніе предсѣдатель, профессоръ фонъ-Лангсдорфъ, отозвался слѣдующимъ живымъ словомъ: «когда педагогика возьметъ себѣ въ помощь фотографію, и цѣны на послѣднюю понизятся отъ большаго сбыта, можно достигнуть результатовъ необыкновенныхъ, совершить истинныя чудеса. Можно будетъ водить ученика по всѣмъ поприщамъ жизни, гдѣ двигались люди; образы, событія прошлаго. Откровенно говоря, когда я объ этомъ подумаю, картина школы и школьной дѣятельности открывается передо мной въ совсѣмъ новой красотѣ. Я увѣренъ, можно достигнуть этимъ великаго успѣха» (2).

4. Повидимому менѣе признано, но конечно еще важнѣе то, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ преподаванія закона вѣры и священной исторіи (Religionsunterricht) (3), которому на всѣхъ

(1) Frick Das platäische Wehgeschenk zu Constantinopel въ Jahns Jahrb. für klass. Philol. Suppl. Bd. III, 1859, стр. 487—556 (и Welcker Griech. Götterlehre Bd. II, стр. 811 и сл.). Dethier und Mordtmann Epigraphik von Byzantion und Constantinopolis, въ Denkschr. der K. Akademie der Wissensch. Zu Wien, Bd. XIII 1864, Abth. 2, S. 3 ff. Обѣ статьи съ рисункомъ; въ обѣихъ отстаивается подлинность памятника.

(2) Verhandlungen der XXIV Versamml. der Philologen zu Heidelberg, стр. 116 и сл.

(3) Способъ религіознаго преподаванія разсматривается въ двухъ замѣчательныхъ разсужденіяхъ недавняго времени: Michael Ueber die Reform des Religionsunterrichts auf den Gymnasien, Progr. des Vizthumschen Gymnas. in Dresden, Ostern 1863; и Hake Zu der

ступеняхъ школьнаго образованія (въ Германіи) посвящается обыкновенно по два часа въ недѣлю; въ Бернѣ, въ видѣ особаго исключенія, назначенъ только одинъ часъ. Но и двухчасовое время такъ дорого, что конечно не захотятъ допустить сокращенія его какимъ бы то ни было постороннимъ предметомъ. Однакожь произведенія христіанскаго искусства вѣдь не только не чужды этому предмету, но напротивъ тѣсно съ нимъ связаны, такъ какъ въ теченіе многихъ сряду вѣковъ они знаменуютъ собой дѣятельную силу первоначальнаго христіанскаго одушевленія. Они не только ничего не отнимутъ у религіозныхъ уроковъ, но еще придадутъ имъ болѣе живости и тѣмъ значительно облегчатъ отвѣтственность преподавателя.

А конечно отвѣтственность эта здѣсь тяжеле, чѣмъ въ какой-либо другой области. Основою преподаванія вездѣ должно служить библейское содержаніе: исторія и ученіе, или догма; на высшихъ степеняхъ оно перейдетъ въ исторію и ученіе Церкви. Можетъ ли наставникъ предполагать въ себѣ довольно силъ, чтобы усвоить молодежи великое это содержаніе? Конечно, это достижимо не одною лишь простою передачей, какъ затверживаются напримѣръ правила грамматики: да и тутъ мало отъ нихъ пользы, если не сопровождаетъ ихъ духъ языка, изъ котораго они произошли. Въ религіозной сферѣ то, чему надлежитъ проникнуть въ душу и постоянно будить жизнь, должно само быть одушевлено и пережито. Если наставникъ, ограничиваясь своими собственными силами и средствами, не надѣется удовлетворить религіозной потребности возрастающаго поколѣнія и рѣшительно подѣйствовать на всю жизнь его, то онъ прибѣгнетъ къ помощи даровъ Церкви, къ набожнымъ настроеніямъ и помысламъ творческихъ ея эпохъ. Это и теперь бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сообщаетъ напримѣръ ученикамъ благочестивыя произведенія ея лирики, пѣснопѣнія древнихъ героевъ вѣры. На ряду съ ними выступаютъ и созданія изобразительныхъ искусствъ, которыхъ поле впрочемъ гораздо обширнѣе: они объемлютъ въ безднѣ экземпляровъ всю библейскую исторію и доходятъ даже до всѣхъ главныхъ вопросовъ догмы, такъ-какъ искусство способно облекать въ чувственный образъ и эти высшія понятія. И какъ бы ни были различны художественныя средства, смотря по временамъ, всегда можно уловить въ созданіяхъ христіанскаго искусства благочестивую ревность ихъ создателей, которая не остается безъ тихаго, но устойчиваго вліянія на душу. Стоитъ ближе

Frage über die Bedeutung und Stellung der Religionslehre in dem Gesamtorganismus unseres Gymnasialunterrichts, progr. des Gymnas. zu Arnberg, Michaelis 1863. Первое относится къ евангелическому, второе къ католическому преподаванію, и методы предлагаются противоположные, хотя, строго говоря, и не въ силу религіозныхъ различій.

обсудить, насколько это можетъ принести пользы преподаванію. Теперь мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателя только на двѣ вещи, касающіяся коренныхъ основъ всякаго вообще вѣроученія, въ связи съ художественными памятниками древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ.

Вопервыхъ на то, что священная исторія и вѣроученіе тождественны, потому что вѣра совершенно примыкаетъ къ исторіи. Это обнаруживается, между прочимъ, на одномъ костяномъ ковчегцѣ, находящемся въ Королевской Кунсткамерѣ въ Берлинѣ и принадлежащемъ чуть ли не IV столѣтію (1): здѣсь Христосъ представленъ сидящимъ посреди дванадцати апостолъ и, судя по Его собственной постановкѣ (Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правую поднялъ вверхъ) и по расположенію всей группы, представленъ въ видѣ Учителя;—но какое же именно содержаніе этого ученія? На противоположной сторонѣ цилиндрическаго сосуда изображено жертвоприношеніе Авраамово, которое по отношенію къ первопомянутой картинѣ представляетъ самый простой примѣръ геометрической символики: такъ-какъ въ кругу, принятомъ за поперечный разрѣзъ цилиндра, противостоящія точки окажутся и раздѣленными діаметромъ, и соединенными линіей окружности. Слѣдовательно приношеніе Исаака въ жертву Авраамомъ, различное въ качествѣ особаго прообразованія, но между тѣмъ и сродственное, указываетъ на искомое содержаніе проповѣди, именно на личность Искупителя и на подлежащій Ему подвигъ, по Евангелію отъ Іоанна 3, 16.—То, что обозначено здѣсь только типически, дѣйствительно и прямо предстаетъ намъ въ другомъ памятникѣ, бронзовомъ распятіи XII вѣка, отъ котораго уцѣлѣло одно подножіе, хранящееся въ Вельфовскомъ музеѣ, въ Ганноверѣ. Оно утверждено на четырехъ львахъ, кверху выгнуто сводомъ и, по надписи, знаменуетъ земной кругъ. На высотѣ его лежитъ въ гробу Адамъ; ангелы поднимаютъ крышку гроба. Это становится понятнымъ чрезъ распространенное въ христіанской древности и доселѣ общепринятое въ греческой церкви сказаніе, будто первый человѣкъ схороненъ на Голгоѣ, да искупится онъ кровію Христовой и пробудится отъ смерти къ воскресенію. Вотъ что выражено въ этомъ памятникѣ отношеніемъ распятаго Христа къ возстающему изъ гроба Адаму, какъ подтверждается и надписью: *Adae morte novi redit Adae vita priori* (смертію новаго Адама возвращается жизнь Адаму ветхому) (2). То же изображеніе и съ подобною этой надписью нашелъ я подъ однимъ распятіемъ въ Хурскомъ соборѣ. Но подъ пер-

(1) Гипсовый слѣпокъ съ него продается при Берлинскомъ музеѣ подъ знакомъ IV, с. №11.

(2) Подножіе это изображено у Фогеля *Kunstarbeiten aus Niedersachsens Vorzeit*, Н. I, Bl. 3. 4. См. также мою статью: *Adams Grab. auf Golgotha* въ *Evangel. Kalender für 1861*, стр. 27.

вымъ человѣкомъ разумѣется весь людской родъ: оттого въ этихъ изображеніяхъ предстаютъ намъ главныя эпохи и событія жизни цѣлаго человѣчества, въ ихъ связи, началѣ и завершеніи, то-есть грѣхопаденіе, смерть и искупленіе.—Третій примѣръ найдемъ въ одномъ происшествіи изъ евангельской исторіи: Христосъ идетъ по морю, а Петръ пускается на встрѣчу Ему изъ ладьи (Матѳ. 14, 28—31), какъ представлено на извѣстной новѣйшей гравюрѣ Р. Рихтера, съ которой есть много снимковъ въ любомъ размѣрѣ. Событіе это обильно само по себѣ психологическимъ, догматическимъ и нравственнымъ содержаніемъ. Вопервыхъ, какъ важный моментъ жизни Петра апостола, который съ полнымъ вѣры мужествомъ дерзаетъ на опасный путь, вскорѣ потомъ малодушно утопаетъ, но ищетъ помощи у Господа и выручается Имъ изъ бѣды. Христосъ протягиваетъ ему руку и схватываетъ утопавшаго (что именно и представлено на картинѣ), укоряя его въ то же время за сомнѣніе, тогда какъ при другомъ случаѣ Онъ однимъ взглядомъ караетъ его за явное отступничество. Это также и моментъ въ жизни другихъ учениковъ: они сперва испугались появленія Христа на морѣ, но были Имъ успокоены, а затѣмъ, увидѣвъ случай съ Петромъ и выслушавъ упрекъ ему въ маловѣрїи, пали передъ Христомъ ницъ, когда Онъ взошелъ на корабль къ нимъ, и сказали: «Воистину ты сынъ Божій». Здѣсь, въ самомъ историческомъ происшествіи раскрывается такой смыслъ, который прямо указываетъ на бытіе вѣвѣсторическое, вѣчное. Вотъ двѣ стороны въ лицѣ и жизни Спасителя, выставленныя съ совсѣмъ неожиданной точки зрѣнія въ созданіяхъ искусства. Гёте, предлагая сюжеты для живописи, говоритъ: «Не знаю въ цѣломъ Евангелїи такого высокаго и выразительнаго предмета, какъ Христосъ, ходящій по морю и спѣшащій на помощь готовому утонуть Петру. Божественную и человѣческую природу Искупителя нельзя ни въ какомъ другомъ случаѣ такъ живо представить чувствамъ, да нельзя лучше выразить и весь смыслъ христіанской религіи въ столь немногихъ сравнительно чертахъ» (1). Можно идти еще далѣе, если примѣнять событіе не къ одному этому ученику, но взять его за типъ для всѣхъ, восклицающихъ съ Давидомъ: «Спаси мя Боже, яко внидоша воды до души моея» (Псал. 68, 2 и 3). Это будетъ видимый образъ всякихъ вообще бѣдъ, и притомъ не однѣхъ тѣлесныхъ; а на такой именно широкой смыслъ, кажется, и намекаетъ вышеприведенная картина.

Мнѣ хотѣлось бы, вовторыхъ, указать на то, что тождественны между собой также вѣроученіе и нравственность, по слову

(1) Göthe W. Bd. XXV, стр 316.

они отпрыски одного и того же корня. Это наглядно представляется во многихъ изображеніяхъ распятаго Христа, окруженнаго или тремя богословскими добродѣтелями (Вѣрою, Любовью и Надеждой), или четырьмя такъ-называемыми главными, коренными, которыя къ Нему же опять отнесены. Отсюда развилось изображеніе, встрѣчающееся на другомъ художественномъ издѣліи Вельфовскаго музея—дискосѣ листоваго золота, епископа Бернарда, принадлежащемъ стало-быть началу XI вѣка, обращенномъ послѣ въ дароносицу и покрытомъ рѣзными вглубь фигурами (1). Въ срединѣ виденъ Христосъ на радугѣ, показывающей прободенныя свои руки, съ надписью вокругъ: *Huc spectate viri, sic vos moriendo redemi* (Зрите семо, людие: тако смертію искушихъ вы); около Него посмѣнной чередой размѣщены символы евангелистовъ и главныя добродѣтели въ видѣ женскихъ погрудій. И эти фигуры относятся ближайшимъ образомъ къ лицу Искупителя; но по назначенію сосуда для св. причастія относятся онѣ также и къ вѣрующимъ, которые, возвѣщая смерть Христову (1 Коринѣ., 11, 26), вѣрують въ слово Его, и вѣру свою должны претворить въ дѣло (Галат. 5, 6; Іак. 1, 22). Такъ и апостоль Петръ увѣщаетъ ихъ не подобиться противящимся слову, но возвѣщать добродѣтели призавшаго ихъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ (1 Петр. 2, 8 и 9): мѣсто это должно считать темою сейчасъ приведеннаго художественнаго изображенія.—Напомнимъ здѣсь кстати одну знаменитую картину новой эпохи, которая по сюжету отчасти сродственна послѣднему: это «Се человекъ», выполненный рукой Корреджіо въ полроста, и находившійся прежде въ Дюссельдорфской галлерей, а нынѣ хранящійся въ Мюнхенѣ. Христосъ съ выраженіемъ глубочайшей страды, связанный по рукамъ и съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ; при этомъ надпись: *Ego pro te haec passus sum, tu vero quid fecisti pro me?* (Вотъ что претерпѣлъ Я за тебя; ты же что для Меня сдѣлалъ?). Здѣсь также предстаётъ намъ моментъ изъ жизни Иисусовой; но въ немъ слито воедино все искупительное страданіе, на которое указываетъ слово: «Вотъ что претерпѣлъ Я за тебя» (см. Матѣ. 20, 28; Марка 10, 45; Іоан. 15, 13), и которое, какъ говоритъ Лютеръ, требуетъ истинно-вѣрующихъ сердець. То же заключается и въ вопросѣ: «ты же что для Меня сдѣлалъ?», на который отвѣтомъ можетъ быть одна лишь полнѣйшая сердечная преданность, но не страдательная только, а вмѣстѣ и дѣятельная; ибо, какъ объясняетъ апостоль: «Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему» (2 Коринѣ. 5, 15), или, какъ опредѣляетъ онъ еще ближе: «да очистятъ себѣ люди избранны, рев-

(1) Снимокъ у Юнга въ Lipsanographia.

нители добрымъ дѣламъ» (Тит. 2, 14). Это именно тотъ самый образъ, который такъ сильно подѣйствовалъ на молодую душу Цинцендорфа, когда еще студентомъ въ 1719 г. онъ посѣтилъ Дюссельдорфъ. И вотъ кстати одно изъ живыхъ свидѣтельствъ того, какое важное мѣсто можетъ занять хорошая картина въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и школьнаго образованія.

Возьмемъ ли наконецъ церковную исторію и монументальные ея источники, здѣсь обнаружится та же потребность онагличивать первую послѣдними, какъ и при обученіи всеобщей исторіи. Да притомъ не мало вѣдь и такихъ памятниковъ, что равно относятся къ обѣимъ; двѣ вышеназванныя арки въ Римѣ знаменуютъ столько же церковно-историческую, сколько и всемірно-историческую эпоху. Рядомъ съ этими великими сооружеиіями приведемъ еще небольшую германскую скульптуру, ознаменовавшую собой не конецъ прежняго развитія, а зачинъ новаго: памятникъ основанія Санктъ-Галленскаго монастыря въ нижнемъ полѣ костяной доски, принадлежащей 9-му вѣку ⁽¹⁾. Въ срединѣ изображенъ крестъ съ мощами, — первый знакъ основанія монастыря; далѣе медвѣдь, приносящій дровъ по волѣ св. Галла, и наконецъ самъ Галль, дающій за это хлѣба звѣрю, съ приказаніемъ бѣжать тѣхъ мѣсть и удалиться въ горы, какъ повѣствуетъ и ходячая въ Санктъ-Галленѣ очень милая легенда. Здѣсь видимъ мелкій на взглядъ зачинъ, кроющій въ себѣ однако зародышъ того міроваго факта, что гдѣ благочестивые монахи водружали крестъ, они въ то же время прогоняли дикихъ звѣрей, распахивали пустоши и ставили свои кельи разсадниками человѣческой культуры, изъ которыхъ выросли потомъ цвѣтушіе города.

III.

Мы указали теперь, куда приурочить въ учебномъ планѣ наглядное ознакомленіе съ искусствомъ; остается сказать два слова о выполненіи, принимая въ расчетъ зависимость его отъ учебныхъ средствъ, какъ матеріальныхъ, такъ и личныхъ. Гдѣ нѣтъ налицо необходимыхъ для того собраній, тамъ, разумѣется, придется составлять ихъ исподволь на самыхъ экономическихъ основаніяхъ; и при нынѣшнемъ, постоянно совершенствующемся, способѣ размноженія вѣрныхъ копій и снимковъ это потребуетъ сравнительно ничтожныхъ денежныхъ тратъ.

1) Въ Хрістіанскомъ музеѣ Берлинскаго университета есть слѣпокъ со всего этого дѣла. Рисунокъ съ него приложенъ къ Neujahrsheft der histor. gesellschaft von St. Gallen, 1863, а снимокъ и объясненіе одного вышеупомянутаго отдѣла костяной доски можно найти въ статьѣ моей. Die Herrschaft des Menschen über die Thiere, въ Evang. Kalender für 1860, стр. 35.

Далеко не такъ легко пріобрѣсть необходимыя личныя средства, то-есть способныхъ преподавателей, и конечно подготовка ихъ потребуетъ нѣкотораго времени и неизбѣжныхъ на первый разъ заботъ. Тутъ могутъ оказать значительную пользу особыя стипендіи, назначаемыя тѣмъ изъ преподавателей подходящихъ сюда предметовъ, которые примутъ на себя обязанность дополнить и завершить свои научныя свѣдѣнія основательнымъ нагляднымъ знакомствомъ съ памятниками искусства.

Главное—разшевелить спящую потребность, имѣя въ виду ту нравственно-образовательную цѣль, чтобы въ молодежи пробудилось глубокое уваженіе къ духовному міру, высказывающемуся въ художественныхъ созданіяхъ древняго и новаго времени, и вмѣстѣ искреннее желаніе усвоить себѣ таящееся въ нихъ добро; пусть спозаранку развивается благодатный этотъ зародышъ, чтобы найти себѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ полное удовлетвореніе!

Т Е З И С Ы

касательно введенія въ гимназіальный курсъ изученія художественныхъ памятниковъ, и въ особенности христіанскихъ.

(Предложены педагогическому отдѣлу съѣзда германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Гейдельсбергѣ, въ сентябрѣ 1865 г.).

1.

Допущеніе этой отрасли въ гимназическій курсъ требуется какъ необходимая подготовка къ слушанію въ университетахъ лекцій по исторіи и теоріи художествъ вообще, особенно же по археологіи классическаго и христіанскаго искусства.

2.

Она необходима и для цѣли самаго гимназическаго образованія: во-первыхъ, съ формальной стороны, чтобы въ противень развитію разсудочнаго смысла развить также созерцательность и эстетическій смыслъ къ языку искусства.

3.

Она важна по содержанию, будучи способна действовать на образование нравственного и религиозного характера силою прекраснѣйшихъ типовъ классическаго и христіанскаго искусства.

4.

Она нужна еще и для того, чтобы плоды школьной подготовки шли въ уровень съ потребностями общаго образованія, отъ которыхъ они теперь отстаютъ.

5.

При той мѣрѣ художественной подготовки, какой дозволительно требовать отъ школъ, разница въ способностяхъ учениковъ не можетъ быть помѣхою къ ея водворенію въ гимназіяхъ.

Произведенія искусства способны служить образовательнымъ средствомъ на всѣхъ ступеняхъ преподаванія.

6.

Занятіе искусствомъ въ гимназіяхъ не требуетъ отвода особыхъ часовъ, а единственно лишь того, чтобы на него обращалось вниманіе при преподаваніи подходящихъ предметовъ. Оно войдетъ стало-быть не новымъ бременемъ для наставниковъ и учащихся, а только дополненіемъ и облегченіемъ учебнаго метода.

7.

Мѣсто ему, во первыхъ, при чтеніи классическихъ писателей, особливо древнихъ поэтовъ (Гомера, Виргилія, трагиковъ); и здѣсь оно столько же служитъ къ пониманію послѣднихъ,—благодаря тѣмъ соотношеніямъ, въ какихъ литература стоитъ къ памятникамъ искусства,—сколько, заодно съ писателями, къ познанію всей древности вообще, для котораго одинаково важны оба источника.

8.

Второе для него мѣсто представляетъ преподаваніе Исторіи.

9.

И, наконецъ, преподаваніе закона вѣры, особенно въ историческихъ его частяхъ, какъ библейскихъ, такъ и церковно-христіанскихъ.

Употребленіе въ дѣло христіанскихъ художественныхъ памятниковъ полезно даже въ видѣ подготовки къ догматическому вѣроученію.

10.

Пользованіе для этой цѣли чужими собраніями не можетъ замѣнить для гимназій систематическаго составленія собственныхъ коллекцій снимковъ.

Но и обладая послѣдними, гимназія должна дорожить каждымъ случаемъ—показать своимъ питомцамъ то либо другое великое созданіе искусства въ подлинникѣ.

11.

Учрежденіе какъ классическихъ, такъ и христіанскихъ художественныхъ собраній при гимназіяхъ составляетъ, наравнѣ съ бібліотеками, необходимую учебную потребность, которую должно удовлетворять по мѣрѣ силъ.

Въ виду тѣхъ жертвъ, которыя приносятся такъ щедро для надлежащей обстановки естествовѣдѣнія, справедливость требуетъ не отлагать далѣе издержекъ и для художественно-учебныхъ цѣлей въ гимназіяхъ.

12.

Главная прежде всего задача школы заготовить пригодными наставниками, разумѣется тамъ, гдѣ ихъ недостаетъ.

Ф. Пиперъ.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 58. 1870 года, марта 31 дня. Протоколь 36-го обыкновеннаго засѣданія членовъ Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Д. П. Сонцева, въ присутствіи гг. Членовъ Архимандрита Амфилохія, А. Н. Афанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. Н. Веселовскаго, А. А. Гатцука, К. И. Невоструева, А. Н. Попова, В. Е. Румянцева, М. М. Фомина и Секретаря Общества К. К. Гѣрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

а) снимками:

1. Отъ Д. М. Предтечевскаго въ Москвѣ: собранія рисунковъ, исполненныхъ перомъ, со старинныхъ русскихъ печатей.

в) книгами:

1. Отъ П. В. Бекера въ Дрезденѣ *Über eine zweite Sammlung unedirter Henkel in schriften aus dem südlichen Russland.* Leipzig. 1860. 8°

2. Отъ Мюнхенской Академіи Наукъ: а) *Abhandlungen der philosophisch-philologischen Klasse der k. bayer. Akademie.* IV Bandes 3-te abth. München. 1868. 4° и б) *Joseph Lauth, die geschichtlichen Ergebnisse der Aegyptologie.* München. 1869. 4°

3. Отъ Императорской Академіи Художествъ: Д. Прозоровскаго, Приложение къ каталогу русскихъ и западно-европейскихъ медалей и монетъ. Спб. 1869. 8°.

4. Отъ Королевской Академіи Литературы, *Исторія древностей въ Стокгольмѣ:*

а) *Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar.* Ny Föld. Del. 1—5. 8°

- b) Hildebrand, Minnespeningar. Stockholm. 1860. 8°.
- c) „—„—Svenska Sigiller. 2 выпуска in 8°.
- d) Antiquarisk Tidskrift. Stockholm. 1864. Töfta delen. 8°.
4. Отъ Кіевской Духовной Академіи: Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи, 28 Сентября 1869 года. Кіевъ. 1869. 8°.
5. Отъ Дѣйств. Чл. I. Е. Воцеля въ Прагѣ: Die Bedeutung der Stein und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven. Prag. 1869. 4°.
6. Отъ Предсѣдателя Гр. А. С. Уварова: Международный съездъ въ Копенгагенѣ. Брошюра.
7. Отъ Дѣйств. Чл. Барона Б. фонъ-Кёне: Каталогъ картинной галлерей Императорскаго Эрмитажа: 2 изд. Первый томъ. Спб. 1869. 8°.
8. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки Университета на 1869 годъ.
9. Отъ Донскаго Статистическаго Комитета: Статистическое Обзорѣніе Войска Донскаго за 1868 годъ. Новочеркасскъ 1869. 8°.
10. Отъ Астраханскаго Губернскаго статистическаго Комитета: Труды. Выпускъ 1. Астрахань. 1869. 8°.
11. Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Записки Университета. Годъ 3. Томъ III. Выпуски 2—6. Одесса 1869. 8°.
12. Отъ Южно-Славянской Академіи въ Загребѣ: а) Rad. Knjiga IX. V Zagrebu 1869. 8°.
- b) V. Jagić, Podmladenjena Vokalizacija. V Zagrebu. 1869. 8°.
13. Отъ Археографической Комиссіи въ С.-Петербургѣ:
- а) Великія Минеи Четии, собранныя Митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь дни 14—24 и Октябрь дни 1—3. Два тома in 4°.
- б) Дополненіе къ актамъ историческимъ, XI томъ. 4°.
- с) Акты Южной и Западной Россіи. Томъ VI. 4°.
- д) 2-й выпускъ Указателя къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей. 4°.
14. Отъ Кіевской Духовной Академіи: Труды Академіи на 1870 годъ. Январь.
15. Отъ Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Труды Комитета на 1870 г. Выпуски 1 и 2-й.
16. Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколы засѣданій 19 Декабря 1869 и 15 Февраля 1870 года.
17. Отъ Королевскаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ:
- а) Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. 1867 г. 1868. Nouvelle serie. Copenhague. 8°. 2 тетради.
- б) Aarboger. 1869. Tredie, Fierde Forste Hefte. Kjobenhaven. 8°
- с) Om Betydningen. Ved I. I. Worsave. Kjobenhaven.
- д) De quelques antiquités Norvégiennes, par I. I. A. Worsave. Copenhague. 1869. 8°.
- е) Tillaeg. Aargang. 1868. Kjobenhaven. 1869. 8°.

f) Renseignements sur les premiers habitants de la côte occidentale du Groënland, par Rafn. Traduit en groënlandais par J. Kleinschmidt. 4°.

18. Отъ Чл. Кор. Иеромонаха Иосифа: Краткія свѣдѣнія о Московскихъ соборахъ и монастыряхъ, находящихся въ Кремлѣ. Москва. 1869.

19. Отъ г. Вальдемара Шмидта въ Копенгагенѣ: Le Danemark à l'Exposition universelle en 1867. Paris. 1867. 8°.

20. Отъ Чл. Кор. И. А. Голышева: Лубочныя старинныя народныя картинки. Владиміръ. 1870. 8°.

21. Отъ Священника Троицкой церкви въ городѣ Вязникахъ Константина Веселовскаго: Вязниковскій Благовѣщенскій монастырь. Изъ Влад. Губ. Вѣд. № 26 и 271. 867. 8°.

с) вещами:

1. Отъ М. П. Панченко, въ Никополѣ: 8 древнихъ мѣдныхъ монетъ, сильно окисшихъ и неразборчивыхъ, открытыхъ въ Никополѣ.

2. Отъ Ея Превосходительства А. М. Раевской въ С.-Петербурѣ:

а) Слѣпокъ гребня изъ кости (вѣроятно мамонтовой), найденной въ курганѣ на берегу Оби (Сибирь). Подлинникъ находится въ Дерптскомъ музеѣ.

б) Слѣпокъ бронзовой пластинки съ выпуклыми буквами, найденной съ другими могильными древностями въ 1837 году въ Ашераденскомъ пасторатѣ, на берегу Западной Двины въ Лифляндіи. Она изображена въ сочиненіи Крузе: Necrolivonica, Taf. XIV, fig. V. Подлинникъ хранится въ Римѣ, въ Музеѣ соединенныхъ ученыхъ обществъ.

3. Отъ Чл. Кор. Петра Ильича Гундобина: десять мѣдныхъ складней и образковъ, отчасти эмальированныхъ.

4) Отъ Потомственного Почетнаго Гражданина Ильи Даниловича Ковригина въ Самарѣ: 23 бронзовыхъ и оловянныхъ новѣйшихъ медалей и игральныхъ марокъ.

Опредѣлили: выразить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ статей:

а) Отъ Чл. Кор. Ефима Ефимовича Люценко въ Керчи: Записка о русской монетѣ, найденной въ Тамани, станицѣ Кубанскаго войска, съ фотографическимъ снимкомъ.

б) Отъ В. М. Вѣдрова: Разборъ четырехъ бесѣдъ Фотія, изданныхъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ.

с) Отъ Д. Ч. М. Максимовича: Дополненіе къ его статьѣ объ украинскихъ стрѣлахъ, съ рисунками.

д) Отъ Чл. Кор. А. И. Свирѣлина: Описаніе Переславскаго Федорова монастыря.

е) Отъ И. Д. Мансветова въ Троицкой Лаврѣ: разборъ сочиненія Кардинала Питры; Гимнографія греческой церкви.

ф) Отъ Чл. Кор. Р. Г. Игнатъева: Сосуды Преосвященнаго Кириллія, Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ Невьянскомъ заводѣ.

4. Общество выслушало слѣдующій Высочайшій указъ, напечатанный въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 55:

Высочайшимъ указомъ отъ 28 ноября 1868 года Всемилостивѣйше пожалованъ Московскому Археологическому Обществу находящійся въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, Курьерскій домъ, съ тѣмъ, что Обществу не дозволяется ни закладывать, ни продавать, ни отчуждать инымъ образомъ въ постороннія руки вышеупомянутый домъ.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на залогъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ Археологическимъ Обществомъ означеннаго выше Курьерскаго дома, съ тѣмъ чтобы проценты по сему залогу выплачивались съ найма отдаваемыхъ въ означенномъ домѣ квартиръ; полученная же отъ Кредитнаго Общества сумма употреблена была на возобновленіе зданія.

Московское Археологическое Общество, выслушавъ Высочайшее разрѣшеніе о залогѣ принадлежащаго ему дома въ Московское Городское кредитное Общество, для пріобрѣтенія суммы, необходимой для передѣлки онаго дома, постановило: съ согласія г. Предсѣдателя, препоручить Предсѣдателю Общества Графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову принять на себя исполненіе этого дѣла съ правомъ входить куда слѣдуетъ съ надлежащими прошеніями и расписываться за Общество, какъ избранный имъ представитель. Отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ Графъ А. С. Уваровъ обязанъ представить въ ближайшемъ по возможности засѣданіи Общества.

5. Дѣст. Чл. К. Ив. Невоструевъ представилъ присутствующимъ гг. Членамъ Общества на разсмотрѣніе древне-русскій жженый изразецъ XVII вѣка, на которомъ изображенъ орелъ. По поводу этого изображенія нѣкоторыми членами были высказаны разныя соображенія о времени возникновенія разныхъ геральдическихъ изображеній, каковы: орелъ, единорогъ и т. д. въ русскомъ древнемъ искусствѣ.

6. Читана статья Члена Кор. Еф. Еф. Люценко въ Керчи подъ заглавіемъ: Записка о русской монетѣ, найденной въ Тамани, станицѣ Кубанскаго войска (съ приложеніемъ въ уменьшенномъ видѣ фотографическаго снимка).

№ 59. 1870 года, апрѣля 26 дня. Протоколъ пятаго годоваго собранія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. Членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Афанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Калачева, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, К. И. Неустроева, А. Н. Попова, Н. А. Попова, В. Е. Румянцева, Д. П. Сонцева, М. М. Фомина, Д. О. Шёпинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Секретарь прочелъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ (напечатанъ въ приложеніи).

2. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній.

древности. Ш.

КНИГАМИ:

1. Отъ Священника Николая Розонова, въ Москвѣ:
 - a) Исторія Московскаго епархіальнаго управленія. М. 1869. 2 части.
 - b) Объ архивѣ Московской Духовной Консисторіи.
 - c) О времени благовѣста при церквахъ въ Москвѣ.
 - d) Камилавка, пожалованная Наполеономъ I.
 - e) О крестныхъ ходахъ въ Москвѣ.
 - f) В. П. Рагузиль.
 - g) О Московскихъ городскихъ кладбищахъ.
 - h) П. А. Алексѣевъ.
 - i) О мѣрахъ наказаній.
 - k) О церкви Спаса въ Барыковской богадельнѣ.
 - l) О Татианинской церкви.
 - m) Саввинское подворье.
2. Отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія: Schnitzler, L'empire de Tsars. Tome IV. Paris. 1869. 8°.
3. Отъ Ея Превосходительства А. М. Раевской въ С. Петербургѣ: a) Halland's Forminnes—Förennings Arsskrift. 1869. 1-sta Banded edta häfte. Holmstad. 8°. 6) Masden, Afbildinger af Danske oldfager og mindesmaerker. 1 тетрадь in fol.
4. Отъ Чл. Кор. Алексѣя Н. Веселовскаго: Старинный театръ въ Европѣ. Москва. 1870. 8°.
5. Отъ Предсѣдателя Общества: Русскія гравюры и ихъ произведенія. Изслѣдованіе Д. Ровинскаго. Москва. 1870. 8°.
6. Отъ Чл. Кор. П. М. Ревякина въ Варшавѣ: Холмскій Греко-Уніатскій мѣсецесловъ, на 1870. Варшава. 1870. 8°.
7. Отъ Чл. К. Г. Евлентьева: Археологическая записка о Почанкиныхъ. Псковъ. 8°.
8. Отъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей: отчетъ за 1869 г. Одесса, 1870. 8°.
9. Отъ Южно-Славянской Академіи Наукъ: Rad, Knjiga X. U Zagrebu. 1870. 8.

ВЕЩАМИ:

Отъ инженеръ-статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича Бедряги, чрезъ посредство предсѣдателя Московскаго Сельскаго Хозяйственнаго Общества І. Н. Шатилова: 18 желѣзныхъ предметовъ, найденныхъ въ 12 верстахъ отъ Тамбова и отъ г. Шатилова 4 желѣзные предмета, найденные въ курганѣ въ Наровчатскомъ уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ имѣнія Казбекъ г. Мацнева.

Постановили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующей статьи:

Отъ Дѣйств. Чл. Н. А. Попова: Дополненіе въ литературѣ о курганахъ, напечатанной въ Матеріалахъ для Археологическаго Словаря.

Опредѣлили: передать статью въ редакціонный Комитетъ.

5. Г. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ, что въ настоящемъ году назначены археологическіе съѣзды въ городахъ Базель и Болоньѣ и второй съѣздъ русскихъ археологовъ Высочайше разрѣшенъ въ ноябрѣ 1871 года въ С. Петербургѣ.

6. Г. Предсѣдатель заявилъ, что открытіе подписки для сооруженія памятника первопечатнику Ивану Феодоровичу будетъ объявлено во всѣхъ газетахъ. При томъ, онъ заявилъ желаніе, чтобы для успѣха подписки къ объявленіяхъ объ ней прилагаемы были біографическія свѣдѣнія объ этомъ лицѣ. При обсужденіи этого вопроса, присутствующіе гг. члены обратились къ Дѣйств. Чл. В. Е. Румянцеву съ просьбою—составить для этой цѣли біографію Ивана Феодоровича, на что послѣдній и изъявилъ свое согласіе.

7. Г. Предсѣдатель представилъ 4 фотографическихъ снимка съ плащаницъ, доставленныхъ ему бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Румыніи, г. Одебеско въ Бухарестѣ. Изъ нихъ первая, находящаяся въ Бухарестѣ, исполнена для Тихвинскаго монастыря въ 1601 году; двѣ другія тоже русскаго происхожденія, а 4-я греческаго, XVII вѣка.

8. Дѣйств. Чл. Архимандритъ Амѣлохій сдѣлалъ устное сообщеніе о новооткрытыхъ имъ латинскихъ надписяхъ въ Даниловскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

9. Г. Предсѣдатель, по поводу предстоящаго втораго Археологическаго съѣзда, заявилъ желаніе, чтобы изслѣдованы были памятники древности, находящіеся въ Тверской Карелии и до сихъ поръ описанные только въ извѣстной статьѣ О. И. Глинки. Въ преніи, вызванномъ этимъ заявленіемъ, приняли особое участіе Н. А. Поповъ, Д. П. Сонцевъ, К. К. Гёрцъ и др.

10. Избраны должностныя лица Общества на 1870 годъ:

въ Предсѣдатели:

Графъ Алексѣй Серіевичъ Уваровъ.

въ Товарищи Предсѣдателя:

Дмитрій Петровичъ Сонцевъ.

въ Секретари:

Карль Карловичъ Гёрцъ.

въ Товарищи Секретаря:

Василій Егоровичъ Румянцевъ.

въ Казначей:

Алексѣй Васильевичъ Брыкинъ.

въ Библиотекари:

(онъ же и хранитель Музея).

Баронъ Дмитрій Оттоновичъ Шёппингъ.

вЪ Члены Редакціонной Коммисіи:

- Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ.
 Карлъ Карловичъ Гёрцъ.
 Нилъ Александровичъ Поповъ.
 Александръ Николаевичъ Аванасьевъ.
 Николай Васильевичъ Калачевъ.

№ 60. 1870 года, апрѣля 26 дня. По окончаніи годоваго собранія, въ тотъ же день, въ экстренномъ засѣданіи, въ присутствіи тѣхъ же гг. Членовъ, избраны:

вЪ Дѣйствительные Члены по § 7 устава:

1. Лавровскій, Петръ Алексѣевичъ, въ Варшавѣ.
2. Одобеско, въ Бухарестѣ.
3. Де Линасъ, въ Парижѣ.
4. Фирховъ, въ Берлинѣ.
5. Монтелиусъ, въ Стокгольмѣ.
6. Шмидтъ, Вальдемаръ, въ Копенгагенѣ.
7. Энгельгардтъ, тамъ же.
8. Демарси, въ Компьенѣ.

вЪ Дѣйствительные Члены:

1. Вѣдровъ, Владиміръ Максимовичъ, въ Москвѣ.

вЪ Члены Корреспонденты:

1. Веселовскій, Александръ Николаевичъ, въ Москвѣ.
2. Виноградскій, Викторъ Николаевичъ, тоже.
3. Мансветовъ, Иванъ Давидовичъ, въ Троицкомъ Посадѣ.
4. Розановъ, Николай Павловичъ, въ Москвѣ.

ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІЯХЪ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

съ 25-го Января 1869 года по 31-ое Марта 1870 года,

читанный въ пятомъ годовомъ собраніи членовъ

Апрѣля 26 дня, 1870 года,

Секретаремъ Общества К. К. Гѣрцъ.

1.

Личный составъ Общества.

Московское Археологическое Общество, находящееся съ 18-го октября 1865 года подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича, состоитъ изъ 13 членовъ-основателей, 2 почетныхъ членовъ, 123 дѣйствительныхъ членовъ и 38 членовъ-корреспондентовъ.

Предсѣдатель.

Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ.

Товарищъ Предсѣдателя:

Дмитрій Петровичъ Сонцевъ.

Секретарь:

Карлъ Карловичъ Гѣрцъ.

Товарищъ Секретаря:

Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ.

Казначей:

Алексѣй Алексѣевичъ Брыкинъ.

Библиотекарь и Хранитель Музея:

Алексѣй Николаевичъ Веселовскій.

Члены Редакціоннаго Комитета:

Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ.

Карлъ Карловичъ Гѣрцъ.

Александръ Николаевичъ Афанасьевъ.

Николай Васильевичъ Калачевъ.

Сергій Михайловичъ Соловьевъ.

Редакторъ Трудовъ Общества:

Карлъ Карловичъ Гёрцъ.

2.

Недвижимая собственность Общества.

Высочайшимъ указомъ отъ 28-го ноября 1868 года Всемилостивѣйше пожалованъ Московскому Археологическому Обществу находящійся въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, Курьерскій домъ, съ тѣмъ, что Обществу не дозволяется ни продавать, ни закладывать, ни отчуждать инымъ образомъ въ постороннія руки вышеупомянутый домъ.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на залогъ въ Московскомъ кредитномъ Обществѣ Археологическимъ Обществомъ означеннаго выше Курьерскаго дома съ тѣмъ, чтобы проценты по сему залогу выплачивались изъ найма отдаваемыхъ въ означенномъ домѣ квартиръ, полученная же отъ Кредитнаго Общества сумма употреблена была на возобновленіе зданія.

Московскія Вѣдомости. 1870. № 55.

Московское Археологическое Общество, вслѣдствіе вышеозначеннаго Высочайшаго разрѣшенія, въ засѣданіи марта 31 дня 1870 года, постановило: съ согласія г. Предсѣдателя препоручить ему, Графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову, принять на себя залогъ дома, принадлежащаго Обществу, въ Московское Кредитное Общество для пріобрѣтенія суммы, необходимой для передѣлки онаго дома, съ правомъ входить куда слѣдуетъ съ надлежащими прошеніями и расписываться за Общество, какъ избранный имъ представитель.

3.

Засѣданія Общества.

Общество имѣло одно годовое собраніе, 4 обыкновенныхъ и одно экстраординарное засѣданіе. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Общества присутствовали и посторонніе посѣтители и любители археологій.

4.

Изданія Общества.

Въ истекшемъ году Общество издало второй томъ своихъ «Трудовъ», вышедшій въ трехъ выпускахъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ 50 печатныхъ листовъ, съ 47 полигонажами, съ 3 литографированными и 4 хромолитографическими снимками и одной хромолитографическою и 3 литографированными картами.

Слѣдующія учрежденія обмѣниваютъ свои изданія на изданія Общества: Императорская Академія Наукъ.

- Императорская Археологическая Коммиссія.
 Археографическая Коммиссія.
 Императорское Русское Археологическое Общество.
 Нарвское Археологическое Общество.
 Московское Общество Исторіи и древностей російскихъ.
 Чешскій Музей въ Прагѣ.
 Общество Сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.
 Южно-Славянская Академія Наукъ въ Загребѣ.
 Одесское Общество исторіи и древностей.
 Ученое Эстонское Общество въ Дерптѣ.
 Общество Исторіи и древностей Остзейскихъ провинцій въ Ригѣ.
 Императорскій Казанскій Университетъ.
 Императорскій Харьковскій Университетъ.
 Императорскій Новороссійскій Университетъ.
 Казанская Духовная Академія.
 Кіевская Духовная Академія.
 Мюнхенская Академія Наукъ.
 Королевская Академія литературы, исторіи и древностей въ Стокгольмѣ.

5.

Библиотека Общества.

Въ истекшемъ году поступили слѣдующія приношенія:

	числомъ
1. Рукописей	2.
2. Фотографическихъ, литографическихъ и другихъ снимковъ	10.
3. Печатныхъ книгъ, брошюръ журналовъ (названій).	205.

6.

Музей Общества.

Въ истекшимъ году въ Музей Общества поступили слѣдующія приношенія:

1. 20 серебряныхъ крестовъ.	}	отъ П. И. Гундобина.
2. 1 деревянная божница.		
3. 9 мѣдныхъ образковъ.		
4. Каменные различныя орудія, человѣческія черепа и кости изъ Архангельской губерніи		отъ А. Г. Тышинскаго.
5. 17 изразцовъ		отъ И. А. Голышева.
6. 1 мѣдный ножъ		отъ В. И. Григоровича.
7. Серебряная запонка.	}	отъ И. А. Голышева.
8. Серебряныя пуговицы.		
9. Тѣльный крестъ.		
10. 2 мѣдные образа.		
11. Рѣзной деревянный образъ.		
12. Собраніе древностей изъ кургановъ Московской губ.		отъ А. А. Гатцука.

13. 10 снимковъ съ штемпелей.	отъ А. М. Раевской.
14. Бронзовая статуэтка.	отъ Самарскаго Вице-Губернатора.
15. 1 восковая печать	отъ Князя В. А. Вадбольскаго.
16. 2 слѣпка.	отъ Г-жи А. М. Раевской.
17. 10 мѣдныхъ складней и образковъ.	отъ П. И. Гундобина.
18. 1 золотая монета.	} отъ разныхъ лицъ.
19. 39 серебряныхъ монетъ.	
20. 123 мѣдныхъ монетъ.	

7.

Первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ.

Устроенный съ Высочайшаго соизволенія Московскимъ Археологическимъ Обществомъ первый съѣздъ русскихъ археологовъ въ Москвѣ открытъ былъ въ зданіи Голицынскаго Музея Г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ присутствіи многочисленнаго собранія представителей различныхъ ученыхъ русскихъ учрежденій членовъ Общества, и посторонней публики 16 марта 1869 года. Списокъ членовъ археологическаго съѣзда состоялъ изъ 111 лицъ. Съѣздъ имѣлъ 20 засѣданій, изъ которыхъ послѣднее происходило 28 марта. Труды съѣзда въ настоящее время приготавливаются къ печати подъ редакцію Предсѣдателя Общества Графа А. С. Уварова.

8.

Торжественное собраніе въ память о первопечатникѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ.

4-го января 1870 года, въ залѣ Московской Городской Думы, происходило торжественное собраніе по случаю совершившагося трехсотлѣтія со времени напечатанія въ первый разъ московскими типографами, Иваномъ Ѳедоровичемъ и Петромъ Тимофеевичемъ Мстиславцемъ, Евангелія учительнаго въ Заблудовѣ. Въ засѣданіи прочитаны были гг. членами слѣдующія статьи: В. Е. Румянцевымъ: о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ и о первыхъ московскихъ печатникахъ; М. П. Погодинымъ, о дѣятельности московскихъ первопечатниковъ за границею и А. А. Гатцукомъ: о дальнѣйшемъ ходѣ московскаго книгопечатанія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Съ Высочайшаго соизволенія Обществу разрѣшено открыть подписку для сбора на сооруженіе памятника московскому первопечатнику Ивану Ѳедоровичу въ городѣ Острогѣ Волынскомъ.

9.

Некрологъ.

Въ теченіи истекшаго года Общество лишилось слѣдующихъ членовъ:
 Вельтмана, Александра Ѳомича, †12 Января, 1870 г.
 Д-ръ І. Ганушъ, †19 (ст.) Мая, 1869.
 Д-ръ О. Янъ, †9 (н. ст.) Сентября, 1869 г.

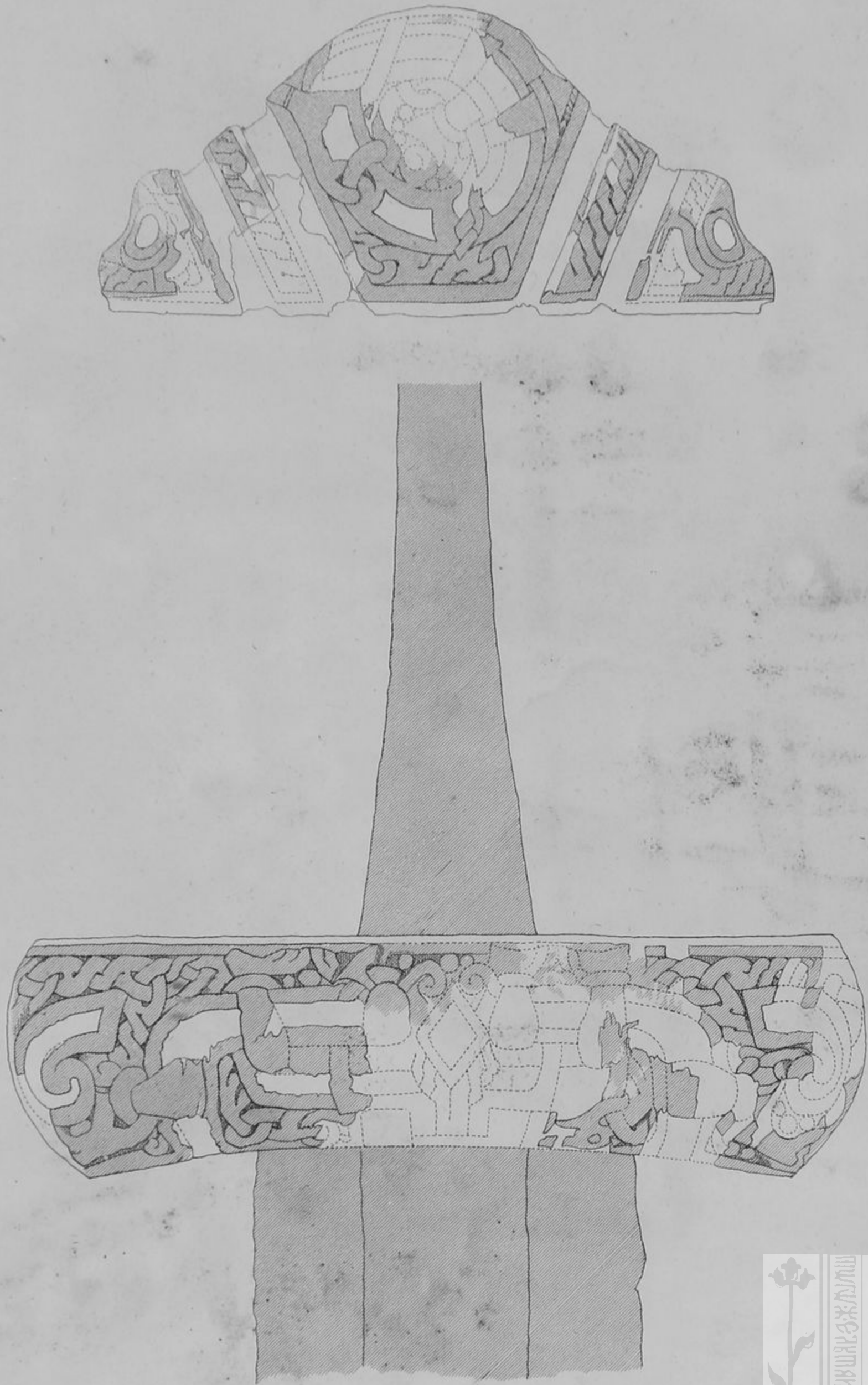
Вид VI. Министр-Сигелъ. Мюнхенъ. Медаль Видъ Св. Антонія. Мюнхенъ. 1709.

Наградныя медали Петра Великаго въ коллекции г. Шроля въ С.-Петербурѣ.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
Музейной работы

НОРМАНСКІЙ МЕЧЬ.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ии-та Краеведческой
и Музейной работы

Надгробный камень изъ АНАНЬИНА могильника
ВЯТСКОЙ губернии, близъ г. ЕЛАБУГИ.

Фото-Литографія И. Левицкаго. Издательство Императорскаго Восточнаго Азіатскаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
и Музейной работы

стр.

IV. ТРУДЫ ИНОСТРАННЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА.

О введеніи въ гимназіальный курсъ изученія художественныхъ памятниковъ, преимущественно христіанскихъ. Статья Д. Чл. Ф. Пипера 227—253.

V. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСК. АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. . № № 58—60.

Приложеніе: Отчетъ за 1869 г. 254—264.

РИСУНКИ.

Табл. XIII. Наградныя медали Петра Великаго въ коллекціи г. Шролля въ С. Петербургѣ.

Табл. XIV. Норманскій мечъ.

Табл. XV. Надгробный камень изъ Ананьина могильника, Вятской губерніи, близь г. Елабуги.

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

Третій томъ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества вийдетъ въ 3-хъ випускахъ, съ гравюрами и политипажами.

Цѣна втораго випуска 2 руб. сер.

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ собственномъ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, у большаго каменнаго моста.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Общества:

1. Древности. Томъ I, випускъ 1-й, цѣна 3 р. с.
2. — " — " Томъ I, випускъ 2-й, цѣна 3 р. с.
3. — " — " Томъ II, випускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
4. — " — " Томъ II, випускъ 2-й, цѣна 2 р. с.
5. — " — " Томъ II, випускъ 3-й, цѣна 2 р. с.
6. — " — " Томъ III, випускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
7. Археологическій Вѣстникъ на 1867 г. 6 книжекъ. Цѣна 6 р. с.
8. Описаніе Кіева. Соч. Н. Закревскаго. 2 тома съ атласомъ. Цѣна 7 р. с.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

